

СТОЛЦА

Еженедельник
Моссовета

1/90
август

Юрий Афанасьев:
**«ПЕРЕСТРОЙКА,
ЗАДУМАННАЯ
ПАРТАППАРАТОМ,
УДАЛАСЬ»**

Как мы брали дворец Амина

«Скорбный лист» Владимира Высоцкого

Анатолий Рубинов: Интимная жизнь Москвы

МОСКВА. МАНЕЖНАЯ ПЛОЩАДЬ. 15 ИЮЛЯ 1990 ГОДА.

Юрий АФАНАСЬЕВ (55 лет) — народный депутат СССР, доктор исторических наук, ректор Московского историко-архивного института. Один из сопредседателей Межрегиональной депутатской группы. В 1961 году вступил в КПСС. С 1988 года стал широко известен публичной радикальной критикой не только сталинизма, но и системы, сталинизм породившей. В 1989 году за публикацию его статьи была разогнана редакция ногинской районной газеты «Знамя коммунизма», что сделало ее самой известной «районкой» страны. С трибун пленумов ЦК КПСС и совещаний в ЦК не раз звучали призывы (в том числе и от Генерального секретаря) «разобраться» с партийной принадлежностью Ю. Афанасьева. Но он разобрался сам: весной 1990 года вышел из рядов КПСС.

фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

Юрий АФАНАСЬЕВ:

ПЕРЕСТРОЙКА, ЗАДУМАННАЯ ПАРТАППАРАТОМ, УДАЛАСЬ

В нашей сегодняшней жизни столько событий и сюжетов, над которыми стоит поразмышлять, что выбрать что-то одно для разговора с читателями «Столицы» оказалось довольно непростым делом. Тем более, что каждый день приносит какие-то новые, скажем так, сюрпризы.

Вот, например, 21 июля мы прочли в газетах обращение Президиума Верховного Совета СССР к народам Литвы, Латвии и Эстонии в связи с 50-летием вхождения этих республик в СССР... Вроде бы и не хочется говорить очень уж резкие слова по поводу такого «высокого» документа, но куда не денешься. Ведь в этом обращении нет абсолютно никакого созвучия с настроениями «поздравляемых» народов, с историческими фактами. Его авторы не удосужились даже одним словом вспомнить о решении, принятом Съездом народных депутатов СССР по поводу пакта Молотова — Риббентропа 1939 года и секретных протоколов к нему, которыми были попорны суверенитет и достоинство прибалтийских народов.

Естественно, ничего не сказано в обращении о том, чем обернулось все это для жизни, культуры, природы Литвы, Латвии и Эстонии. Зато есть пожелания «счастья и благополучия» рабочим, крестьянам и интеллигенции трех республик.

Оставим пока в стороне общее несоответствие стилистики этого документа духу нашего времени. Но не упомянуть о пакте 1939 года и протоколах, не подтвердить оценок, данных им народными депутатами СССР,

«Именно КПСС становится наиболее консервативной силой на пути глобальных преобразований нашего общества».

— значит превратить в пустой звук все аморфные и противоречивые пока разговоры о новом государственном устройстве СССР, новом союзном договоре. Потому что перед нами не просто документ, не просто очередные слова, а позиция, политическая линия. Позиция, которая во многом является источником политической напряженности в стране, хотя кому-то очень хочется представить причиной такой напряженности действия «националистов», «экстремистов», «сепаратистов» и т. п.

Безусловно, обращение Президиума Верховного Совета СССР отражает взгляды, довольно широко распространенные в разных слоях нашего общества. Недавно, например, в «Воениздате» вышла книга С. В. Волкова и Ю. В. Емельянова «До и после секретных протоколов», где, в частности, сказано, что признание договора 1939 года незаконным «суть не что иное, как политический и правовой произвол». Авторы недоговаривают, они не осмеливаются сказать, что этот «произвол» был допущен Съездом народных депутатов СССР. Зато мечут громы и молнии по поводу подобных мыслей. Так что стереотипы сталинской пропаганды, сталинской историографии еще достаточно крепки. И с этим фактом надо считаться. Но не впадать в излишние эмоции и возмущения, а просто понимать, что от взглядов, которые формировались десятилетиями, за несколько дней не избавишься, нужна долгая, кропотливая работа...

Подтверждением многих стереотипов стал и XXVIII съезд КПСС. Его итоги удивительным образом совпали с тем, что можно было предположить, — и в целом, и в частности. Мне кажется, он еще раз показал, что именно КПСС становится наиболее консервативной силой на пути глубоких преобразований нашего общества. Под аккомпанемент разговоров о перестройке, многоукладной экономике и т. д. партия вновь продемонстрировала, что по сути выступает за сохранение той системы взаимоотношений, которые сложи-

лись за 70 лет, а не за коренное их изменение.

Но есть и новое. Думаю, после съезда нам надо как-то пересмотреть свое отношение к итогам пяти лет перестройки. Вот в каком смысле. Часто говорят, что перестройка ничего не дала, что, мол, трудно увидеть какие-то результаты. Мне же кажется, что если смотреть на перестройку так, как она была задумана партаппаратом, КПСС, то она вполне удалась. Она ведь и задумывалась как

перестройка общества без изменения его основания. И с этой точки зрения все осуществляется весьма успешно, чему яркое свидетельство — прошедший съезд. Кроме того, он показал удивительную способность к самосохранению системы, суть которой — сращивание партийных и государственных структур. Даже слова, явно противные духу и смыслу КПСС — «рынок», «многопартийность», «гласность» и прочие, — она в состоянии подхватить, выхолостить их содержание и приспособить к собственным нуждам, чтобы сохраниться.

Уход из партийного руководства самых одиозных фигур типа Е. К. Лигачева я бы тоже приписал этой способности партии к самосохранению. Так же, кстати, как и приход в свое время М. С. Горбачева. В определенных моменты система выдвигает наиболее рационально мыслящих, наиболее реалистичных деятелей, политиков, которые способны придать ей дополнительные силы. И она же отторгает тех, кто начинает ее дискредитировать своим очевидным консерватизмом и реакционностью, кто ей уже не нужен. При такой мимикрии меняется форма, но не существо системы.

Впрочем, главное, вероятно, даже не это. Если вы внимательно прочтаете все решения последнего съезда КПСС, то вам будет трудно избавиться от впечатления их неопределенности, двусмысленности, противоречивости и непоследовательности.

«Как могут «суверенные государства» существовать внутри другого государства?»

Всего этого в съездовских документах столько, что сначала спрашиваешь себя: как же они недоглядели, пропустили такие вещи? Но потом понимаешь, что никакой это не недосмотр и не оплошность. Тут как раз и отражается ситуация, в которой пребывают партия и режим. Они уже не могут не ощущать ветра времени, не могут, как прежде, отгородиться от общества, не сознавать не-

обходимости глубоких перемен в нем. И эти реалии эпохи запечатлены в документах, но в непоследовательном и противоречивом виде, поскольку партия — как социально-политический институт — всем своим существом противится радикальным структурным изменениям.

В программном заявлении съезда «К гуманному, демократическому социализму», опубликованном в «Правде» 15 июля, читаем на первой полосе в разделе «Об экстренных мерах по выходу из кризиса»: «В качестве неотложных мер партия выдвигает... разработку в текущем году нового договора о союзе республик как суверенных государств...» Вроде бы сказано однозначно. Переворачиваем газетную страницу и на третьей полосе в разделе «К обновленному союзу суверенных республик» видим: партия «считает, что, исходя из интересов самих народов и тенденции мировых процессов к интеграции, важно сохранить целостность обновленного Союза как динамичного многонационального государства». То есть СССР здесь уже объявляется единым государством.

Чему же верить? Тому, что напечатано на первой или на третьей странице «Правды»? Как могут «суверенные государства» существовать внутри другого государства? Разумеется, они могут объединяться в союз, но это должна быть либо конфедерация, либо некое единение во главе с органом типа Европарламента, либо сотрудничество по принципу, например, Британского. Но уж никак не «сверхгосударство» с Совмином, Верховным Советом и соответствующей государственной атрибутикой.

Таких неопределенностей, повторяю, сколько угодно. «Съезд считает: глубинные истоки кризиса не в ущербности самой идеи социализма, а в тех деформациях, которым она подверглась в прошлом». Это тот самый оруэлловский «новояз», который, оказывается, можно с успехом применять в наше время. Не сомневаюсь, что программный документ съезда готовили грамотные люди. И они должны были знать, что никакой такой статичной «идеи социализма» никогда не существовало ни во времени, ни в пространстве. Была совокупность идей, не фиксируемая как не-

что неизменное. Было постоянно развивающееся понятие. Уже в конце прошлого века «идея социализма» делилась на два течения — ортодоксальное, догматическое (его предшественник сам Энгельс называл «попами марксистского прихода»), и ревизионистское (Каутский и Бернштейн на Западе, «легальные марксисты» и им подобные в России), критиковавшее основателей за неко-

торые явные несоответствия с данными науки, с социальным опытом и практикой. В ленинский период появилась большевистская трактовка социалистической идеи, в известной мере отличная и от догматической (хотя и близкая к ней), и от ревизионистской.

И дальше идея социализма развивалась в разных направлениях: сталинская трактовка, франкфуртская школа, грамшианская, современная социал-демократическая и другие, со множеством нюансов и отличий по существу. Так о какой же идет речь в документах съезда? О той, что запечатлена у раннего Маркса? Или у позднего? Или у последующих трактователей? Но туман и неопределенности напущены сознательно, в ряду с клятвами в верности марксизму-ленинизму, социалистическому выбору — ради того, чтобы оставить неизлечимыми основания нашего жизнеустройства.

На мой взгляд, вместо этого, вместо призывов «избавиться от деформаций» надо было дать ясную и четкую, понятную всем характеристику общества, которое у нас сформировалось. Безо всяких «измов» сказать, кому в стране принадлежит собственность, что она собой представляет, в чем суть существующей политической системы. И для этого вполне хватило бы нормальных научных категорий — без традиционных отсылок к основоположникам, без повторяемых с придыханием заверений в преданности «идее социализма».

**«Мы все не суверенны...
ибо и колхозник, и рабочий,
и интеллигент в конечном
итоге служат по найму у го-
сударства».**

В том же ряду стоят и трактовки собственности. Вроде «трудовой частной собственности», что с экономической точки зрения, по-моему, такая же абракадабра, как и «регулируемый рынок». Все это нужно, чтобы сохранить у нас главного собственника — государство, сросшееся с партией (или партию, сросшуюся с государством, как угодно). А те, кто трудятся, по-прежнему будут лишь пользователями — земли, средств производства, но не их владельцами. Коли так, то никакие аренды, подряды, самофинансирование и прочее ситуацию не изменят. Изменить отношения собственности можно только кардинально: отдать землю, предприятия, бытовое обслуживание, торговлю и т. д. в руки тех, кто работает в этих сферах. И сделать их не только пользователями, но и распорядителями собственности.

А чего стоят уверения съезда, что КПСС не допустит «эксплуатации человека»? Тысячелетняя история человечества доказала, что самым мощным и беспощадным эксплуататором может выступать именно госу-

дарство. В чем мы ежедневно убеждаемся на собственном опыте. В 1917 году мы не ликвидировали частную собственность даже в том виде, как это понимал Маркс, а заменили многих собственников одним, наихудшим, сосредоточившим в своих руках абсолютно все, — государством. Но документы съезда намеренно смешивают понятия эксплуатации и использования наемного труда.

Если перестройка останется лишь «освобождением от деформаций», а основание по-прежнему будет считаться «хорошим», нам предстоит и дальше бороться в противоречиях, полумерах, неопределенностях, которыми характеризуется политическая линия современного руководства. И до каких-то серьезных перемен мы не доживем. Вот о чем говорят итоги съезда.

У нас есть силы, способные стать альтернативой такому курсу. Это, например, Межрегиональная депутатская группа, в которой представлены не просто отдельные личности, а люди, выражающие интересы своих многочисленных избирателей. И Демократический блок, собравший на выборах в местные и республиканский Совет в разных регионах России от 30 до 80 процентов голосов и победивший, в частности, в Москве и Ленинграде. Это национальные движения в Прибалтике, украинский «Рух», набирающий силу Народный фронт Белоруссии, различные общественные течения в Грузии, пока, правда, разрозненные. И политически крепнущее рабочее движение, прежде всего шахтерское. И появившиеся демократические партии.

Однако преувеличивать сегодняшнюю силу радикальных, демократических движений столь же опасно, как и не замечать их. Они еще не объединены, их слабость — в разобщенности. Но не только в ней. У нашей демократии сейчас нет, я бы сказал, экономических оснований. Мы все не суверенны в полном смысле этого слова, ибо и колхозник, и рабочий, и интеллигент в конечном итоге служат по найму у государства. Все у него на поводке. Поводок может быть подлиннее или покороче, но каждый его ощущает. Не только дважды в месяц, получая зарплату, а ежедневно: человеку нужна квартира, путевка в санаторий, место в детском саду для ребенка и т. д.

Из-за этой тотальной зависимости народа от государства демократические движения сегодня действуют лишь на негативном отношении людей к режиму, на осознании, что невозможно жить по-старому. И крайне мало позитивного начала, поскольку, повторю, для него нет экономических оснований. Вот почему важно развивать кооперацию, добиваться того, что на словах провозглашено, — скажем, реальной возможности для крестьянина выйти при желании из колхоза с соответствующим имуществом

и земельным наделом. Но этого не происходит, поскольку законы о собственности и о земле ничего такого не гарантируют (даже помощи со стороны государства), а лишь декларируют некие неопределенные права...

И еще одна проблема, которую мы должны радикально решить на государственном уровне, если хотим действительно измениться как общество. Речь — о месте и роли военно-промышленного комплекса. Все слова о разумной достаточности, поэтапности, балансе сил, мне кажется, сегодня устарели. После перемен, которые произошли в Восточной Европе и намечались у нас, «конфигурация» мира существенно изменилась, коммунизм перестал быть альтернативой остальной цивилизации. Значит, коренным образом меняется содержание международной политики. Впервые в истории оно уже не связано с противостоянием групп государств, как до 1917 года, или идеологических блоков, как в последние десятилетия. Содержание международной политики становится, так сказать, «общерывочным».

Что из этого следует? То, что глобальные военные конфликты уже невозможны. Безусловно, могут оставаться региональные, локальные, как и теперь, — например, на этнической, национальной почве. Но не всемирные. Поэтому нам следует абсолютно иными глазами взглянуть на свою военную доктрину, радикально пересмотреть проблему ВПК. Никто системе не угрожает, потому что и системы уже нет.

Но, если мы и дальше вместо коренных перемен в подходе к государственному устройству страны, к военно-промышленному комплексу, к вопросам собственности будем лишь повторять, как припев к песне, слова: «мы за наш социалистический выбор с коммунистической перспективой», — ничего нас не ждет. Кроме обострения экономических трудностей, международных конфликтов и туманных двусмысленных фраз в очередных партийных документах.

Рисунок Вячеслава ЧЫСОЕВА

Москва 103051, Петровка, 22.
Телефоны: 202-42-45, 928-23-49

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник Моссовета

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:

Вячеслав БАСКОВ,
Владимир ВОЙНОВИЧ,
Валерий ВЫЖУТОВИЧ,
Илья ЗАСЛАВСКИЙ,
Валерий КИЧИН
(зам. главного редактора),
Александр МИНКИН,
Аркадий МУРАШОВ,
Олег ОРЛОВ,
Александр ПОЛЯКОВ,
Анатолий РУБИНОВ,
Сергей СТАНКЕВИЧ,
Галина СТАРОВОЙТОВА,
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора),
Татьяна ТОЛСТАЯ,
Владимир ЦВЕТОВ,
Александр ЦИПКО,
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора),
Владислав ЯНКУЛИН

Генеральный директор

Михаил ПЕКЕЛИС

Художник

Анатолий ГОЛОВЧЕНКО

Мнения авторов не обязательно совпадают
с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна.

На первой странице обложки и на
центральной развороте фото Юрия
Феклистова, на второй странице
обложки — фото Николая Степанен-
кова.

Номер набран в типографии издательства «Известия» с
участием творческого объединения «Интерпракс» совет-
ско-американского фонда «Культурная инициатива». Отпе-
чатан в типографии издательства «Московская правда».
Номер подписан в печать 3.08.90

© «Столица» 1990

Комитеты
и «комитетчики».

Вокруг
Гдляна
и Иванова.

22

Вячеслав СЫСОЕВ:
«Осиновый кол
в могилу
нечисти».

64

Вот
уж 29
более
двух
десятилетий
Московский
Кремль
перестал быть
«запретной
зоной».

8 Будет ли
торговать
московская
торговля?

День рождения
Джуны и другие
события
в
разделе
«Свет-
ская
хроника».

18 Истукан,
или Наша
Лениниана.

Гейдар
АЛИЕВ:
«Машины
нет,
дачи
нет...».

24

62 «И два еврея,
подхватив полы
лапсердаков,
кинулись
наутек».

Юрий НАГИБИН.
Рассказ «Поступь
богатыря».

46

62

БЕЗ ЦЕНЗУРЫ

Первое, что обнаружили народные депутаты Моссовета, придя к власти в городе, — это то, что у них не оказалось органов печати. Ни газет, ни журналов, ни радиостанции, ни телевизионного канала. Все это находилось в руках КПСС, которая отнюдь не собиралась и не собирается, судя по результатам ее съезда, делиться награбленным с народом. Колесико и винтик общепартийного механизма, как называл органы информации Ленин, делали свое дело — пропагандировали человеконенавистническую идеологию, распространяли ложь, сеяли семена раздора. При этом партия не забывала присваивать миллиардные прибыли, приносимые издательствами и газетами, не отчисляя при этом все 73 года Советской власти ни одной копейки в государственный бюджет! Даже Мопассан и Лев Толстой, а ныне Ахматова и Набоков, чьи собрания сочинений рекордными тиражами выходят в издательстве «Правда», кормили и кормят партию. У нас существуют два столичных издательства — «Московский рабочий» и «Московская правда». Первое выпускает книги, второе — газеты и журналы. Оба всю прибыль перечисляют Управлению делами ЦК КПСС, не выплачивая налогов ни в городской, ни в республиканский, ни в союзный бюджет. Подписываясь на «Вечернюю Москву» и «Московский комсомолец», казалось бы, далеко не партийные издания, мы с вами материально поддерживали партийную номенклатуру.

Моссовет пытался провести переговоры с партийными инстанциями, чтобы получить в свое распоряжение хотя бы одну газету из существующих. Переговоры эти, как известно, ни к чему не привели. Это неудивительно: сытый голодного не разумеет. Тогда мы решили учредить новые органы печати, развить собственную полиграфическую базу, создать свое радио, свое телевидение. Дело это непростое, но первый результат перед вами — пробный номер еженедельника Моссовета «Столица».

Мы постарались сделать так, чтобы наш еженедельник, едва возникнув, не перешел в разряд дефицита. Уже наш начальный тираж — 300 тысяч экземпляров. Мы хотим, чтобы каждый москвич, желающий прочитать наш еженедельник, смог без труда купить его в киоске «Союзпечати». А вскоре появятся сразу две ежедневные газеты Моссовета и ежемесячный журнал. Мы сможем, наконец, напрямую общаться со своими избирателями, говорить о реальных проблемах города, обсуждать такие политические и общественные вопросы, на которые у центральных изданий пока что не хватает духа. Для нас нет запретных тем. Мы не поддадимся никакой явной или скрытой цензуре, давлению, угрозам, нажиму. Правда и только правда — вот наш девиз и наше обязательство перед читателями.

И последнее. К еженедельному графику выпуска мы перейдем начиная со второго номера. А пока сделаем небольшой — недели на три — перерыв. Он нужен редакции не только для того, чтобы собраться с силами, завершить решение своих организационных проблем, но и для того, чтобы читатели успели сообщить нам свое мнение о первом номере «Столицы», высказали свои замечания, подсказали темы для будущих номеров. Пишите нам, звоните, приходите. Без вашей помощи нам не обойтись.

На вопросы корреспондента «Столицы» отвечает председатель Моссовета Гавриил ПОПОВ.

Не разрушая стен, сменить фундамент

— Новый Московский Совет еще не прожил свои «100 дней» как полномочная власть, и говорить о каких-то итогах рано. Но все-таки, что, на ваш взгляд, уже удалось сделать?

— Вероятно, главное — удалось установить многое из того, что делать и как делать. Здесь, я бы сказал, мы ступили на правильный путь. Учли урок многовековой русской истории, который состоит в том, что попытка какой-то одной силы, победившей в политической борьбе, устранить все другие силы и начать монополично решать все вопросы рано или поздно кончается трагедией. Эта опасность была перед нами, когда мы получили большинство в Моссовете. Кое-кто считал, что мы тотчас начнем выгонять людей с прежних должностей и, соответственно, повсюду назначать своих. А после того, как увидим, что

«свои» работают не лучшим образом, станем прикрывать их от критики, потом просто покрывать, а затем кончим тем же, чем кончили большевики.

И поэтому нам было крайне важно, победив политически, выдвинуть принцип многопартийности, необходимой коалиции, легальной оппозиции в качестве нормальных элементов системы. Мне кажется, этот принцип нам провести удалось, хотя пока не все оппозиционные силы представлены должным образом в президиуме Моссовета и в руководстве комиссий. Если теперь мы обеспечим представительство в президиуме депутатского блока «Москва» (то есть КПСС), то тем самым завершим формирование нового для Советского Союза типа учреждения, когда оппозиция нормальным образом участвует во всех звеньях политического процесса.

фото Юрия БЕКЛИМТОВА

Второй важный, на мой взгляд, результат — формирование аппарата, администрации. Здесь ведь тоже была опасность, что административные кабинеты начнут заполнять «свои» люди. Это опасность двоякая: во-первых, могут прийти люди некомпетентные, ранее не занимавшиеся подобной работой, а во-вторых, можно втянуться в ложную борьбу с аппаратом. Слово непопулярное, но что бы ни говорили, а аппарат нужен. Мы эту «детскую болезнь левизны» преодолели, убедились и убедили, что аппаратчик-профессионал для дела необходим. Не стали начинать с «чисток», а дали возможность людям поработать в новых условиях и проявить себя.

— Получается, второе, что вы сделали, — это вы ничего не делали, ничего не меняли?

— Совершенно верно — не меняли в профессиональном отношении... Тут вопрос принципиальный. Существовавший аппарат работал под контролем горкома партии. Стоит ли в таком случае делать его «крайним», ответственным за все прошлые грехи? Мы считали, что это было бы политической ошибкой: люди являлись лишь звеньями, проводившими решения горкома, который сам нигде не «засвечивался». И даже известный взрыв возмущения депутатов и москвичей по адресу Сайкина правомерен только отчасти: его вина в том, что он покорно соглашался выполнять чужую волю.

Собственно, замысел компартии в том и состоял, чтобы народу не открылось, кто реально принимал неверные и непопулярные решения. Это, к слову, касается и афганской войны, и событий в Тбилиси, и многого другого. В каждой «пьесе» есть действующие лица, которые видны всем, и есть ее авторы, мало кому известные. Но именно они определяют ход событий.

Вот почему мы поставили задачу — дать возможность тем, кто хочет и может работать по-новому, показать себя. Дать каждому перспективу. Ведь наверняка в прежнем аппарате были те, кто годами вынашивал какие-то планы, мучился от невозможности их осуществить. (Хотя, конечно, были и просто дураки, и коррумпированные, но были и умные, честные люди.)

Итак, у работников аппарата впервые появились ощущение самостоятельности и шанс себя проявить. Но возникла новая угроза, исходящая уже от наших депутатов: уж очень они рвутся контролировать деятельность исполкома. Я всеми силами этому противлюсь и очень часто наталкиваюсь на агрессивное непонимание. Я пытаюсь объяснить таким депутатам, что законодательная и исполнительная власти — по сути разные.

Если мы начнем контролировать каждую бумагу, выходящую из стен исполкома, то окажемся в той роли, что играл горком партии. Только вместо, скажем, транспортного отдела горкома будет теперь наша комиссия по транспорту. И ровно через два года не останется ни одного решения исполкома, предварительно не одобренного депутатами. С кого тогда будем спрашивать за неэффективность этих решений? С самих себя? Но это означает — загубить всю суть политической демократии, ибо у нас есть опыт: партия с себя никогда не спрашивала.

В том и состоит логика демократической машины, что она четко делит власть на законодательную и исполнительную, и каждая занимается своим делом, не вмешиваясь в дела друг друга.

— Создана ли система, которая регламентирует взаимоотношения Моссовета и Мосгорисполкома?

— Нет, это дело будущего. Пока мы занимались тем, что организовывали сам Совет и его работу. А вот в дальнейшем нам придется побороться за то, чтобы реально распределить функции Моссовета и исполкома. Ведь и в исполкоме хватает работников, которым очень хочется, чтобы кто-то завизировал им тот или иной документ, как прежде — горком. Они радостно бегут с бумагами в любую депутатскую комиссию: виза снимает ответственность, дает возможность сослаться на «Ивана Иваныча». Ну и со стороны депутатов, как я говорил, наблюдается жажда «реальной власти». Многим из них, например, не давали покоя вопросы, какой будет визитная карточка москвича, как их будут выдавать, какая там должна быть фотография и какая печать. И все прочее, что не относится к функции депутата, законодателя.

Тут вот что еще надо иметь в виду: участвовать в какой-то повседневной управленческой текучке гораздо проще, чем вырабатывать принципиальные решения, которые требуют знаний, трудолюбия и, скажем прямо, способностей. Иные депутаты инстинктивно тянутся исправлять всякие текущие беды. Это легче, чем овладеть всей проблемой и подготовить такое решение, которое устранил саму эту проблему.

Однако надо исходить из реальности. И из того, что люди, сидевшие здесь прежде, были, видимо, не глупее нас. А если им почти никогда ничего не удавалось, то, вероятно, дело прежде всего в существовавшем механизме управления. Если мы встанем на такую точку зрения, то поймем: наша основная задача не в том, чтобы взять да научить исполком лучше работать. (Хотя само по себе это важно: изменили, скажем, систему работы тех, кто асфальтирует дороги, и положение в городе стало меняться к лучшему.) Главное — создать политические и экономические основы жизни, в которой нет возврата к прошлому. Это, на наш взгляд, должна быть жизнь, в которой Моссовет, как, впрочем, и другие структуры власти, не играет особой роли.

— То есть люди не должны ощущать над собой власть и зависеть от нее?

— Именно. Мы же создали страну просителей. У нас бесконечные вереницы людей, которые ждут чего-то в видимых и невидимых миру очередях. Мы отобрали у человека все, оставив ему минимальную сумму на пропитание и одежду. Он все время ходит и у кого-то что-то просит. А просителем должно стать государство, которое будет обращаться к своему гражданину с просьбой о том или другом. Тогда оно будет под контролем народа во всем, включая политические права, экономику, экологию и так далее.

Создать такую жизнь можно только одним путем — изменив отношение к собственности, сделав людей хозяевами своей жизни. Это основная из стоящих перед нами задач. Если Моссовет отойдет от нее ради других дел, то он не решит генеральных проблем. Какие бы демократические лозунги он при этом ни выдвигал, что бы ни декларировал.

— Будете строить новое общество в «отдельно взятом» городе?

— Нет, ничего «отдельно» мы построить не можем. Но мы можем многое сделать

для того, чтобы «подтолкнуть» всю страну к разумному существованию.

И в этом смысле я придаю большое значение тем решениям, которые приняты на завершившейся сессии: по четырем—пяти позициям они в корне меняют существование нашей жизни. Думаю, москвичи знают об этих решениях, поэтому напомню коротко. Мы сказали, что отныне человек должен жить в собственной квартире, иметь право ее купить, продать — то есть, быть свободным в этом отношении. Здесь еще надо решить много проблем, на что потребуются не год и не два, но люди станут хозяевами своего жилья.

Затем — решения по торговле, которая должна быть частной, кооперативной, акционерной и не входить в государственный сектор экономики. Ведь люди, работающие в торговле, просто обязаны бегать за потребителем, а государство не обязано, и как мы видим, ни за кем не бегают.

Особо важным был для нас вопрос о социальных гарантиях при переходе к рынку. Люди к нему не готовы: не потому, что не хотят, а объективно. Два миллиона пенсионеров, например, — как бы они ни верили в преимуществе рынка, он может обернуться для них катастрофой. У них нет возможности переиначежить жизнь, нет возможности и сил зарабатывать. Мне кажется, нам удалось найти гибкий механизм гарантий, и сейчас надо его доработать. Надеюсь, тогда «Столица» расскажет о нем подробно.

И, наконец, принято принципиальное решение по детским садам: не государство, а родители будут распоряжаться средствами, выделяемыми на воспитание детей — в виде нормальных выплат на каждого ребенка, — и решать, в какой садик его отдать, где и как учиться.

Теперь Моссовету предстоит самое трудное: попытаться практически шагами изменить жизнь города и горожан.

— У вас есть пожелания «Столице»?

— Я бы хотел, чтобы новый еженедельник обратился к трем ключевым для нашего общества проблемам. Первая — разгосударствление и денационализация собственности, изменение удельного веса различных форм собственности. Вторая — ликвидация монополии одной партии на власть, изменение властных механизмов, переход их в иные, демократические формы. Ну а третья — это формирование блока демократических и прочих сил, которым предстоит решать первые две проблемы.

Интервью вел Владислав ЯНКУЛИН

Торговля

По данным Управления БХСС ГУВД Мосгорисполкома, за 5 месяцев с начала года в городе выявлено 1579 нарушений правил торговли. 231 случай приходится на продажу спиртного. 4033 торговца обвиняются в мелкой спекуляции. 659 человек привлечены или будут привлечены к уголовной ответственности за спекуляцию на сумму 100 и более рублей (за тот же период прошлого года — 485). 372 работника торговли пойманы на так называемой квалифицированной спекуляции — на сумму свыше 300 рублей (в 1989 г. — 141).

1158 человек незаконно продавали товары по завышенным ценам. 21924 — торговали в неустановленных местах.

Фактически подразделения БХСС выявляются лишь 10 процентов всех нарушений и преступлений в торговле.

На вопрос нашего корреспондента, можно ли назвать хотя бы один столичный магазин, где покупателя наверняка не обманут, заместитель начальника управления Николай КИРКИН, улынувшись, ответил: «Я могу назвать торговые точки, которые мы никогда не проверяем. Например, совминовские буфеты...»

Торговля весьма изобретательна. Можно насчитать до 300 способов хищений. Самые распространенные:

- обман — не доливая 50 г кваса в каждую кружку, продавец кладет в карман 50 руб. с каждой бочки;

- пересортица — в каждой корове до сих пор, оказывается, присутствует мясо разных сортов;

- завышение качества — бракованные изделия идут как высококачественные;

- грубый обсчет — в среднем копейка с килограмма товара, но мясо, например, 7 коп., апельсины — 25—50 коп., в зависимости от ловкости рук;

- продажа бумаги, когда товар взвешивается вместе с упаковкой;

- «естественка» — запланированная естественная убыль, которой либо не существует, как невостребованной колбасы, либо то гнилье, что продается под маркой свежих

овощей и фруктов;

— и многие другие.

В условиях тотального дефицита второе дыхание обрела спекуляция (это видно по приведенным цифрам). Впервые за много лет зафиксирована спекуляция продовольствием (не путать с хищениями) — 16 случаев с начала года. Пачка приличного чая стоит на «черном рынке» 5 руб. Обувь, одежда перепродаются в 2—3 раза дороже. Мебель — в 6—10 раз.

Если немного напрячь мозги, можно придумать новые, совершенно оригинальные способы наживы, достойные патента на изобретение. Например, выездная торговля, или «распродажи». Редкий профком устоит перед лишней импортной коробкой. И не скрепит своими подписями отчет, где вместо 40 проданных народу костюмов будет значиться 50. Ведь торговля владеет не только пряником, но и кнутом. Откажешься подписать липовую бумажку — в следующий раз получишь элегантную «Саламандру» только тридцать третьего или сорок последнего размера, которую видит око, да зуб неймет.

Вынужденная форма продажи по паспортам только за первые две недели принесла 57 выявленных ее нарушений.

По мнению оперативников, бороться со всем этим в нынешних условиях все равно что с собственной тенью. Гидра многолика, и взамен отрубленной головы сразу вырастают две другие. Стереотип поведения, как правило, сформирован уже при поступлении в торговые училища, куда идут, «чтобы одеться и в дом прийти».

Бороться можно только экономическими методами. Когда надстройка в виде всевозможных торгов, распределяющих блага и дефицит, будет упразднена, а магазины перейдут в собственность их работников, те смогут заключать прямые договоры с производителями продукции, конкурируя между собой. Красть у самого себя неразумно, так же как торговать гнильем и обвешивать, если у конкурента товар и обслуживание лучше.

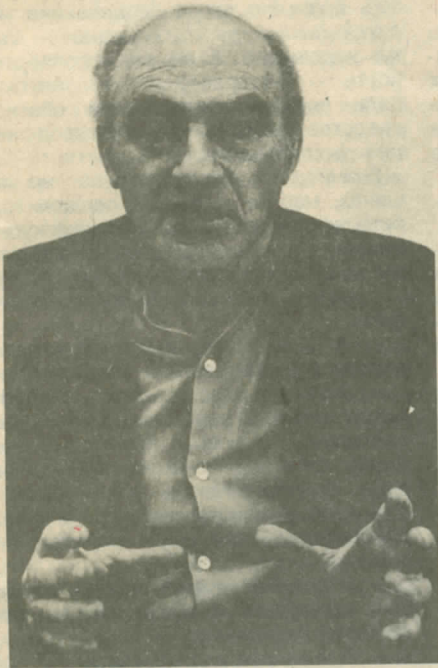

Фото Виктора АХЛОМОВА

Мы должны жить по законам нищей нации,

считает народный депутат Моссовета Лазарь ШУГОЛЬ, автор знаменитого проекта ликвидации очередей.

— От торговли «налево» количество продовольствия не меняется. Продукты просто достаются другим людям, вот и все. Но это тоже наши граждане. Меня нисколько не пугает эта проблема. Это не страшно, страшно гнилье. То, что нам продают за товар, а мы потом выбрасываем, то, что создает дефицит. Вот против этого как раз и направлено решение проблемы очередей.

— Что-то не слышно больше об эксперименте, который вы проводили в трех московских магазинах. Он заглох?

— Почему заглох? Показал блестящие результаты. Просто эксперимент и есть эксперимент. Он длился 4 месяца и закончился. Другое дело, что нечем торговать. Однако ведь было же мной обосновано, что, пока мы не решим проблему очередей, мы продовольственную проблему не решим.

У нас пропадает две трети овощей. Но человек же не свинья. Если он

ест достаточно овощей, он будет есть меньше другого продовольствия. Во всем мире значительную часть рациона составляют овощи и фрукты. А у нас гибнущий товар вам продают как доброкачественный. Вы за него платите деньги, а он списан. Вот где нажива идет совершенно фантастическая. В магазине списали 5 тонн, а потом 4 тонны продали.

А продали, потому что очередь. И каждый задний кричал: «Давай быстрее, хорош выбирать!»

— А если полугнилая картошка будет продаваться без очереди? Я все равно ее куплю, у меня же нет выбора.

— Когда не будет очереди, на прилавке будут стоять образцы картофеля: 1-й сорт, 2-й, 3-й. Как только продавец положил вам гнилую картошку (очереди нет, вас никто не торопит!), так он сразу садится в тюрьму за пересортицу. Гнилой-то запрещено торговать. Когда у вас появится право требовать, он не будет брать с базы гнилье. А база не будет принимать плохую, нелегитимную картошку. А производитель не будет ее производить. Вот вам вся цепочка.

— Все проблемы упираются в очередь?

— Все проблемы упираются в нижнего. В того, который от этого страдает. Если меня обманывает продавец, я не буду мириться с этим. Но если я контролер, я могу и промолчать, когда кого-то обманули, если мне заплатят. Значит, контролировать должна система, а не человек. Систему не купишь. А она выводит на нижнего, на страдающего.

— Но страдающего человека обирают не только с помощью пересортицы. У продавца есть масса иных способов...

— Чепуха. Воруют на базах — привозят «левый» товар и реализуют, а в магазинах работают «щипачи». Если вас обвесили на 5 граммов — это нормально, потому что нельзя точно взвесить.

— Почему же продавец не ошибается в другую сторону?

— Ошибись он в другую сторону, в тюрьму сядет — вас же тысячи. А если недодаст 5 граммов, и сам в тюрьму не сядет, и вы не обеднеете. Зато он сможет работать спокойно, не трястись.

Скажите, какая беда, скажем, от того, что разбавляют водку? Она же вредная. Значит, от этого хуже человечеству не станет.

— Интересная мысль...

— Ну как же, надо же проигрывать все ситуации.

— А мое поправное чувство собственного достоинства? Почему человек, не производящий товара, должен жить лучше только потому, что он работает в торговле?

— Это нормально, потому что человек, работающий в больнице, имеет преимущественные возможности

лечиться. Это естественно, не надо блох считать. Иначе будет чудак-рыбак: сидит в воде и пить просит.

Другое дело, когда он спекулирует. Но за это полагаются сроки, а мы не даем. У нас же каждый день торгуют фруктами перекупщики. Они все до единого спекулянты, они сами ничего не производят, а только взвинчивают цены. Мы могли бы иметь закупочные, заготовительные кооперативы и в пять раз дешевле все продавать. Но никого же это не волнует.

Понимаете, мы упираемся все время в элементарные управленческие проблемы. Это значит, упираемся в глупость людей, занимающих ответственные посты.

Я думаю, что при нынешней форме организации работы, Моссовета ничего не изменится. Моссовет сильно политизирован.

Нужны проблемные группы. Я говорил об этом Попову, и идея вроде бы была одобрена, но группы-то не создаются. Я озадачил Лужкова несколькими проблемами, которые он должен решить. Но ни земельных участков не дали никому, ни очереди не уничтожили. Два месяца толклись на проблеме паспортов.

— Вы были против торговли по паспортам?

— Естественно. Паспортная система не препятствует созданию людьми каких угодно запасов сверх нормы, не создает преград для «левой» торговли из подсобок и с баз, не препятствует «элитарному» снабжению, порождает новые формы спекуляции, жульничества. Я же прочел целый доклад о том, что система эта вредна и никуда не годится. Ну и что? Приняли к сведению. Говорят: проживем немножко так, потом эдак.

Но так нельзя. Это разговор для женщин в очереди. Речь же идет об уровне управления.

— Как вы оцениваете торговлю по визиткам?

— Точно так же, она ничего не даст. Выход (я об этом писал и говорил) в карточной системе. Карточки — вот решение проблемы в условиях дефицита.

— Опять промежуточное и примитивное.

— Решение вечное, на все времена и для всех стран в условиях дефицита. А вот убрать дефицит карточка не сможет. Снимают его другими способами — не карточками и не паспортами.

Существует богатый многолетний опыт. В Англии карточки держались 12 лет после войны. Когда продуктов становится достаточно, карточка постепенно исчезает. Это абсолютно справедливая система. Она всем дает поровну и, между прочим, почти без очередей. Самое главное, покупатель прикреплен к определенному магазину, магазин получает столько товаров, сколько нужно, чтобы обес-

печить карточки, и отчитывается при помощи отрывных талонов.

Москва сразу станет получать в 5 раз меньше продовольствия — норма-то будет общесоюзная или республиканская. Значит, лишние продукты она отдаст в область — связь с областью сохранится. Это честная форма, которая задавит всю мафию, бюрократов, хитрецов. Это защита от дурака.

— При повсеместном переходе к минимуму потребления, возможно, появятся излишки. Как ими распорядиться?

— Излишки пока не могут появиться. Это рыночники, хотя создать их в городе искусственно. Положим, есть у нас тонна колбасы, а на город нужно две тонны. Они говорят: мы вам дадим полтонны, но зато по визиткам. А вторые полтонны мы будем богатым людям продавать. Считайте, что кукиш вы получите и будете смотреть, как едят богатые.

А я предлагаю всю тонну отдать, но разрешить людям продавать свои карточки. Чем это отличается? В первом случае, получая деньги, государство оставит меня голодным. А так я сам, если захочу, оторву от своего желудка килограмм колбасы и продам государству свою карточку, скажем, за 20 рублей. А уж оно пусть ее перепродает, куда хочет. Я получу деньги, а не государство. Создавать товарный запас для свободной торговли — несправедливая идея.

— Вы против рынка?

— В рынок, который обирает народ в интересах элиты, я не верю. В стране уже несколько лет идет бум игровиков, которые уверяют, что они все способны сделать. Теперь нас зовут в чисто капиталистические формы отношений, называя их просто рыночными. Катастрофа будет еще хуже, чем от социализма, который звал нас в солнечные дали. Управляемый социалистический рынок — все это сказки.

Спорить надо не о наличии или отсутствии рынка. У нас просто idiotские формы организации, мы все время утыкаемся в проблемы, которые решаются элементарно. А мы все ждем, когда их за нас решит рынок. Так же, как ждали, что все за нас решит социализм.

Мы не задаемся задачей ликвидировать очередь. Говорим: сократить очередь. В этом разница между настоящим управленцем и болтуном.

— А как настоящий управленец решил бы проблему торговли промышленными товарами?

— Промышленные товары никакого отношения к нашей жизни не имеют, и нечего о них говорить.

— А спекуляция?

— Это нас тоже не волнует. Человека надо сначала накормить.

— Но человеку же надо в чем-то ходить.

— Ходить «в чем-то» — это просто. Опять вы подменяете понятия. На самом деле мы все страдаем за элиту, которая хочет иметь заграничные тряпки. Россия ходит в плохих ботинках и телогрейках, как и прежде. Хорошо одетой ходит элита в городах. Но города — это же еще не вся Россия.

— Что же, нам, городским жителям, переходить к телогрейкам?

— Во-первых, да. Если за красивую одежду для одних приходится расплачиваться потом и здоровьем других людей, то надо ходить в телогрейках. Китай так и ходил. И быстро высочил из этого положения.

— То есть, мы еще не на том уровне, чтобы требовать от жизни комфорта?

— Конечно. Мы должны дать всем людям элементарное. А потом будем говорить о комфорте по высоким ценам. Мы же сейчас даем комфорт по низким ценам, по государственным.

— Может быть, если пресечь спекуляцию, хватит всем?

— Пресечь ее в условиях дефицита невозможно. Исключено. Но в конце концов какая мне разница, отдадут вещь Сидорову или Петрову? Что Россия от этого выиграет? Пусть носит Сидоров. Петрову надо дать простые сапоги, которых мы умеем делать сколько угодно. В тапочках всем походить год. Постепенно поднимать этот минимум.

Мы не какая-нибудь Прибалтика, которую могут за волосы вытащить из болота другие страны. Россию не вытащишь, вместе с ней утонешь.

Не надо выпускать дорогие товары. Только дешевые и для всех. Главное, правильно определить приоритеты в производстве.

— Итак, мы прекращаем выпускать легковые автомобили...

— На самом-то деле мы прекращаем только их продажу в частное пользование. Вы посмотрите, у нас врачи ходят пешком. Я понимаю: машину должен иметь водитель автобуса —

он ночью едет на работу, милиционер, врач. Но когда бездельники носятся по городу на машинах — это же чудовищно. А вы все: справедливость — несправедливость. Автомобиль вообще экологически опасное средство передвижения. В городе полно выхлопных газов.

Значит, так. Милиция у нас на машинах, мафии — фиг. А пешком грабить не пойдешь. Тем, кто уже купил машину, говорим: друзья, отравляй вы нашу атмосферу, убивали вы нас — хватит, конечно, больше не будете.

— А как поступим с золотыми изделиями, хрусталем, коврами?

— Золотом надо торговать с другими странами, а вовсе не со своим населением. На ковры, хрусталь и так далее тоже ищем покупателя на Западе, поднимая качество этих изделий. А у себя ликвидируем дефицит продовольствия, жилья и медобслуживания.

— Огромная армия людей у нас уже привыкла к тому, что вы называете роскошью.

— Я вам так скажу. Награбленное — вернем, но без крови. Мы, как китайцы, предложим: у кого есть награбленное — несите, трогать не будем.

— Вы призываете к жесткой, полувоенной диктатуре?

— Почему полувоенной? Военной. Диктатуру пролетариата, между прочим, никто не отменял. Одно дело — нажитое трудом, другое — грабежом. Люди всю жизнь пахали в поле, вкалывали на заводе и имеют пенсию 70 рублей. Почему они должны радоваться, что кто-то гоняет на машинах, носит золотые кольца, имеет дачи, ездит за границу? Ну какой это социализм?

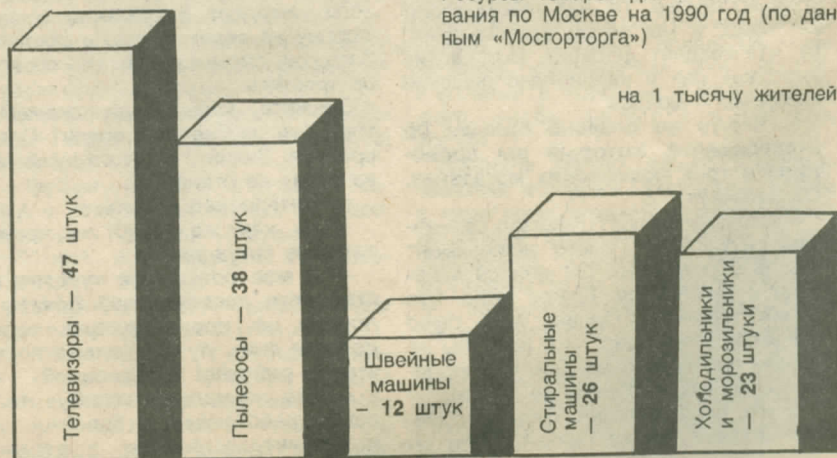
— Вы уверены, что все дачи и машины куплены на награбленное?

— В принципе, да. По отношению к другим работающим людям это несправедливо.

— Скорее всего, владельцы дач и машин не нарушали Уголовного кодекса.

Ресурсы товаров длительного пользования по Москве на 1990 год (по данным «Мосгорторга»)

на 1 тысячу жителей:

— Правильно. Законы справедливости нарушало наше правительство. Но ведь и палач, исполняющий приказ, за это потом расплачивается. Значит, эти люди как получили, так и отдадут.

— А ученый, который всю жизнь писал одну книгу? Ведь тот, кто действительно воровал, всегда найдет способ сохранить награбленное.

— Мы говорим о справедливости, которая никому не позволит вывернуться. Когда переводят разговор на частности, к решению проблемы не продвинуется.

Налицо факт социальной несправедливости: 40 миллионов нищих, еще 100 миллионов на грани нищеты, рядом. Дальше разговаривать не о чем.

— Мы взываем к совести?

— Нет, мы действуем как управленцы. Ликвидируем движение личных машин в городе, и все. Иди, продай свою машину в деревню. Как только деревня сядет в машины, она нас забросает продовольствием — в кошелках же не привезешь в город.

— По-вашему, сколько времени будет продолжаться этот «военный коммунизм»?

— Это не военный коммунизм. Это обычное условие жизни нищей нации. Можно сказать только, что мы сразу перестанем голодать, ходить босиком и будем иметь кров над головой. В течение года-двух.

— Допустим, так произойдет. Что дальше?

— Ну а дальше начнется постепенное накопление. И мы начнем становиться богаче. Америка же не сразу такой богатой стала. Туда тоже пришли переселенцы, бедные люди. Пахали, дрались с индейцами. А потом стали создавать промышленность, сельское хозяйство, начали торговать. Нам проще, у нас есть заделы большие, надо их только с умом использовать.

Вот если бы сейчас взять и увеличить цены в 4 раза на продовольствие. Но не так по-дурному, как сказала правительство. Увеличить, и все эти деньги отдать крестьянам. Тогда город, чтобы не голодать, вынужден будет в 4 раза увеличить объем своего производства.

— Но если заводские мощности на это не рассчитаны?

— Тогда он может произвести продукцию в 4 раза меньшим числом людей. Не можешь — значит выкачаться из Москвы. Задействовать людей надо. Но ведь это не делается. Почему? Кто мешает?

Проблема власти. Власти-то у Советов пока и нет. Потому занимаются чем-то, не имеющим отношения к жизни.

Президент Буш сказал: Надо заниматься только теми проблемами, которые разрешимы. Кто нам должен диктовать проблемы? Граждане. А

мы должны искать их решение, потому что народ неразрешимых проблем не ставит. И что устраивать из Моссовета академию наук?

— Вы говорите: отдать все деньги крестьянину. Но крестьянина-то нет. Есть колхоз.

— Колхозу отдать. Не тому, который сейчас — это насильственная форма, — а кооперативу. По принципу добровольной кооперации. Перейти к этому очень просто. Люди, которым принадлежит земля, станут пайщиками. Кто захочет выйти, пусть выйдет, ему выплатят пай. Он может стать фермером. Только у нас этот номер не пройдет.

Мы не понимаем, сколько техники надо фермеру, какую энергетику. У нас колхозу-то целому еле под силу поднять эту землю где-нибудь на целине. А что может один человек? Тем более, если это баба? Людей же не осталось.

Вот мы говорим: нэп. Но нэп-то был в 21-м году, когда все было в руках у крестьян: земля, кони, плуги, молотилки. Только заменили продразверстку продналогом, и народ за год завалил страну продовольствием. Сейчас это невозможно. У нас сейчас говорят вовсе не о рыночной экономике, а о капитализме.

— Вы считаете, капитализм — это ужасно?

— Да, если человек хочет быть хозяином. Мы как-то забываем, что именно после нашей революции на Западе появились сильные компартии. Кстати, я беспартийный, и комсомольцем не был. И началось такое профсоюзное движение, которого у нас и сейчас-то нет. Они в борьбе завоевали все свои права.

Мы же должны уже сейчас придерживаться социалистических принципов, то есть удовлетворять гуманитарные потребности, соотносясь с возможностями природы. Мы должны в нее вписываться.

Куда мы гоним? Надо жить, и в этом смысл социализма. Вот и все.

Вопросы задавала Елена САЛИНА

В карточки легко войти, трудно из них выйти,

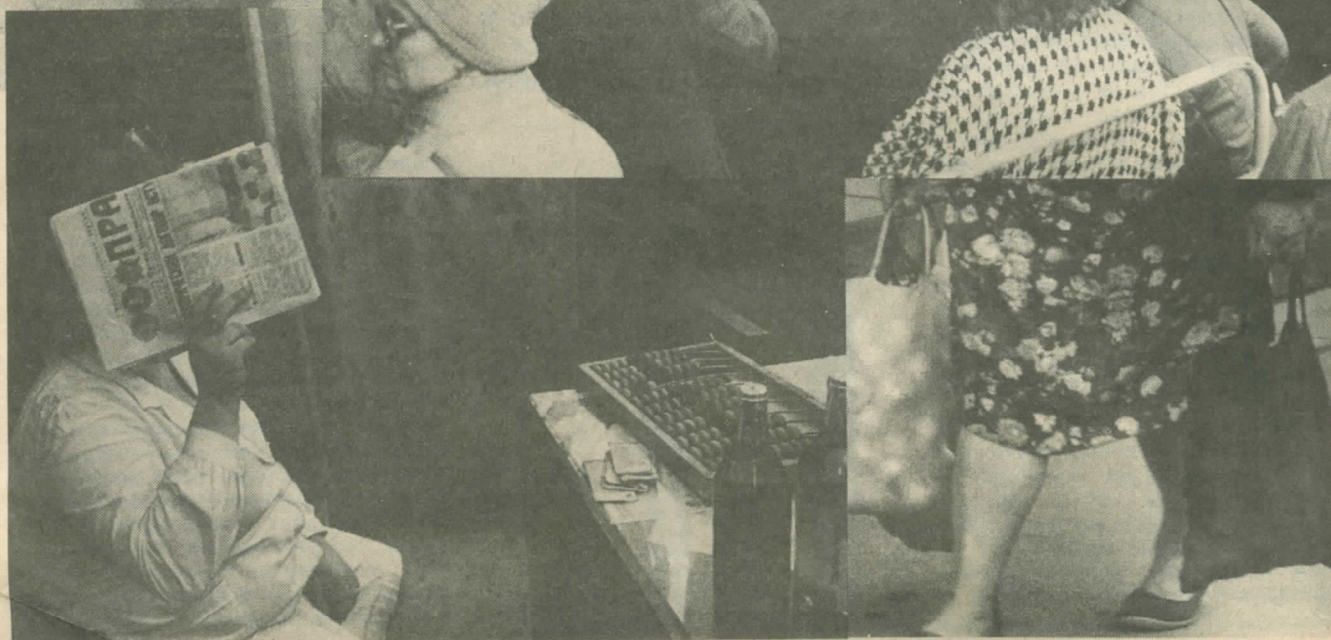
считает председатель Комиссии по торговле Моссовета Юрий СОЛОМАТИН:

— Карточки? Они всех проблем не решат. Как раз они-то мафию и устроят. Всю войну существовала карточная система, и процветали дикая инфляция и дикая спекуляция. В 1947 году пришлось проводить денежную реформу. Сейчас может произойти то же самое. Карточки не ликвидируют очереди.

На переходный период к нормальной экономике москвичам необходимо установить социально гарантируемый минимум основных потребительских товаров по твердым государственным ценам. Это могут быть карточки, которые предлагает Лазарь Захарович Шуголь, это могут быть социальные деньги, которые предлагает Гавриил Харитонович Попов, это могут быть визитки, которые введены сейчас. Наше дело — проработать все варианты и выбрать наиболее оптимальный, который сопровождался бы одновременным развитием и свободной торговли.

Задача Моссовета состоит в том, чтобы создать как можно больше субъектов рыночных отношений, которые в конкурентной борьбе между собой определяют низкие цены. В условиях существующей монополии цены, естественно, останутся монополично высокими. Это не значит, что с введением рыночных отношений в

ПОКУПАТЕЛИ

и ПРОДАВЦЫ

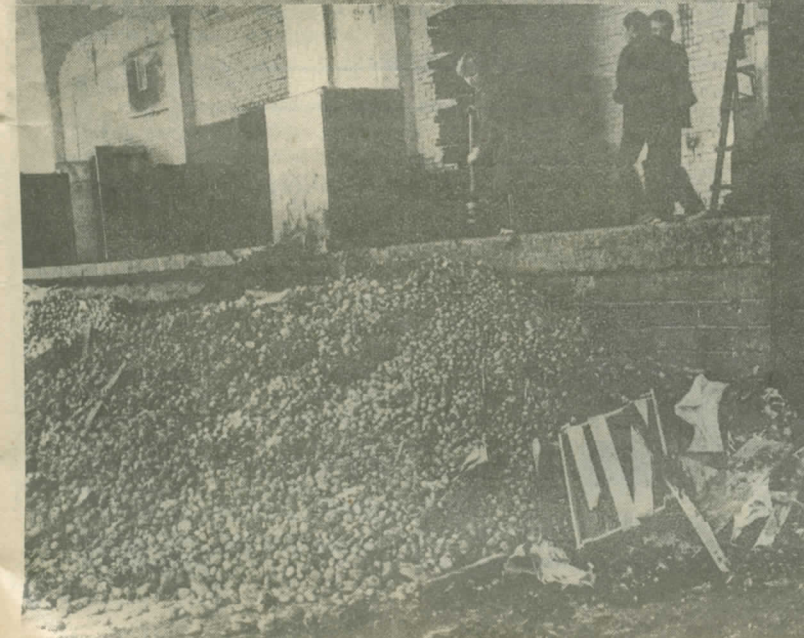
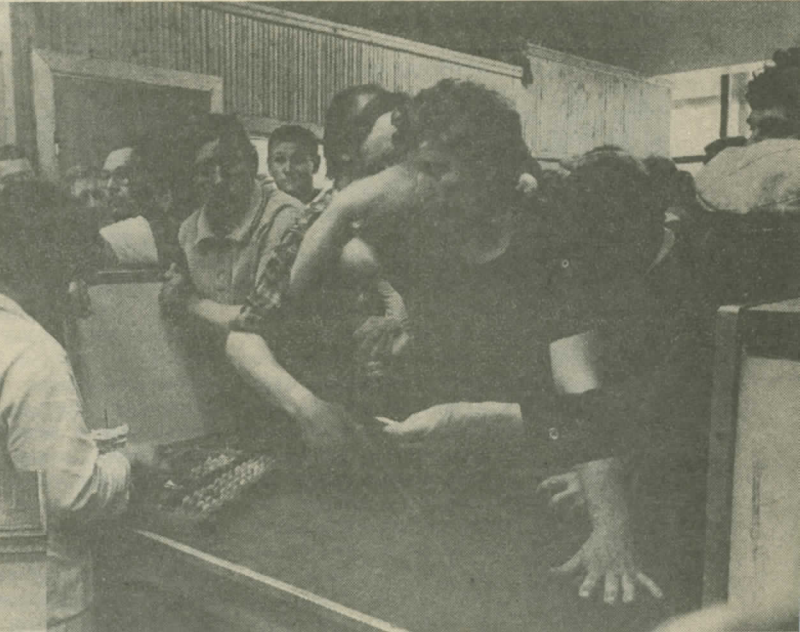

Фото Артура РИКЕЛЬМАНА
и Николая СТЕПАНЕНКОВА

Москве они резко понизятся. На какой-то период цены обязательно взметнутся вверх. Но для этого и существуем мы как власть. Нельзя устанавливать цены и говорить, мол, они должны быть только такими и не иными, как сказал Н. И. Рыжков: вот на это в три раза повысите, на это — в четыре...

Цены будут устанавливаться свободно, в результате рыночных отношений. Наша задача — регулировать их местными прогрессивными налогами и компенсировать москвичам высокие цены тем, что выплачивать дотации, полученные за счет налогов с этих высоких цен.

Принципиальная позиция Моссовета — последовательная децентрализация потребительского рынка, демонаполизация и разгосударствление. Существующая в нынешних условиях система управления торговлей, промышленностью, транспортом не удовлетворяет требованиям нормальной экономики. Мы начинаем с торговли, так как это ближе нашей комиссии. Предлагаем предоставить полную хозяйственную самостоятельность магазинам, кафе, ресторанам, столовым, ателье, чтобы коллективы сами стали хозяевами собственной судьбы и определяли свою деятельность. Для этого им необходимо получить права юридического лица, собственные расчетные счета в банках. Необязательно в государственных, можно и в коммерческих. И строить свою коммерческую политику таким образом, чтобы и покупательский спрос удовлетворить, и самим не проиграть. Это единственный здравый подход.

Но мы понимаем, что в существующих условиях, даже если предоставить магазинам хозяйственную самостоятельность, может случиться так, что многие не захотят ее брать, ибо торговлю сейчас все устраивает: что ни выкинь на прилавок — все возьмут, а еще больше уйдет из-под прилавка. Думаю, им не очень хочется менять ситуацию. Но есть предприимчивые люди, которые не удовлетворены тем, что имеют. Хотят двигать экономику вперед, хотят быть уважаемыми людьми, без термина «торгаши», которым у нас награждают и честных, и нечестных. В торговле есть как те, так и другие, нельзя огульно говорить, что там «одни жулики».

Мы предполагаем наряду с децентрализацией государственной торговли создание альтернативной системы, основанной на частной собственности, собственности продавца на приобретаемый и продаваемый товар.

Будем отдавать в выкуп первое время небольшие магазины, например булочные, кафе. Получить их можно на коммерческой основе — рынок так рынок: либо выкуп, либо аукцион, либо конкурсная система. Кто предложит наилучшие условия, в те руки и передадим.

Предполагаем ввести в практику

передачу магазинов в коллективную собственность. Сейчас много копий ломают вокруг аренды. Мы против аренды, которая осуществляется в рамках старых административных структур. Например, торговое объединение «Продтовары» переименовывают в арендное объединение и берут в кабалу магазины. Это ничем не отличается от нынешней командно-административной системы. Арендаторами должны быть райсоветы, Моссовет. Предприятия торговли станут отчислять им налоги, законодательно установленные, а в остальном оставаться экономически свободными. На основе прямых договоров находить поставщиков.

Все наши меры направлены на то, чтобы стимулировать производство товаров народного потребления. Торговля — это не причина, а следствие. Устраним причину — хозяйственную систему, которую имеем, изменится и следствие. Нужен комплекс мер по раскрепощению производственных предприятий. Что касается тех, которые находятся в ведении Моссовета, это просто сделать, но в столице много предприятий союзного и республиканского подчинения, с ними сложнее. Мы на сессии приняли решение определить для этих предприятий минимум продукции — 10 процентов, которые они обязаны поставлять на московский рынок. Сверх этого — хоть сто процентов! Только спасибо скажем.

Десятипроцентный минимум пустим в продажу через государственную

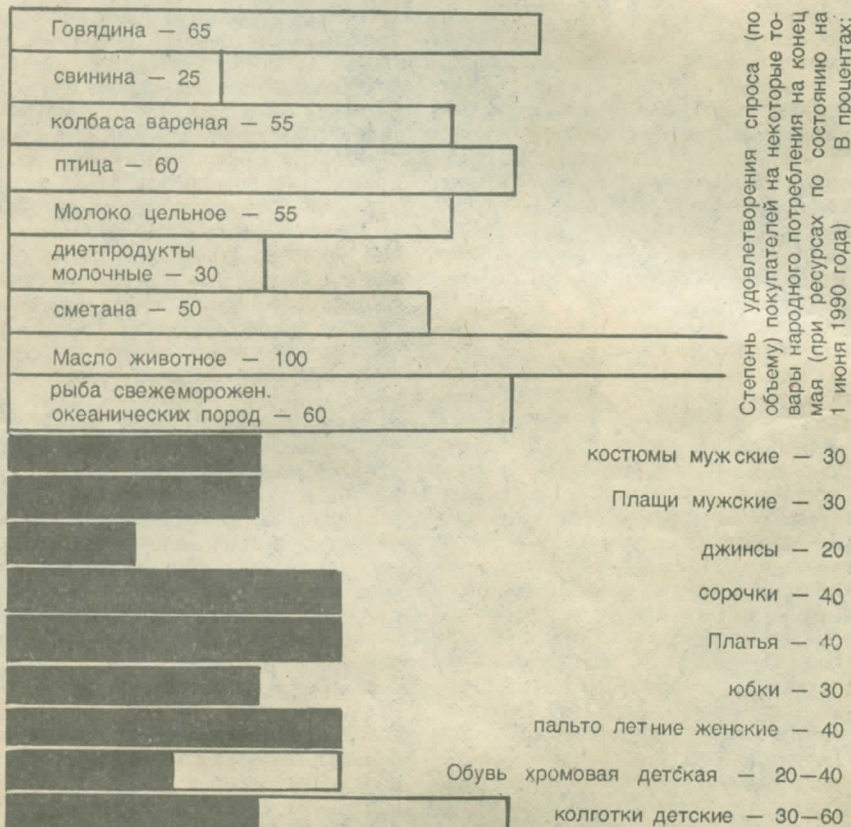
торговлю по твердым ценам. Все, что сверх, — в свободную торговлю и в целях стимулирования производства товаров народного потребления, и в целях оздоровления денежного обращения.

Слова Сергея Борисовича Станкевича о том, что Моссовет должен стать предпринимателем номер один в городе, полностью отвечают моим устремлениям. Это не значит, что депутаты должны получать деньги от созданных ими предприятий, отнюдь нет. Это значит, что мы станем создавать предприятия и фонды при Моссовете, которые будут работать на город, с благотворительной целью, обеспечивать наименее социально защищенных.

Обидно: мы выиграли войну, а живем в нищете по сравнению с теми, кто войну проиграл. Но они шли именно такими путями, на которые выходим мы только сейчас, — через переходный период, когда было страшно тяжело, но впереди виден выход на путь экономического процветания. Для чего необходимо огромное желание народа и вера в правительство, в данном случае — в Моссовет.

Что касается термина «регулируемый рынок»... Нельзя быть слегка беременным. А планово-рыночная экономика приводит к тому, что мы хотим и волков насытить, и овец сохранить. Такое в природе случается редко. Надо переходить к нормальному рыночному отношению.

Записала Алла ПЕРЕВАЛОВА

Вячеслав БАСКОВ

ОБАЯНИЕ РУКОВОДИТЕЛЯ

Нет, наверное, начальника более приветливого и обаятельного, чем тот, который руководит торговлей. У торгового начальника обычно большой кабинет, потому что туда время от времени должны вмещаться директора районных объединений, магазинов, их заместители, экономисты... Хотя кабинеты и просторны, но они не подавляют, обставлены скромно и есть в них что-то домашнее. В магазинах мы проводим полжизни, а начальники — всю, поэтому хозяевам кабинетов обиды покупателей близки с полуслова, и они тотчас принимают нажимать кнопки, вызывать подчиненных, сами звонят по телефону в магазины, где с каким-нибудь покупателем обошлись грубо, «не по-человечески».

В магазинах бывает очень трудно дозвониться. Но у торговых начальников поразительно крепкий указательный палец: они крутят диск безостановочно, не отчаиваясь от сигнала «занято», и тем временем обсуждают с вами покупательские обиды и невероятную, прямо-таки непобедимую гордыню продавцов, рассказывают об отсутствии товаров и о нехватке грузовиков... Вдруг в трубке раздается сигнал «свободно».

— Освободилось, — говорит начальник спокойно.

И как только на том конце провода поднимают трубку, начальник произносит неповторимо повелительной интонацией имя директора магазина. Одно имя. «Тамару Ивановну». «Нину Сергеевну». Там трубку схватывают тотчас. И начинается!.. Нет начальника, кроме торгового, который умеет, отчитывая подчиненных, находить такие точные слова, которые накалились в душе любого покупателя. Никакие оправдания Тамары Ивановны или Нины Сергеевны не воспринимаются всерьез — начальник отмечает жалкие оправдания так метко, так уничижительно, что директорша — гроза покупателей — выглядит полной дурой. Но начальник ей не сочувствует ничуть: она покупательша обидела, ей нет пощады...

Начальник всей московской торговли, исключая овощную, Владимир Алексеевич Карнаухов — человек, с которым просто приятно общаться. От него не хочется уходить. Это тонкий собеседник. Он в курсе литературных дебатов, журналистских проблем, он замечательный экономист и даже провидец. Не заглядывая в бумажку, он легко выговаривает самые сложные цифры — покупательских потоков, товарооборота, магазинных площадей, уволившихся продавцов, цифры все важные, полезные, они расширяют кругозор. Владимир Алексеевич молод, красив, речь его раскованна и дружелюбна. Из кабинета выходишь покоренным обаянием этого замечательного человека. В сознании не укладывается лишь самая малость: почему такой обаятельный, волевой, во всех отношениях приятный и образованный руководитель никак, ну никак не может ничего придумать, чтобы ликвидировать изнурительные очереди в каждом магазине, обсчет, обвес, оскорбления покорных покупателей, массовое растаскивание самого лучшего товара еще до того, как тот попал на прилавок? Зачем магазины закрываются так рано и зачем им издевательские обеденные перерывы в самое обеденное время?..

Начальник Мособщепита Владимир Иванович Малышков не только человек разносторонне образованный, но еще и с чувством юмора. Это тонкий собеседник. Он в курсе литературных дебатов, журналистских проблем, он замечательный экономист и даже провидец. Не заглядывая в бумажку, он легко выговаривает самые сложные цифры — покупательских потоков, товарооборота, торговых площадей, уволившихся официантов и поваров, цифры все важные, полезные, они расширяют кругозор. Невольно подпадаешь под обаяние этого замечательного собеседника. В сознании никак не укладывается лишь самая малость: почему в самое обеденное время в центре Москвы в кафе «На Большой Дмитровке» бумажка — «Мест нет», из кафе «Зеле-

ный огонек» очередь замученных желудочными спазмами выпирает на улицу и тянется вдоль домов метров на двадцать, в «Олады» — не войти, диетическая столовая на ремонте, на ремонте кафе «Арфа», в пельменную в проезде Художественного театра очередь тянется чуть не с Пушкинской улицы, не войти и в стеклянное кафе по другую сторону улицы Горького — а больше в центре Москвы зайти поесть просто некуда, а есть хочется все сильнее, и чем больше преград, тем аппетит разгорается сильнее? Почему часам к восьми вечера, когда всюду светит солнце и вечер во всем мире еще только начинается, в Москве становится безлюдно, город вымирает — кафе, столовые, закулочные закрыты, а на Таганке я даже увидел одну «Пирожковую», которая работает и вовсе до пяти? Освещенные солнцем безлюдные улицы и площади производят нехорошее впечатление. Вульгарные висячие замки на дверях магазинов и кафе как-то не соответствуют кабинетному обаянию Владимира Алексеевича и Владимира Ивановича. Москва после восьми — не город, а некий стратегический объект в ожидании налета авиации противника.

Личное обаяние — неотъемлемое свойство торгового руководителя. В этом я убедился еще раз, случайно познакомившись с Людмилой Федоровной Сулиной, заместителем директора рознично-торгового объединения «Продтовары» Ленинского района. Правда, со всеми начальниками обычно знакомишься лишь один раз, но с Людмилой Федоровной я знакомился трижды.

Первая Людмила Федоровна была несдержанна: я ей позвонил, чтобы узнать, почему в магазине № 12 «Молоко» на Остоженке нет не только молока и никакого другого товара, кроме яиц, но даже бумаги, чтобы эти яйца завернуть? Людмила Федоровна ответила, что Людмилы Федоровны сейчас нет, и швырнула трубку на рычаг. Я перезвонил, хотел дого-

ворить недосказанное на полуслове, но трубку больше не поднимали. На завтра телефон Людмилы Федоровны не отвечал весь день. На третий день Людмила Федоровна подняла трубку и сказала, что она сейчас посмотрит, тут ли Людмила Федоровна. Через мгновение Людмила Федоровна взяла трубку.

— Слушаю, Людмила Федоровна, — сказала женщина.

— Так это вы были позавчера? — спросил я.

— Я, — отвечала женщина.

— И Людмилу Федоровну искали вы?

— Я, — хихикнув, отвечала женщина.

— Так вы и есть Людмила Федоровна?

— Я, — отвечала женщина, — я, вы звоните не вовремя. Работы много.

Потом мы все-таки по душам поговорили. Людмила Федоровна, дослушав рассказ о магазине № 12, посетовала, как трудно приходится магазинам с бумагой, с молочными товарами, поставщики не выполняют договоров, нет грузовиков... Она попросила меня съездить на молочный завод и поторопить там с молоком. Она попросила также помочь ей с оберточной бумагой. Мы говорили еще о многом, но, как только Людмила Федоровна узнала, что я собираюсь писать о магазине № 12, где на покупателей кричат, как на детей, и не дают клочка бумаги, чтобы завернуть десяток яиц (а на всей Остоженке, кроме яиц, и купить больше нечего), Людмила Федоровна тон вдруг переменяла. Мы только-только договорились о встрече в этом криминальном магазине, как Людмила Федоровна произнесла:

— Когда Людмила Федоровна придет, тогда и договаривайтесь с ней о встрече. А я вам заранее скажу, что без направления редакции к нам в район и не приходите, она с вами и разговаривать не будет.

— Если вы не Людмила Федоровна, то кто же вы? — спросил я.

Но Людмила Федоровна, признавшаяся в том, что она не Людмила Федоровна, кашлянула и положила трубку. Я перезвонил, но трубку больше не поднимали.

Третья встреча с Людмилой Федоровной Сулиной произошла в ее кабинете... Прежде надо сказать, что сам домик районного рознично-торгового объединения «Продтовары» больше похож на посольский особняк какой-нибудь европейской державы. В магазинах, сами видите, нечего купить, не знаешь, чем позавтракать, но особнячок торгового объединения именно сейчас замечательно ремонтируется. Он уже выкрашен в благородный вишневым цвет, вход в особнячок и оконные рамы — крик современной архитектуры: стекло и металл. Все свеженькое, пахнет крапивою... Как не сказать, что именно

сейчас перестройка идет и во множестве магазинов: интерьеров, прилавков, витринных стекол — каждой мелочи касается искусная рука художника, труд которого недешев. Неясно, однако, откуда у торговли взялись деньги? Она существует как-то независимо от нас, покупателей, которые не знают, на что потратить деньги. Так вот, в уютном кабинете посольского особняка сидела обаятельная женщина с голосом, много раз говорившим со мной по телефону. Однако живая женщина, и в этот раз назвав себя Людмилой Федоровной, сообщила, что она весь день была на совещании и только сию минуту вошла в кабинет. У нее, оказывается, семнадцать подчиненных, дверь кабинета открыта, мог войти любой...

— От вашего имени кто-то говорит! — предупредил я.

— Ну и что? — пожала плечами Людмила Федоровна. — Не пойду же я допрашивать.

Тогда пошел «по подчиненным» я. Ими оказались женщины, но ни у одной не было столь запомнившегося мне голоса.

Что бы Людмила Федоровна ни говорила мне дальше, я узнавал свою телефонную собеседницу, но, поверьте, теперь, когда я познакомился с Людмилой Федоровной, у меня нет никаких сомнений, что живая Людмила Федоровна — воплощенное обаяние. Она вовсе не несдержанна и не глупа, чтобы посылать меня на молочный завод поторопить с молоком, — она остроумна, мила...

— А может, вы не туда попадали? Представьте, — говорила женщина, которую я до сих пор принимаю за Людмилу Федоровну Сулину, заместителя директора рознично-торгового объединения «Продтовары» Ленинского района, — звонит у нас дома вечером телефон и мужчина говорит: «Позовите Людмилу Федоровну». Я говорю: «Слушаю, Людмила Федоровна». Мужчина говорит: «Людмилу Федоровну!» Я отвечаю: «Я слушаю!» Мужчина говорит: «Мне нужна Людмила Федоровна!» Я ему говорю в третий раз: «Я! Я! Что вам нужно?» «Я твой муж», — говорит мужчина. А мой муж, Толик, дома. «Я твой муж, Эдик!» — говорит мужчина. «Извините, говорю, но мой муж дома...» А что еще скажешь? Представляете, что было бы, если бы к телефону подошел Толик? Вот так у нас работает телефонная станция.

Людмила Федоровна, безостановочно крутя упорным пальчиком телефонный диск, рассказала и другие случаи телефонной путаницы, которые чуть было не кончились и вовсе трагически. Но вдруг в трубке раздался сигнал «свободно».

— Освободилось, — без тени раздражения сказала Людмила Федоровна и прибавила повелительно: «Тамару Ивановну!»

Людмила Федоровна высказала директору магазина Тамаре Ивановне

все, что накопилось в душе всех покупателей, вместе взятых. Поверьте, то была речь страстная. Тамаре Ивановне, как я понял, теперь придется худо, ей придется работать двадцать четыре часа, а ее заместительнице, которая издевалась над покупателем из-за клочка бумаги «под яйца», не будет премиальных за месяц, пусть так и учтет и пусть пишет объяснительную, почему в бумаге отказала.

Людмила Федоровна меня очаровала. На следующий же день я заглянул в «Молоко» и — не увидел молока. В магазине было пусто почти так же, как в тот день, когда в нем не было бумаги. Но тогда хоть яйца были, а теперь не было и яиц...

Как В. И. Ленин был прав, когда писал, что нам надо учиться торговать! Этому надо учиться особенно теперь, когда торговать нечем. Наверное, поэтому Советское правительство проявило заботу о продавцах: им повысили зарплату. Раньше в среднем платили 159, а теперь 236 рублей в месяц. А если магазин выполнит план, то каждый месяц еще премия — 35 процентов от зарплаты. Директор же магазина раньше получал 230 рублей, а теперь 280 и премию раз в квартал. Выполнять план научились уже почти все — нужен какой-нибудь дефицит. Из пяти тысяч московских магазинов четыре тысячи триста уже овладели наукой выполнения плана. Оставшиеся семьсот доучиваются. Людмила Федоровна объяснила, что заработки, в сущности, повысили не для того, чтобы учиться торговать: чему тут учиться — что на прилавке ни появится, сразу раскупают. Повысили за культуру обслуживания. А о какой культуре можно говорить, когда яйца без бумаги продают? И когда на покупателей орут, унижают их, оскорбляют? Может, зарплату еще повысить, проявить новую заботу?..

— Ну почему? — не сговариваясь, в разное время спрашивают руководители торговли. — Почему о торговле пишут только критически? Ведь сделано столько хорошего!

Это так обаятельно! А выглядит так, словно бы очень красивая, умная, домовитая девушка осталась незамужней: не находится для нее, сверхнепорочной, достойного мужа. Не способны наши покупатели оценить обаяния торговых руководителей по достоинству...

Фото Владимира Сварцевича

МОЛОКО ДЛЯ КЛОУНА

Александр МИНКИН

ИСПУЖАН

В Севастополе взорван памятник воинам-освободителям. Кощунство. Наглое надругательство над святой для всех памятью о Великой Отечественной.

Ни КГБ, ни МВД не нашли виновных. Более того — не искали. Прокуратура не возбудила дела. Фотографии святотатцев не появились на стендах «Их ищет милиция». Не исключено, что они продолжают висеть на «досках почета».

Памятник взорван не хулиганами, не диссидентами. Памятник взорван по приказу Советской власти. Сначала Советская власть захотела еще и этого памятника. Потом приказала. Потом оплатила проект. Потом оплатила модель. Потом оплатила изготовление и установку. Потом оплатила взрывные работы. Потом оплатила благоустройство воронки и уборку осколков. За всеми хлопотами Советская власть ни разу не забыла получить зарплату.

Памятник — увесистый кусок монументальной пропаганды — был задуман для воспитания в нас дополнительного патриотизма (любви к родине), утвержден на всех комиссиях и коллегиях как нечто «своим высоким идейно-художественным уровнем содействующее дальнейшему улучшению, повышению и углублению», изготовлен, установлен, торжественно открыт и — взорван за исключительное безобразие.

В каком-то смысле сей замысленный и взгромозжденный на века, но столь недолговечный монумент (простоял всего несколько месяцев) стремительно прошел все стадии нашей истории — от радостных замыслов и светлых идей к окаменевшему уродству: оно не дало обществу ничего, кроме отвращения и убытков, принесло хорошо ощутимую выгоду только очень немногим. Его оказалось невозможно перестроить во что-либо путное, а осталось лишь взорвать. (Прошу не принимать последнюю фразу как призыв к насильственному свержению чего бы то ни было.)

Но севастопольская история — дело прошлое, 1989 года. После драки глупо махать кулаками. И я не о прошлом. Я — о будущем.

Монументальная пропаганда. Что это такое? Заглянем в «Советский энциклопедический словарь» («СЭС»).

«МОНУМЕНТ — памятник значит. размеров, предполагающий масштабное, ансамблевое художественное решение».

Коротко, хоть и не ясно. О пропаганде — длиннее.

«ПРОПАГАНДА — распространение полит., филос., науч., худ. и др. идей в обществе; в более узком смысле политич. или идеологич. П. с целью формирования у масс (это у нас — А. М.) определ. мировоззрения. Бурж. П. имеет целью навязывание массам ложных идей, теорий, не объективной информации в интересах

господствующих классов. Коммунистич. П. — научно обоснованная система духовной деятельности (!) по распространению марксистско-ленинской идеологии и политики с целью просвещения, воспитания и орг-ции масс (нас. — А. М.), одно из средств руководства партией (!) процессами рев. борьбы, стр-вом социализма и коммунизма. Ее осн. принципы: научность, партийность, конкретность, тесная связь с жизнью, единство пропагандистской и организаторской работы».

Внимательно прочли? Отметим, что «бурж. П.» — навязывание ложных идей, а «коммунистич. П.» — сначала научна и только потом партийна, чему верится с трудом, но раз в словаре написано — значит, так... Есть в «СЭС» и оба эти слова вместе.

«МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА — выдвинутый В. И. Лениным план развития монументального искусства как средство просвещения и коммунистич. воспитания нар. масс. (это нас. — А. М.)».

Искусству трудно быть средством. Представьте: любовь как средство по дальнейшему увеличению числа трудящихся масс. Это уже не любовь. Это — осеменение.

Но допустим, что мы ставим статуи девушек с веслом ради искусства, ради эстетики. А монументы вождам воздвигаем ради пропаганды светлых идей. Почему бы и нет? Цель благородная.

Сколько в нашей стране сидит и стоит Ильичей? Даже если не считать бесчисленные бюсты в школах, казармах, офисах, сельсоветах... даже если считать только полные фигуры, то очень много. Так много, что кое-где, скажем, в Грузии, их теперь сокращают. И в бывших соц-странах — сокращают. Власти стараются не допустить кощунств и хулиганских выходов, но и против воли народа держать Лениных на площадях Восточной Европы невозможно. Отправляют к нам.

В этой ситуации было бы, вероятно, резонно там, где хотят установить памятник Ленину, не изготавливать новые, а использовать эти освободившиеся. Ленин — он Ленин и есть, и от того, что он сколько-то лет пробыл за границей, памятник — как и живой Ленин — хуже не стал. И дело не только в экономии. Дело в морали. Как-то ужасно непристойно взрывать и закапывать уже имеющиеся памятники и в то же время затевать новые. С точки зрения искусства: старый ли, новый ли — разницы нет. С точки зрения пропаганды — тоже. Для вдохновенных ваятелей, обязанных своим благосостоянием выдвинутому В. И. Лениным плану, конечно, урон. Каждый Ильич приносит автору не один десяток тысяч. Но скульпторам-ленинцам можно продолжать платить (как в Голлан-

дии фермеру платят за ненадой мо-лока, потому что и так девать некуда). Все равно сберегутся огромные деньги, и материалы, и труд, и места для травы и детских игр.

Удивятся читатели: о чем речь? Спросят: а разве где-то в нашей стране собираются ставить новые памятники Ленину? Разве не довольно? Да вроде как и неуместно сейчас, а?

Да, собираются. Готов проект «Постановления» Совмина. «В целях обеспечения высокого идейно-эстетического... Совет Министров СССР постановляет:

1. Утвердить Программу создания монументов, мемориальных ансамблей и памятников согласно приложению».

А в «приложении», кроме одиноких Кржижановского, Шолохова, Хо Ши Мина, пятнадцать Ильичей. Под сотню тысяч каждый.

Говорят, это уже начаты. Уже деньги частично затрачены. Уже не остановить. Конечно, жаль сотен тысяч, потраченных на проекты и модели. Но зачем же упорствовать? Зачем тратить еще сотни тысяч на изготовление и установку? На подготовку поворота рек истратили куда больше. И все же остановили. Одумались.

Взгляните на дату решения. С какой гранитной, железобетонной твердолобостью придерживаемся «линии». Как бы не замечая, что жизнь повернула, пытается повернуть от железобетонного воспитания масс. Подписывать такие «Постановления» в 1990 году — нужна принципиальность покруче, чем у т. Андреевой.

С каким-то нечеловеческим упорством мы выполняем пропагандистскую программу застоя. Желая сделать эту статью менее резкой, я мог бы написать, что сегодняшние истуканы скорее воплощают брежневские идеи, чем ленинские. Но нет, у Брежнева не было идей. А упорство — действительно нечеловеческое. Оно — монументальное, аппаратное.

Если подумать — что пропагандируют каменные Ленины?

Вот памятник Пушкину. За что? Кто не читал книг — прочтет на постаменте:

Что в мой жестокий век восславил я свободу

И милость к падшим призывал.

А на «дедушках» что написать? Что простой советский человек знает «из Ленина»?

Из всех искусств для нас важнейшим является кино.

Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи.

Учиться, учиться и учиться.

Верной дорогой идете, товарищи. Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация.

Политическая проститутка Троцкий.

В каждом городе страны есть Ленин.

Денег на культуру в стране нет.

Библиотеки разрушаются, гниют, горят. Даже Ленинская.

И вот, оказывается, есть денюжки, нашлись. Библиотеку построить? храм восстановить? Нет. Еще одного Ильича. Еще пятнадцать Ильичей. В Костроме один стоит — руку протянул. Новый — руку с кепкой протянет.

«Одобрить программу сооружения памятников и монументов общегосударственного значения». Министр культуры СССР Н. Н. Губенко не подписал Постановления, подготовленного начальником Главного управления изобразительного искусства Г. П. Поповым, но работы не остановились.

Комбинаты по изготовлению каменной пропаганды продолжают функционировать с железной неотвратимостью.

Я не уверен, что надо гранитного Сахарова ставить. Но кто спросил жителей Москвы, зачем нам каменный Хо? Чего должны набраться детские массы, в скверике на Профсоюзной от памятника вьетнамскому

лидеру? А еще кусок сирени ушел под бетон и асфальт.

В Тбилиси и других городах и даже в Москве видим: милиция охраняет памятники. Днем и ночью. МВД стало обществом по охране памятников. Но не всех. Пушкина не надо охранять. Не надо памятников, которые надо охранять.

— Жрать нечего, а мы истуканов громоздим! Совсем ... с ума сошли! — Вот такую фразу услышал. И не от пьяни, не от рвани — от симпатичного инженера, русского, члена КПСС, с аккуратным «кейсом» в руках.

Действительно, кругом насилия, грабежи, тяжкие телесные повреждения живых людей, а сотни «ментов» охраняют каменных истуканов.

«ИСТУКАН — языческий божок, идол, статуя. Перен.— тупой, бесчувственный или равнодушный, бессердечный человек». («СЭС»)

Что пропагандирует «МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА», окруженная милиционерами и БТРами? Чему учит массы? Я вам скажу: сопротивлению. Ненависти.

Депутат Моссовета Лев Балашов: «Он влияет на мое подсознание.»

— Не надо думать, что это такой уж принципиальный вопрос. Сейчас в стране вообще происходит переоценка деятельности Ленина, его идей. И вся эта история с бюстом всего лишь внешнее проявление глубинных перемен. Культ Ленина у нас в стране был ничуть не меньше, а даже больше культа Сталина. И в какой-то степени этот эпизод отражает начавшуюся в нашей стране борьбу с культовым мышлением, как таковым. Ну и в какой-то степени этот эпизод отражает и борьбу с монополией КПСС на власть. Объясните, почему символ коммунистической партии должен находиться в зале, где часть депутатов принадлежит к другим партиям или просто не разделяет коммунистическую идею? Мы же не требовали в конце концов водрузить здесь бюст Сахарова. И наконец, мы с молоком матери впитали все, что связано с именем Ленина. И бюст вождя, хотите вы того или нет, не может не влиять на наше подсознание. Кого-то он раздражает, на кого-то давит, одним словом, так или иначе он действует на человека.

На прошедшей сессии Моссовета бюст Ленина то исчезал со сцены, то вновь как ни в чем не бывало появлялся за спиной Президиума. Наконец, уставшие таскать гниль туда-сюда депутаты, все согласные с тем, что партийный символ украшает зал, повесили рядом с бюстом трехцветный флаг старой России. На следующий день сессия приняла решение — и за Президиумом были торжественно водружены два флага — Государственный флаг СССР и РСФСР. Бюст Ленина и трехцветное знамя были убраны.

Сейчас об этом вспоминаешь с улыбкой. Депутаты пошли на принцип. А в чем принцип-то?

Депутат Моссовета Виктор Анпилов: «Все это на уровне базара»...

— С моей точки зрения, за всем этим конфликтом стояли политически незрелые люди. Речь ведь была не о партийной символике.

Наш народ выдержал самые серьезные испытания, неся в душе образ Ленина. Мы жили с Лениным. И то, что произошло в тот день на сессии Моссовета, — это унижение памяти выдающегося мыслителя нашей эпохи, великого политического деятеля. Ни в одной цивилизованной стране мира такое произойти просто не могло. А все эти заявления о том, что Ленин — создатель тоталитарного государства, — это все на уровне базара, простите за выражение. Нужны факты, документы, серьезные политические исследования. А голословные утверждения лично меня не убеждают.

Аркадий АВЕРЧЕНКО

Николай Гумилев считал, что «словом разрушали города». Советская власть всегда боялась печатного слова, особенно того, что приходило из-за рубежа, и особенно принадлежавшего бывшим соотечественникам. Впрочем, всегда ли — боялась?

В 1921 году Ленин получил изданную в Париже книгу Аркадия Аверченко «Дюжина ножей в спину революции». «До кипения дошедшая ненависть», — заметил он об этой книжке на страницах «Правды». Но рядом — «поразительный талант», «знание дела и искренность». Вывод для нас неожиданный: «Талант надо поощрять», а значит, и рассказы Аверченко заслуживают перепечатки в Советской России.

Перепечатали. И что же? Советская власть не рухнула.

В «Прятедьском письме Ленину», тоже принадлежащем перу Аркадия Аверченко, — та же мера язвительности и неприятия новой российской власти. Но почему бы нам не познакомиться с ним читателей? Ни советская система, ни авторитет ее вождя от опубликования этих трех страничек не пошатнутся. Зато мы будем иметь блестящий документ эпохи — красноречивое свидетельство о пропасти, разделившей народ и страну. Может, в наших силах эту пропасть преодолеть?

Дорогой Владимир Ильич!
Здравствуй, голубчик! Ну, как поживаешь? Все ли у тебя в добром здравьи?
Кстати, ты, захопотавшись около государственных дел, вероятно, забыл меня?..

А я тебя помню.

Я тот самый твой коллега по журнальнице Аверченко, который, если ты помнишь, топтался внизу, около дома Кшесинской, в то время, как ты стоял на балконе и кричал во все горло:

— Надо додуть буржуазию! Грабь награбленное!

Я тот самый Аверченко, на которого, помнишь, тебе жаловался Луначарский, что я, дескать, в своем «Сатириконе» издаваюсь и смеюсь над вами.

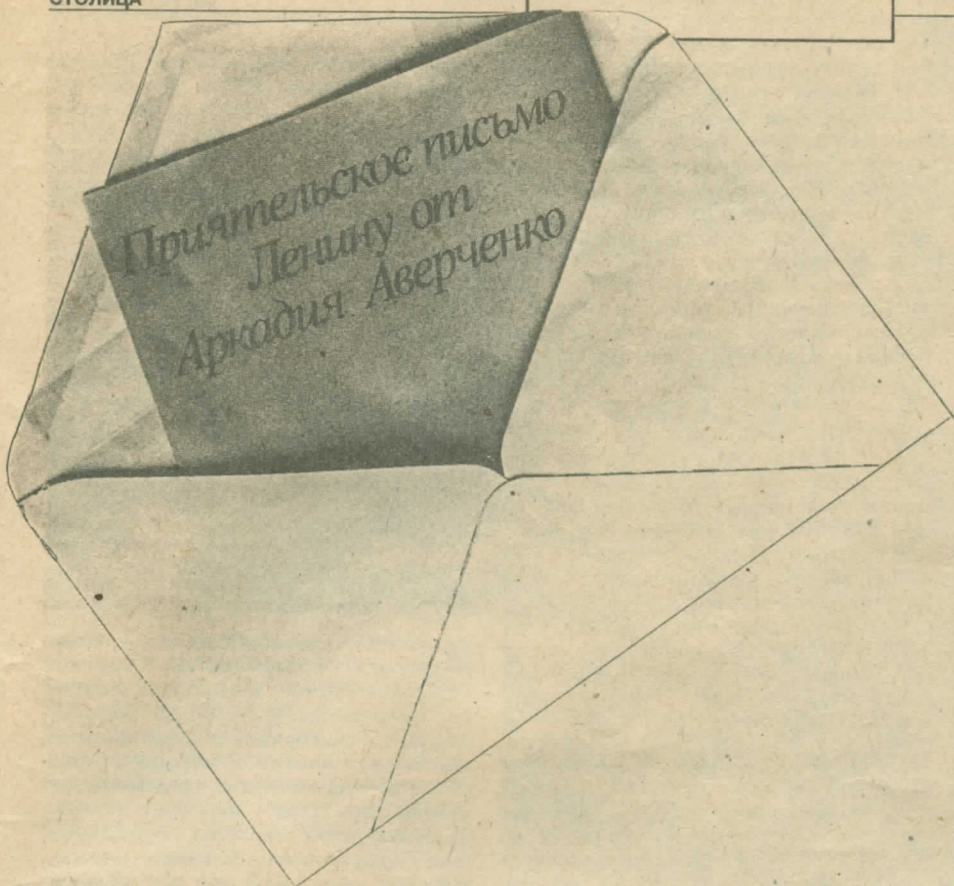
Ты тогда же приказал Урицкому закрыть навсегда мой журнал, а меня допустить на Гороховую.

Прости, голубчик, что я за два дня до этой предполагаемой доставки на Гороховую — уехал из Петербурга, даже не простившись с тобой. Захлопотался.

Ты тогда же отдал приказ задержать меня на ст. Зерново, но я совсем забыл тебе сказать перед отъездом, что поеду через Унечу.

Не ожидал ты этого?

Кстати, спасибо тебе. На Унече твои коммунисты приняли меня замечательно. Правда, комендант Унечи — знаменитая курсистка товарищ Хайкина сначала хотела меня расстрелять.

— За что? — спросил я.
— За то, что вы в своих фельетонах так ругали большевиков.

Я ударил себя в грудь и вскричал обиженно:

— А вы читали мои самые последние фельетоны?

— Нет, не читала.

— Вот то-то и оно! Так нечего и говорить!

А что «нечего и говорить», я, признаться, и сам не знаю, потому что в последних фельетонах — ты прости, голубчик, за резкость — я просто писал, что большевики — жулики, убийцы и маровихеры...

Очевидно, тов. Хайкина не поняла меня, а я ее не разубеждал.

Ну вот, братец ты мой, — так я и жил.

Выезжая из Унечи, я потребовал себе конвой, потому что надо было переезжать нейтральную зону, но это была самая странная зона, которую мне только приходилось видеть в жизни. Потому что по одну сторону нейтральной зоны грабили только большевики, по другую только немцы, а в нейтральной зоне грабили и большевики, и немцы, и украинцы, и все вообще, кому не лень.

Бог ее знает, почему она называлась нейтральной, эта зона.

Большое тебе спасибо, голубчик Володя, за конвой — если эту твою Хайкину еще не убили, награди ее орденом Красного Знамени за мой счет...

Много, много, дружище Вольдемар, за эти 3 года воды утекло... Я на тебя не сержусь, но ты гонял меня по всей России, как соленого зайца: из Киева в Харьков, из Харькова — в Ростов, потом Екатеринодар, Новороссийск, Сева-

стополь, Мелитополь, опять... Севастополь.

Это письмо я пишу тебе из Константинополя, куда прибыл по своим личным делам.

Впрочем, что же это я о себе да о себе... Поговорим и о тебе...

Ты за это время сделался большим человеком... Эка, куда хватил: неограниченный властитель всея России... Даже отсюда вижу твои плутоватые глазенки, даже отсюда слышу твое возражение:

— Не я властитель, а Цик.

Ну, это, Володя, даже не по-приятельски. Брось ломаться — я ведь знаю, что тебе стоит только цикнуть и весь твой цик полезет под стол и сделает все, что ты хочешь.

А ловко ты, шельмец, устроился — уверяю тебя, что даже при Царе Государственная Дума была в тысячу раз самостоятельнее и независимее. Согнул ты «рабоче-крестьянскую», можно сказать, в бараний рог.

Как настроение?

Ты знаешь, я часто думаю о тебе и должен сказать, что за последнее время совершенно перестал понимать тебя.

На кой черт тебе вся эта музыка? В то время когда ты кричал до хрипоты с балкона — тебе, отчасти, и кушать хотелось, отчасти, и мир, по молодости лет, собирался перестроить.

А теперь? Наелся ты досыта, а мира все равно не перестроил.

Доходит до меня слухи, что живется у вас там в России, перестроенной по твоему плану, — препротивно.

Никто у тебя не работает, все голодают, мрут, а ты, Володя, слышал я, так запутался, что у тебя и частная

собственность начинает всплывать, и свободная торговля, и концессии.

Стоит огород городить, действительно!

Впрочем, дело даже не в том, а я боюсь, что ты просто скучаешь.

Я сам, знаешь ли, не прочь повластвовать, но власть хороша, когда кругом довольство, сияющие рожи и этикие хорошенькие бабеночки, вроде мадам Монтеспан при Людовике.

А какой ты к черту Людовик, прости за откровенность!

Окружил себя всякой дрянью, вроде башкир, китайцев — и нос боишься высунуть из Кремля. Это, брат, не власть. Даже Николай II частенько раньше показывался перед народом, и ему кричали «ура», а тебе что кричат?

— «Жулики вы», — кричат тебе и Троцкому, — «чтобы вы подошли, коммунисты».

Ну, что хорошего?

Я еще понимаю, если бы ты рожден был королем — ну, тогда ничего не поделаешь: профессия обязывает. Тогда сиди на башне — и сочиняй законы для подданных.

А ведь ты — я знаю тебя по Швейцарии, — ты без кафе, без «бока», без табачного дыма, плавающего под потолком, — жить не мог.

Небось, хочется иногда снова посидеть в биргалле, поорать о политике, затынуться хорошим кнастером — да где уж там!

И из Кремля нельзя выйти, да и пивные ты все, неведомо на кой дьявол, позакрывал декретом № 215523.

Неуютно ты, брат, живешь, по-собачьему. Русский ты столбовой дворянин, а с башкирами все якшаешься, с китайцами. И друга себе нашел — Троцкого — совсем он тебе не пара. Я, конечно, Володя, не хочу сплетничать, но знаю, что он тебя подбивает на всякие глупости, а ты слушаешь.

Если хочешь иметь мой дружеский совет — выгони Троцкого, распусти этот идиотский Цик и издай свой последний декрет к русскому народу, что вот, дескать, ты ошибся, за что и приносишь извинения, что ты думал насадить социализм и коммунизм, но что для этой отсталой России «не по носу табак», так что ты приказываешь народу вернуться к старому, буржуазно-капиталистическому строю жизни, а сам уезжаешь отдыхать на курорт.

Просто и мило!

Ей Богу, плюнь ты на это дело, ведь сам видишь, что получилось: дрянь, грязь и безобразие.

Не нужно ли денег? Лир пять, десять могу сколотить, вышлю.

Хочешь — приезжай ко мне, у меня отдохнешь, подлечишься, а там мы с тобой вместе какую-нибудь другую штуквину придумаем — поумней твоего марксизма.

Ну, прощай брат, кланяйся там!

Поцелуй Троцкого, если не противно.

Где летом на даче?

Неужели в Кремле?

С коммунистическим приветом

Аркадий Аверченко.

Р. С. Если вздумаешь черкнуть два слова, пиши: Париж, Елисейский дворец, Мильерану — для Аверченко.

Фото Юрия ФЕКЛИМСТОВА

КОМИТЕТЫ И «КОМИТЕТЧИКИ»

(Вокруг Гддяна и Иванова)

Митинги и демонстрации в поддержку следственной группы Тельмана Гддяна и Николая Иванова, цепочка от Кремля до Зеленограда, политические забастовки протеста против методического развала знаменитого «кремлевско-узбекского дела», листовки и «неформальные» листки, публикующие отдельные страницы многотомного дела. Кто все это организует? Зеленоградцы. Комитет защиты Гддяна.

Ответ почти верный, если бы не одна маленькая деталь — комитета с таким названием в Зеленограде уже давно нет.

— Это мы раньше назывались комитетом защиты, — пояснил мне член комитета Р. Червонцев, доверенное лицо народного депутата СССР Т. Х. Гддяна. — Но потом посчитали, что название несколько сужает рамки нашей деятельности, и переименовали сами себя в Комитет поддержки Гддяна. Тем самым мы как бы декларируем, что не только защищаем своего депутата, но и оказываем ему всяческое содействие в депутатской деятельности.

А возник комитет весной прошлого года, когда по Зеленограду прокатились слухи о том, что Гддяна собираются лишить на Мандатной комиссии Съезда народных депутатов СССР его мандата. Возмущенные зеленоградцы решили создать стачечные комитеты и провести двухчасовую предупредительную забастовку.

Идея заключалась в следующем. Каждое предприятие делегирует своих представителей на учредительную конференцию новой общественной организации — Комитета защиты Гддяна. А после конференции уже официальные представители созданного комитета автоматически включаются в состав Совета трудового коллектива своего предприятия и начинают готовить первую в истории Зеленограда всеобщую политическую забастовку. 24 мая 1989 года, когда

на два часа замерли все предприятия города, можно считать и днем рождения комитета.

Сейчас в нем около 30 человек. Возглавляет комитет Леонид Максимович Лемко, секретарь парткома одного из предприятий, член бюро райкома Зеленограда. У комитета есть своя печать, свой счет в банке и свое помещение — горисполком потеснился и предоставил ему одну из комнат. «Гдлянцы» активно участвовали в организации нескольких митингов и двух забастовок — уже упомянутой прошлой весной и однодневной 14 февраля этого года, распространяли листовки и материалы, связанные с делом о коррупции. А этой весной, когда возникла вполне реальная опасность ареста Гдльяна и Иванова или устранения их с политической арены каким-либо иным способом, комитет решил выделить народному депутату СССР от Зеленограда Т. Х. Гдлянцу собственную охрану. При этом решительно отклонили многочисленные просьбы москвичей, желавших немедленно приступить к обязанностям телохранителей Тельмана Хореновича, и обратились за помощью в сыское агентство «Алекс». Так что, берегись, мафия, — Гдльян охраняют не доморожденные «качки», а профессионалы высокого класса!

Деятельность комитета, как считают сами его представители, была оценена по достоинству. Зеленоградцы выбрали трех членов комитета депутатами Моссовета и еще несколько человек — в районный Совет.

На этом, собственно, можно было бы поставить точку, если бы не одно «НО».

— Комитет поддержки Гдльяна?! — женщина, распространяющая на Пушкинской площади материалы по допросу Усманходжаева, смотрела на меня с нескрываемым негодованием. — Да вы что! Это же кгбшная организация, ее райком партии организовал! Вы поглядите на их состав — сплошь секретари парткомов заводов или пропагандисты и идеологи. У них потому и проблем-то никаких ни с регистрацией, ни с помещением не было! Они все из-под палки делают, когда на них народ как следует надавит. Единственно, кто Гдльян по настоящему защищает, — это «Демократические выборы».

«Демократические выборы» в Зеленограде действительно организация уважаемая. Ее принцип — полная децентрализация, абсолютная самостоятельность нижних звеньев плюс признание принципиальных пунктов Устава. Во главе «ДВ» стоят три сопредседателя — А. Е. Гарнак, А. А. Кириллов, В. А. Икищели. «Демократические выборы» объединяют людей, принадлежащих к самым разным слоям населения. В отличие от жесткой структуры Комитета поддержки Гдльяна, членом которого может стать

только делегат трудового коллектива, «ДВ» открыты для всех.

Движение делится на несколько подразделений, одно из которых называется «группой защиты дела следственной бригады Гдльяна и Иванова». Возглавляет ее Н. Г. Промохов.

— Собственно, наша группа возникла как реакция на бездействие комитета поддержки, — объяснил Николай Григорьевич. — Хотя идея именно такого движения — с делегированием представителей от предприятий — сама по себе была неплоха. И говорить, что комитет был создан «по инициативе КГБ», по меньшей мере несерьезно. Но вот когда проходили выборы в этот комитет, тогда еще защиты Гдльяна, я не могу поручиться за то, что КПСС, то есть райком партии, не постаралась разбавить его «своими» людьми, взять выборы под контроль. И, помимо, у них это получилось. Ведь посмотрите, кто в основном оказался членами комитета: секретари или члены парткомов предприятий, пропагандисты, ну и так далее. Я, конечно, не хочу сказать, что все они однозначно ставленники райкома. Упаси бог! Я сам тридцать семь лет в партии, был и пропагандистом на своем предприятии. Но, скажем так, действия Комитета поддержки Гдльяна далеко не всегда меня удовлетворяли...

Первый раз кошка пробежала между двумя организациями в прошлом году перед Днем Советской Конституции, когда «Демократические выборы» решили провести живую цепочку, на манер прибалтийских, от стен Кремля до Зеленограда и так продемонстрировать свою солидарность с Гдльяном и Ивановым. А Комитет поддержки Гдльяна выступил с резким осуждением этой акции. По местному радио, на предприятиях его активисты призвали зеленоградцев не участвовать 7 октября в подобной демонстрации.

— Вообще-то День Конституции был выбран лидерами «ДВ» очень удачно. Ясно, что в такой день милиция просто потесняется разгонять людей. Но... Роман Романович Червонцев, один из членов комитета поддержки и активный противник «цепочки», говорит спокойно, уверенно. — Все дело в том, что пусть и несвоевременно, но Моссовет же отказался санкционировать эту акцию. А милиция тут же сложила с себя ответственность и, несмотря на ранее достигнутое между нами соглашение, заявила, что помогать в проведении «цепочки» не намерена. А ведь «цепочка» должна была пересекать шоссе и дороги. Поэтому поручиться, что не случится авария, что какая-то машина не сойдет случайно никого из стоящих в «цепочке», я, например, не мог.

— Все это полная чепуха! — покачал головой Н. Г. Промохов. — Во-

первых, милиция отказалась помогать лишь после того, как комитет решил бойкотировать акцию. А не до того. Во-вторых, там, где действительно была серьезная опасность, люди вставали не на шоссе, а на тротуар. Так что все эти упреки напрасны. Кстати, в последнее время комитет поддержки все чаще и чаще обвиняет «ДВ» в экстремизме. Это их единственный аргумент в спорах с нами.

Временами казалось, что взаимные упреки — в «уходе вправо» одних и в экстремизме других — вот-вот перерастут в откровенное противостояние. Но, к счастью, пока этого не произошло. Обе группы, стараясь забыть обиды, начинают работать вместе. А когда возникла угроза роспуска комитета поддержки «за ненужностью», первыми встали на его защиту члены «ДВ».

Впрочем, наша политическая жизнь вообще полна парадоксов. «Умеренный» Червонцев, которого некоторые из крайне левого крыла «ДВ» считают чуть ли не «ставленником райкома партии», в феврале этого года демонстративно вышел из КПСС, в рядах которой состоял с 1970 года. А «экстремист» Промохов, трижды увольняемый с работы за чересчур активную политическую деятельность, с таким решением не спешил, ждал, чем закончится XXVIII съезд КПСС. И 12 июня он все-таки подал заявление.

Конечно, разные люди объединились в двух «параллельных» организациях. Но все-таки у них есть это дело, которому они преданы, служить которому готовы. Их увольняют с работы, обвиняют во всех смертных грехах, подбрасывают грязные письма с недвусмысленными угрозами, объявляют строгие выговоры за несуществующие проступки, привлекают по партийной линии, а они только упрямей становятся...

— Я виноват в том, что довели мы нашу страну до такого жуткого состояния, — говорил мне Н. Г. Промохов. — Я лично виноват, что ничего не смог сделать. И вот теперь мне предоставилась такая возможность — изменить что-то в нашем обществе, в самом себе. Так что, я должен отказаться, отступить?.. В конце концов я уже старый человек, у меня внук растет. Я хочу ему смотреть в глаза спокойно.

Татьяна ПТИЦЫНА

«ИЗВЕСТИЯ ЦК КПСС», № 2, 1989 г.:

**КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ.
АЛИЕВ ГЕЙДАР АЛИЕВИЧ.**

Персональный пенсионер союзного значения. Родился в 1923 г. Азербайджанец. Член КПСС с 1945 г. Окончил Азербайджанский государственный университет. С 1941 г. работал в советских органах, органах внутренних дел и госбезопасности АзССР.

С 1969 г. — первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана. С 1982 г. — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, одновременно с 1986 г. — председатель Бюро Совета Министров СССР по социальному развитию. С 1987 г. — на пенсии. С октября 1987 г. по ноябрь 1988 г. — государственный советник при Совете Министров СССР. Член ЦК КПСС с 1971 г. В 1976—1982 гг. — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, в 1982—1987 гг. — член Политбюро ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР. Депутат Верховного Совета РСФСР. Дважды Герой Социалистического Труда.

КОРОЛЕВСКАЯ

ОСЕНЬ

— Гейдар Алиевич, когда привольней и вольготней жилось вам на свете?

— Когда я был совсем молодой. Мне было шестнадцать лет, я ходил в драмкружок, мы ставили «Гамлета», я Гамлета играл — выделялся в школе и своей фигурой, и внешним видом. В школе любил декламировать. Маяковского, вы угадали. Любимые стихи? О советском паспорте. У меня вообще была склонность к художественному чтению.

— Вы с трибуны часто говорили на память...

— Я говорил без бумаги. Считаю, что руководитель должен говорить без бумаги. Политический деятель должен выражать свои мысли свободно. Я, к счастью, этими данными

обладал. Часто бывало: выступал целых два часа, записывали на пленку, переносили на бумагу и — сразу в газету! И это меня отличало, за это на меня косились недоброжелатели. А меня удивляло, что многие руководители того периода — я подчеркиваю: того периода! — настолько они были привязаны к бумаге...

— Кто вам вручал звезды Героя?

— Мне одну звезду вручал Брежнев, вторую — Андропов.

— Ваш бюст стоит в Нахичевани

(там и сейчас на лобовых стеклах машин, на киосках ваши портреты — помнят, может быть, ждут). Что чувствует человек, увидев свое изображение?

— А я не видел. Нет. Даже на фотографии.

— Вам не было страшно видеть, как явно и разрушительно уходит жизнь из человека по фамилии Брежнев, из человека, который был всем, хотя ничего не мог?

— Все мы это наблюдали. Это ведь на глазах у людей было. Он был тяжело болен. Я был далеко от Москвы. Я находился в Азербайджане. Я не решал вопросов здесь. А его окружение, те люди, которые вместе с ним здесь решали вопросы... Я не знаю, о чем они думали.

фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

Во всяком случае, это вызывало у нас большое сожаление, что такой больной человек... Даже иногда бывало жалко, что такой больной человек и занимается делом.

— Нам не стоит исключить Брежнева из партии, хотя бы посмертно?

— Я думаю, что посмертно ничего не надо делать. Что мертвого из партии исключать?

— Вы можете что-нибудь сказать о «сером кардинале» — Суслове?

— Не буду отвечать.

— За долгие годы, когда у власти стояли Брежнев, Андропов, Черненко, вы хоть раз проголосовали «против» чего-нибудь?

— Против — нет.

— Как вы сейчас живете, Гейдар Алиевич?

— Ну как может жить пенсионер? Пенсионер без работы, так... У нас, к сожалению, в стране сложилась такая традиция, и, мне думается, не совсем верная: когда политический деятель выходит на пенсию, он выключается из общественно-политической жизни. Я был членом Политбюро, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, ушел на пенсию два года назад, следовательно, занимаюсь теперь только своими делами: мои дети, мои внуки, моя личная жизнь. Строю свой рас-

АЛИЕВ
ГЕЙДАР
АЛИЕВИЧ

ДВАЖДЫ ГЕРОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
ТРУДА

порядок, чтобы он был полезен для общества и для меня, чтобы я не утратил себя как личность. Сплю мало, шесть с половиной — семь часов. Встаю в семь утра, делаю физзарядку, минут сорок. Я всю жизнь занимался активно физической культурой. После завтрака сажусь за чтение всевозможных материалов: газеты, журналы. Потом по здоровью мне предписаны прогулки. Гуляю в основном один, час до обеда, по улицам. Иногда прохожие меня узнают. «Вы Алиев?» Я говорю: «Угадали». Потом непременно спрашивают: «Как вы себя чувствуете?» Этот вопрос, между прочим, я должен сказать, при всех обстоятельствах присутствует. И это дает мне основание считать, что люди знают, что я был болен и здоровье мое подорвано. Я отвечаю: ничего, спасибо, благодарю. Поэтому прогулки по улицам не всегда бывают для меня удачными — как-то неудобно, когда на тебя смотрят.

— А вы хорошо себе представляете настроение народа?

— Народ меняется. Я сейчас с народом не общаюсь. Я уже давно с народом не общаюсь, ведь уже два года как ушел с работы. Сейчас народ стал более политически активным... В городе особенно не погуляешь. У меня собственной дачи нет, своей, личной. Ну, такой небольшой домик нам предоставили в дачном поселке — летом там бываем. После обеда я обычно не сплю. Я опять сажусь читать. Потом прилягу на диване на полчаса... Занимаюсь с внуками. Я живу с дочерью Севиль, у нее трое детей, маленькие и очень забавные. Двое уже ходят в школу, там их не обижают, дискриминации нет. Старшая внучка мне иногда декламирует стихи на английском языке. Скажет: «Дедуля...» Они меня «дедуля» зовут. «...Давай я тебе стихок на английском языке прочту». Пожалуйста! Еще раз выхожу на прогулку в районе пяти-шести часов. Если погода благоприятная. После ужина больше смотрю телевизор.

— Что вы чувствовали, когда смотрели телевизионные кадры расправы над Чаушеску?

— Ну что вы хотите, что бы я ответил на этот вопрос? То, что мы приветствуем обновление в Румынии, тут вопроса нет. Но речь идет о формах, речь идет о методах и поэтому... я хотел бы обойти этот вопрос. Об умерших я не люблю говорить вообще. Хотя сейчас об умерших только и говорят (смеется. — А. Т.). У меня был с Чаушеску контакт еще в 1971 году, когда он приехал в Баку во время XXIV съезда партии. Мне пришлось с ним лететь в Баку и обратно в самолете. Он оставил у меня отрицательное впечатление. Летим в самолете, советский самолет, салон, все вместе: его делегация, я, с советской стороны еще люди были. Подают нам кушать, и вдруг высказыва-

ет какой-то его повар и ему отдельно дает. Чаушеску то, что нам подаю, не кушает! Разливают коньяк, немножко так, выпить — вдруг высказывает его повар и стограммовую особую бутылочку ему коньяка ставит... Вообще, то, что произошло в Румынии, трудно предвидеть, видимо, накопело у народа.

— Ваши родственники остались в Баку?

— Да. Я вырос в очень бедной семье. Мой отец был рабочий, у него было семеро детей. Мы жили в очень трудных условиях. Одевался я очень бедно, а учился на отлично. Мои братья все находятся в Баку. Работают там же, где работали. Мои братья, они все из области науки. Я единственный человек в семье, который пошел по пути политической деятельности.

— Они вам не завидовали?

— Вы еще молодой человек, вы, может, потом все эти вещи в жизни узнаете. Я четырнадцать лет работал первым секретарем. У меня, конечно, дел до черта было и не было времени посещать их квартиры, кого-то из них приглашать. Но родственники есть родственники — они прощали мне. Однако какое-то недовольство мною было, что я занимаю такой высокий пост и не уделяю достаточного внимания им.

— В Средней Азии и Закавказье остатки феодальных отношений удивительно гармонично вписались в модель сталинского социализма и господствовала не просто бюрократия, а бюрократия, объединенная семейными, родовыми связями. Вы не согласны?

— Нет, не согласен. Да, народы были на разных ступенях развития. Но в Азербайджане этого не было. Я боролся с другим. Я боролся против злоупотреблений отдельных должностных лиц. Посадил его первым секретарем райкома, а он взятки берет! Его ты назначил министром — а он взятки берет! А он себе дачи строит незаконно! Перепродает машину! Я с этим боролся. Теперь за это расплачиваюсь.

— Если оглянуться: какой самый радостный «плюс» и самый печальный «минус» в вашей работе?

— Самым большим достижением было то, что я сумел сделать в Азербайджане. И в экономической, и социальной, и культурной сфере. Я много сделал. И это, я думаю, народ оценивал. И оценит. В Москве я был пять лет. Я не хочу свою роль выпячивать, но за эти пять лет я участвовал и как член Политбюро, и как первый заместитель Председателя Совета Министров СССР в разработке и осуществлении многих крупных вопросов. Я не хочу детализировать. Вызывают чувство сожаления те просчеты, которые были допущены мной в Азербайджане в кадровой работе.

— Вы не подготовили себе достойной смены?

— Смену не готовил, просто некоторые из моих преемников оказались не такими, какими я их себе представлял. Это меня огорчает. Я вообще не думал о смене, не собирался уходить. Мне казалось, что первым секретарем может стать любой, кто работал рядом со мной, ведь я же стал!

— Власть — это развращающая сила. Как вы береглись от великого множества соблазнов, четырнадцать лет единолично руководя республикой размером с крупную европейскую державу?

— Единоличным руководителем я не был. Все вопросы решались Бюро ЦК. Я прислушивался к мнению каждого. Я всегда исходил из того, что руководитель должен иметь моральное право руководить. Он должен быть честным, морально чистым, скромным, не допускать никаких проявлений использования своего положения в личных интересах, вести здоровый образ жизни. Такова моя природа. К соблазнам власти у меня есть стойкий иммунитет. У себя в республике мы не разрешили руководящим работникам покупать машины для личного пользования...

— Почему?

— Да потому, что сталкивались с многочисленными фактами, когда некоторые из них, используя свое положение, без очереди покупали машины, а затем перепродавали по дорожной цене, совершали различные махинации для незаконной наживы. Имела место спекуляция машинами. Приходилось за это наказывать. Чтобы уберечь кадры от соблазнов, мы пошли на такие меры.

В начале 1983 года на закрытом заседании Политбюро нам показали фотоснимки роскошных дач, построенных под Москвой отдельными руководителями работниками ГКЭС, избличенными КГБ во взяточничестве, в различных валютных махинациях. Чрезмерное богатство этих дач — и внешний вид, и внутреннее убранство, бассейн, сауна, импортная мебель и так далее — нас удивило. Понятно, что они были построены и содержались на нетрудовые доходы. Тогда я выступил и предложил запретить руководителям работникам и членам их семей строить частные дачи. В таком же духе выступил М. Горбачев. Юрий Владимирович Андропов нас поддержал. Но некоторые из присутствовавших неодобрительно отнеслись к этому предложению. Сейчас взгляды на эти явления изменились, но я придерживаюсь прежних принципов.

— Во время карабахского кризиса кто-нибудь обращался к вам за советом?

— Нет. К сожалению, нет. С моей стороны было бы нескромно советовать что-нибудь самому. Я бы многое

мог подсказать, и как себя вести с Народным фронтом... Я работал с пятнадцать-шестнадцать, иногда семнадцать часов. Субботние дни я работал. Я не помню ни одного субботнего дня, чтобы я оставался дома. Иногда и в воскресные дни работал, забирал материалы и на вечер домой.

— Вам не страшно за будущее своих внуков?

— Меня очень беспокоит их будущее. И политическая, и моральная, и этическая обстановка настолько осложнилась. Вот когда я был молодым, я занимался своими детьми: дочерью и сыном. Они воспитаны очень строго. Ничего себе не позволяют, никуда не ходят, только дом, работа и все. Какую-либо тревогу за будущее своих детей я не чувствовал, не понимал. Такого бурного стечения обстоятельств, таких бурных процессов не было. И поэтому какая ни была жизнь... Ну, какая она была, мы теперь знаем... Но она была вроде стабильная. У меня ведь пять внуков.

— Вы пытаетесь предсказать будущее?

— Я не хотел бы этим заниматься. Я просто затрудняюсь.

— Раз мы выяснили, что вы — активный телезритель, скажите, что смотрите из программ?

— Я очень заинтересованно смотрю Съезд, заседания Верховного Совета. Нет, на здоровье не влияет. На здоровье влияет то, что происходит в нашей стране, то, что у нас сейчас так тяжело с продуктами. Смотрю репортаж из Баку, с колхозного рынка: гранаты — пятнадцать рублей килограмм! В мою бытность — четырнадцать лет я был первым секретарем — никогда на рынке гранаты не стоили больше двух-трех рублей.

— Организованные преступные объединения, которые взрастила феодально-неподсудная власть партийных вождей разного уровня. Как посоветуете с этим бороться, Гейдар Алиевич?

— Вы задаете сложный вопрос (смеется. — А. Т.). Я все четырнадцать лет работы в Азербайджане боролся с этими негативными явлениями. И мне это сейчас дорого обходится, потому что те люди, которых мы избличали, кто вернулся из за-

ключения, кто выкрутился, кто исключен из партии, но остался живой, — они сейчас подняли голову и мстят мне. Это тяжело. Закавказье раньше считалось самым пораженным очагом. Но такой преступности, как сейчас, тогда не было. Чем это порождено, мне трудно сказать. И я думаю, что меры, которые наметили по борьбе... Они крайне недостаточны. Что нужно сделать? Мне трудно сейчас сказать.

— Телевидение отражает не для всех привычный сдвиг в нашей культуре, вам не тяжело смотреть современные музыкальные программы?

— Я всю жизнь был очень терпимым. Когда были нападки на авангардистов, я занимал нейтральную позицию. Вот был у нас такой выдающийся композитор — Кара Караев. Я был с ним очень близок, дружили. Я счастлив, что удалось отметить его 60-летие, я участвовал в торжествах в Москве и Баку. Он был учеником Шостаковича, которого я, между прочим, очень люблю, и лично с ним был близко знаком. Когда появился авангардизм, Кара Караев поехал в Соединенные Штаты. Вернулся и сделал немножечко уклон в сторону авангардизма. Его стали все критиковать. Он переживал. Я его успокаивал, я с ним беседовал на эту тему. Я был терпимым. В те годы в «Правде» появилась статья Глазунова, в которой он выступил против авангардизма. А когда я уже был в Совете Министров и как первый заместитель курировал вопросы культуры, открылась выставка Ильи Глазунова. Это, естественно, меня заинтересовало. Однажды вечером, уже после того, как просмотр кончился, я договорился с Глазуновым и пошел. Я часа три провел до одиннадцати вечера с ним. Мы смотрели все его картины. Потом у нас была очень интересная беседа. И когда я напомнил ему про ту статью, он ахнул: «Неужели вы мою статью прочитали? Да еще помните до сих пор?»

Но на телевидении вытесняется настоящее искусство, предпочтение отдается этим песням, которые, в общем-то, не мобилизуют человека, одни крики, стоны и так далее... И думается, что, если это направление будет заполнять все, мы можем где-то потерять настоящее искусство. Нам надо очень дозированно подходить к этому вопросу. Мое мнение такое. Что касается эротики и секса, то этого, в принципе, я не одобряю. Это однозначно.

— Что читает пенсионер на отдыхе? Перечитываете ли Ленина, Маркса?

— Ленина иногда перечитываю. У меня есть полное собрание сочинений Ленина, Маркса. Сейчас, после того как ушел на пенсию, все время возвращаюсь к классикам, читаю историков — Карамзина, Соловьева, историю Азербайджана, я ведь по об-

разованию историк. Читаю современную литературу и не могу сказать, что все нравится. Вы понимаете, когда присутствует конъюнктура, она, в общем-то, не дает сделать необходимый вывод. Читаю всю прессу. Нет, авторов даже не запоминаю.

— Публикации последнего времени отражают поворот общественного сознания в оценке Андропова. Большую тень на него бросает участие в венгерских событиях 1956 года.

— Я сохраняю свое мнение. Это был человек очень светлый, очень крупный, людей безгрешных на свете нет. Это раньше мы думали, что есть святые. За что можно упрекнуть Андропова в венгерских событиях? Он там был всего лишь послом. И мне известно, что жена его от увиденного там заболела. Какие ужасы он мне рассказывал — на его глазах коммунистов вешали. Вешали коммунистов — вот так. И Крючков Владимир Александрович тоже там был в это время, в Будапеште. Андропов был очень чистый человек, очень чистый. Был внутренне нетерпим к коррупции, к отклонениям от норм морали. Он был очень близок мне по характеру, по психологии, по нравам. Нет, я у него дома, конечно, не бывал, и он у меня не был. Но мы встречались у него в кабинете, часто. Я считаю его своим учителем жизни.

— Удивительно, почему тропа в гору ведет очень часто через КГБ или МВД? Андропов, Чебриков, вы, Шеварднадзе, Гумбаридзе — не слишком ли много людей, для которых погоны госбезопасности стали пропуском в высшие сферы?

— Вот как я отвечаю: я проработал в КГБ почти тридцать лет. Начал с рядовой работы, прошел все ступени. Первое мое звание было лейтенант, последнее — генерал-майор. Ни одну ступеньку я не перескочил. И по чину и по должности. И должен сказать, что, несмотря на все те тяжелые дела, которые были в 1938 году, в сороковых, в пятидесятых, в органах КГБ всегда были наиболее чистые люди. Комитет очень оберегал свои кадры в плане морали. Очень оберегал. И я благодарен судьбе за то, что проработал так много лет в КГБ. Я там получил большую политическую закалку, большую политическую подготовку, расширил свою эрудицию. И, конечно, та решимость, с какой я взялся, став первым секретарем ЦК, за борьбу с негативными явлениями, у меня формировалась именно в КГБ. Я был нетерпим ко всему этому!

— В новом руководстве вас считали «человеком Андропова» — ваше положение осложнилось после его смерти? Вы знали, что он умирает?

— Нет, не знал. Он болел уже несколько месяцев, но вот я был членом Политбюро, а у нас не было информации о состоянии его здоровья.

Какой-то узкий круг знал в Политбюро, а я, например, не знал. Положение после его смерти осложнилось, мы с ним были единомышленники, его поддержка мне существенно помогла.

Вообще переход в Москву вызвал у меня очень глубокое внутреннее волнение. Одно дело республика, другое — страна. Но я понимал, что у меня будет свой участок. Я прекрасно знал состояние транспорта, что оставлять его в таком положении нельзя, приходил к председателю, ставил этот вопрос, он говорил: ты первый зам, откуда взять эти деньги? Думали, решали... Я знал здравоохранение, приходил, ставил вопросы, поднимался, говорил и так далее.

— Когда первый раз взойшли на трибуну Мавзолея?

— Первый раз я на Мавзолея был, когда скончался Брежнев. Когда его хоронили. Раньше — никогда. Даже трудно сказать, какие там чувства были. Тогда была атмосфера траура. С одной стороны. А с другой: как у нас дальше будет складываться обстановка...

— На Мавзолея стоят кто куда встанет, по взаимным симпатиям?

— Раньше кто где стоит определялось произвольно, а последнее время определяется заранее.

— А последний раз?

— На Первомайской демонстрации в 1987 году...

— Не утомительно стоять на одном месте всю демонстрацию?

— Нет, это не утомительно. Я себя очень хорошо чувствовал, но уже одиннадцатого мая, прямо в рабочем кабинете, в кресле, у меня произошел приступ инфаркта. Четыре месяца в больнице. Потом вышел, два месяца поработал... Врачи сказали, что нельзя такую нагрузку нести. И я подал заявление. Ушел на пенсию.

— Впечатляюще одиношнее добровольной отставки пенсионеров — членов ЦК не наигранно? Внутри не бушевало трагедий?

— Откуда я знаю, кто как воспринял.

— А вы?

— Ну а что делать? Раз нужно было для партии — мы с этим согласились.

— Друзья не отшатнулись от вас после отставки?

— У меня на высоких постах личных друзей не было. Я ни с кем личной дружбы не поддерживал.

— Скучаете по Азербайджану, не тянет домой?

— Конечно, скучаю. И снится. И мне жалко, что сейчас там такое сложное положение. Обидно за народ. А вернуться — как вернуться? Ведь я уже обосновался здесь. Да там и негде — я ничего для себя не создал.

— Вы скромно сейчас живете?

— Машины нет, дачи нет...

(Окончание на с. 60)

Всем известно, что Земля
Начинается с Кремля...

ЕСТЬ ЛИ ТАЙНЫ В ТАЙНИЦКОМ САДУ?

Вот уже более двух десятилетий Московский Кремль перестал быть «запретной зоной». Туристы, советские и зарубежные, идут по его дорожкам, толпятся вокруг Царь-пушки и Царь-колокола. Однако никто из них не сделает шага в сторону от строго размеченного маршрута: большая часть территории по-прежнему контролируется кремлевской охраной.

Вначале — документы

Из письма на имя первого заместителя Председателя Совета Министров СССР Л. А. Воронина:

«Для размещения вновь созданной комендатуры Службы охраны КГБ СССР в здании Президиума Верховного Совета СССР... инженерного оборудования... и технических средств системы «Темп», которыми оснащаются подразделения Совета Министров СССР, а также четкой организации обеспечения канцелярскими принадлежностями Правительства и его аппарата необходимо изыскать дополнительные площади на территории Московского Кремля.

Ввиду отсутствия свободных помещений в зданиях Правительства в Кремле предлагается рассмотреть вопрос о восстановлении строения № 2 хозяйственной постройки XIX века в Тайницком саду Кремля (подвал и 2 надземных этажа) по типу реконструированного служебного здания (строение № 1). Подвал и первый этаж использовать для нужд Хозяйственного управления Совета Министров СССР, второй этаж — для размещения комендатуры Московского Кремля».

Во втором пункте этого письма говорится о трансформаторной подстанции, которая «примыкает к залу заседаний Верховного Совета СССР и граничит с ответственными кабинетами». Далее не очень четко объясняется, что в связи с повышенными нагрузками эта подстанция «может служить источником возникновения пожара, повышенного шума, вибраций, электромагнитных вибраций, что нарушает комфортные условия находящихся рядом помещений». И заключение: «Учитывая изложенное и отсутствие других помещений для перевода трансформаторной подстанции... предлагается рассмотреть вопрос о выносе ТП в Тайницкий сад». Подписали письмо комендант Московского Кремля Г. Д. Башкин и начальник мастерской № 8 Управления

«Моспроект-2» Главмосархитектуры заслуженный архитектор РСФСР Б. В. Палуя. Письмо датировано 15 марта нынешнего года.

А вот выписка из протокола совещания у товарища Л. А. Воронина, которому было адресовано предыдущее письмо, совещания, состоявшегося 6 марта 1990 года.

«...Согласиться с предложением «Моспроект-2» Главмосархитектуры (т. Палуя) о восстановлении строения № 2 хозяйственной постройки XIX века в Тайницком саду, а также с выносом туда трансформаторной подстанции из здания № 14.

Т.т. Серову, Розанову, Палую, Ермакову, Шкабардину, Башкину в недельный срок проработать вопрос о технической возможности и сроках выполнения указанных работ и представить соответствующие предложения с определением проектной организации и исполнителя строительно-монтажных работ».

Трудно, конечно, сразу понять, почему в протоколе совещания записано согласиться с «предложениями», которые будут сформулированы в письме, подписанном через 9 дней после этого совещания. Ну, да ладно. Есть еще один документ — как мне кажется, ключевой в этом деле — распоряжение того же тов. Воронина за № 615 р, изданное 21 апреля. В этом распоряжении, в частности, говорится:

«В целях обеспечения нормального эксплуатационного режима в зданиях 1 и 14 Московского Кремля и размещения специальных инженерно-технических служб КГБ СССР и подразделений комендатуры Московского Кремля, выводимых из указанных зданий, принять предложение Управления делами Совета Министров СССР и КГБ СССР, согласованное с Госстроем СССР, Госкомархитектуры, Мосгорисполкомом и Главмосархитектурой, о строительстве в 1990—1991 годах в Тайницком саду в Кремле здания общей площадью 1600 кв. метров, а также трансформаторной подстанции, встроенной в Тайницкий спуск.

Установить срок начала работ 1 августа 1990 г.

Возложить функции заказчика на Хозяйственное управление Управления делами Совета Министров СССР, а генерального проектировщика и генерального подрядчика — на КГБ СССР».

Вот когда разложишь эти документы в таком порядке, какая-то ясность появляется. В двух словах дело как будто состоит в том, что Верховному Совету СССР (а по некоторым источникам — Президентскому совету) понадобились дополнительные помещения, из которых должны быть выведены вспомогательные службы охраны, связи, энергетического обеспечения. И для некоторых из них нашли место — площадку, на которой располагалась «хозяйствен-

ная постройка XIX века», именуемая на старых гравиюрах Кремля «дровяным сараем». Точности ради заметим, что построек было две и обе были снесены в начале 60-х годов, когда сносились и более ценные памятники внутри Кремля. Вместо первой — так называемого «строения № 1» уже построили «служебное здание» о двух этажах с подвалом. Непонятно только, почему говорится о «восстановлении» хозяйственной постройки XIX века в кирпиче и о двух этажах, когда это было деревянное и одноэтажное строение.

Непонятны и утверждения о «реконструировании» по типу строения № 1. Конечно, реконструировать можно по-разному. После того как в 1812 году Кремлевская звонница, построенная в XVI—XVII веках, была взорвана отступавшими французами, ее восстанавливал Жилярди. Но поняв, что повторить ее он не может, Жилярди реконструировал звонницу по проекту Еготова и Руска — так что ансамбль Соборной площади ничуть не пострадал. Правда, один из музейных работников Кремля сказал мне, что хотя «строение № 1» оказалось и выше, чем предполагал проект, но для посторонних это не слишком заметно...

Откуда берутся слухи?

В нашем деле точно ответить на этот вопрос, пожалуй, невозможно. Но можно обозначить вполне конкретные обстоятельства, которые создают взрывоопасную среду — для слухов, для депутатских запросов, для митингов и, что греха таить, для необдуманных действий должностных лиц.

Цитированные в начале статьи документы не имеют грифа «секретно», доступны достаточно широкому кругу лиц. И было бы удивительным, если бы у многих из них не возникли бы вопросы, которые возникли у нас и о которых мы поведали читателю. При чтении их невольно возникает ощущение, что здесь дело нечисто: про одно и то же помещение говорится, что оно предназначено и для «размещения специальных инженерно-технических служб КГБ СССР», и для Комендатуры Кремля, и для Хозяйственного управления Совета Министров СССР, и для какой-то технической системы «Темп». Ну, для хозяйственного управления понятно: бумага стало больше, скрепки хранить негде — помните упоминание о канцелярских принадлежностях? А вот с размещением спецслужб КГБ и непонятной системы «Темп» сразу возникает призрачный «огромный ух», которому теперь надо слышать лучше и больше. Впрочем, это ведь теперь противоречит не только Конституции, но и специально принятому Закону.

Не способствует расслаблению нервного читателя и указание, что все работы в Кремле в качестве гене-

рального проектировщика и генерального подрядчика (строителя) также ведет КГБ. Конечно, ведомство сильное, когда-то оно и бомбу делало, и гиганты энергетики возводило, а уж блюсти Кремль — всегда было его прямой обязанностью. Да и недавние постройки на площади Дзержинского свидетельствуют: КГБ строить может. Только вот должно ли? Ведь мы ликвидируем строительные батальоны даже в армии. Да и с прямыми обязанностями у КГБ не так все в порядке, о чем свидетельствуют многочисленные публикации последнего времени в различных органах печати.

Ну, мы, журналисты, люди не нервные, и потому я попросил заместителя коменданта Кремля Александра Владимировича Гусева прояснить, что все-таки будет располагаться в новом «строении № 2» и что такое «техническая система «Темп». Его ответ поверг меня в смятение.

— Это просто кто-то выпустил неграмотное распоряжение, — сказал Александр Владимирович. — Я сам, увидев его, ужаснулся: кто ж мог так его подготовить? Заверяю, все это связано не с «вновь созданной комендатурой Службы охраны КГБ СССР», а с обеспечением жизнедеятельности здания Верховного Совета».

Про систему «Темп» Гусев сказал, что и вовсе не знает, что это такое. Если ужаснулся человек, который должен знать все, что происходит на охраняемой его службой территории, то что делать нам, простым и запуганным?!

Я вспомнил историю более чем 25-летней давности, когда мои друзья Виктор Веселовский и Эдуард Церковер опубликовали в «Неделе» огромный — на разворот — репортаж «Кремль. Обычный день». По Кремлю их водил тогдашний комендант его, показывая, как буднично и незаметно и в то же время напряженно идет работа на главной территории страны. Репортаж был проникнут спокойствием и уверенностью. В день выхода «Недели» появилось сообщение о снятии Н. С. Хрущева. Наверное, тогдашний комендант не знал, что происходит в стенах, которые он охраняет. И, признаюсь, это воспоминание также не придало мне уверенности.

Я попросил у А. В. Гусева разрешения пойти посмотреть на «реконструированную» постройку и на площадку для той, что предполагается возводить. «Для этого надо обратиться в Совет Министров СССР», — ответил он.

— Неужто даже для того, чтобы посмотреть голую площадку, не хватает вашей власти? — продолжал удивляться я.

— Нет, это не в нашей компетенции, — сухо подтвердил заместитель коменданта. И уже мягче посоветовал: «Постройку XIX века можно видеть на всех старых планах Кремля...»

Действительно, не найдя каких-либо следов «строений» ни на схематичном плане Московского Кремля, предназначенном для туристов, ни на таком же плане, выпущенном Шпрингером к Московской Олимпиаде (1980 г.), я, наконец, обнаружил их на ксерокопии старинной гравюры, приколотой кнопками в одной из комнат Моссовета. Народный депутат Моссовета Вера Анатольевна Худолева, занимающаяся справедливым разрешением невесть откуда возникшей проблемы, рассказала, что дело все-таки движется в нужном направлении. В связи с поступившими запросами правительство поручило Госстрою, Моссовету, Министерству культуры СССР еще раз рассмотреть все аспекты проблемы и найти согласованное решение. Мнение по этому вопросу Министерства культуры и Моссовета выражено в совместном письме на имя Л. А. Воронина, подписанном Николаем Губенко и Гавриилом Поповым. «Может быть, и писать ничего не надо», — сказала Вера Анатольевна. — Постепенно все разрешится само собой».

Так надо или не надо?

Есть такая форма дипломатического коммюнике: в результате бесед стороны пришли к взаимопониманию того или иного вопроса. Речь идет о **договаривающихся** сторонах. А это значит, прежде всего, что эти стороны — **равноправные**.

— На старых гравюрах можно увидеть, что на месте Тайницкого сада был плац, — рассказывает директор Музеев Московского Кремля Ирина Александровна Родимцева. — На этом голом плацу напротив колокольни Ивана Великого и Царь-колокола была шатровая беседка, построенная в честь 300-летия Дома Романовых. Эту беседку снесли, когда уничтожали все памятники русским царям. Был еще напротив Арсенала небольшой памятный знак в связи с убийством наместника Сергея Александровича, но это место занято дальним углом Кремлевского Дворца съездов...

В принципе, когда небольшой участок исторической территории живет такой активной жизнью, какой живет Кремль, второстепенные постройки нередко сносятся. В XVII веке, например, здесь, в Кремле, был двор Бориса Годунова, приказные палаты, всевозможные арки. Каждое столетие вносило в Кремль что-то новое и что-то утрачивало. Представляете, сколько мелких построек было ликвидировано, когда строили Арсенал. Но Петр Первый создавал эту огромную постройку как хранилище образцов русского оружия, настоящего и будущего, с ремонтными и оружейными мастерскими, с выставкой образцов. Не случайно ведь сvez он все эти пушки не в новую, а в старую российскую столицу! Все это надо

учитывать при принятии решений, касающихся строений Кремля.

Мы были против, например, строительства Кремлевского Дворца съездов, так как при этом ломали здание Оружейной палаты, шло разрушение и других построек. Но единственное, чего нам удалось добиться, — это снизить КДС по высоте, первоначально он планировался восьмизэтажным. Относительно интересующей вас постройки нам сказали, что это строится здание для президентских нужд и что оно не будет выделяться из исторического ансамбля...

Ирина Александровна рассказала еще много интересного о предполагаемой реконструкции Соборной площади, восстановлении Красного крыльца, уборки под землю современных построек, о службе сокольничих, которая существует, судя по летописям, с XIII века и которую сохраняют молодые солдаты Кремлевского гарнизона, рассказала и о том, что очень остро стоит проблема с помещением для фондохранилища кремлевских музеев. И на протяжении ее рассказа я все время думал, почему никто не посоветовался с ней, почему она не была если не первым, то хотя бы вторым лицом, которое бы участвовало в обсуждении проекта новой постройки?

— Не волнуйтесь, — успокаивал меня А. В. Гусев, — на территории Кремля без археологов мы ничего не делаем. Я гарантирую, что все подобные вопросы мы решаем в теснейшем взаимодействии с архитектурным отделом Музеев Кремля. Но пока ведь ни один грамм земли никуда не перемещен...

Я не стал напомиать Александру Владимировичу о хорошо известном: скорость осуществления непродуманных решений у нас зачастую превышает даже скорость их принятия. И единственной гарантией здесь может быть раз и навсегда установленная процедура. В ранге Закона. Никто и ни в каких случаях не имеет права принимать решения относительно сноса старых или строительства новых построек на территории Московского Кремля без предварительного согласия и согласования проектного задания и окончательного проекта с дирекцией Музеев Кремля и Московским Советом. Думаю, что этот закон должен звучать примерно так.

И в заключение еще об одном. Тайны Кремля вкупе с такими символами, как КГБ, должны перестать будоражить общественное мнение. Пусть нас волнуют проблемы поиска библиотеки Ивана Грозного, скрытой, как уверяют, в кремлевских недрах, тайны шедевров древнерусской живописи, колокольного звона, таящиеся в росписях соборов и колоколах звонницы. Но у нас не должно быть проблем с тем, чтобы узнать, что расположится в «дровяном сарае»,

возводимом архитекторами Моспроекта и КГБ в конце XX века.

— Вообще-то вы можете это место увидеть, — сказала мне И. А. Родимцева. — Входите в Кремль, идете обычным путем, как все туристы, на небольшой пятачок и сверху, присмотревшись, увидите здание в низине Тайницкого сада. Сверху оно смотрится как одноэтажное, а если не знать, то его и вовсе не заметишь...

Владислав ЯНКУЛИН

P. S. В то время пока этот номер «Столицы» был в производстве, происходили различные совещания, обсуждения, обмена посланиями на тему, о которой выше шла речь. В итоге председатель Госкомархитектуры академик Академии художеств СССР Е. Г. Розанов сообщил, что, «учитывая исключительную историческую и культурную значимость Кремля, по поручению Правительства СССР были проведены дополнительные проектно-архитектурные проработки, которые выявили возможность отказаться от этого проекта. В связи с этим Совет Министров СССР признал утратившим силу свое ранее данное согласие на строительство в Тайницком саду здания для размещения инженерно-технических и вспомогательных служб».

Что ж, хэппи-энд мог бы нас удовлетворить, если бы в этом решении правительства была предусмотрена на будущее защита от «проектов», которых можно избежать, а также процедура, при которой ни один из них не имел бы права на осуществление за спиной Моссовета.

Генеральная репетиция

Демократия КОМЕНДАНТСКОГО Часа.

Фото Владимира СВАРЦЕВИЧА

ДЕМОКРАТИЯ и военное положение — как гений и злодейство. Аппаратная мафия, используя социальные и межнациональные кризисы, упорно ведет нас к мысли, что мы только тогда свободны, когда под нашими окнами — танки. На самом деле эти танки — на пути к нашей свободе.

О том, каково это — идти к народовластию и национальному благополучию, когда жизнь без стрельбы и кровопролития в далеком прошлом, размышляет член комитета «Карабах», член правления Армянского общенационального движения Ашот Манучарян.

— Полтора года назад вы говорили о возможных путях развития событий в Армении. Ратовали за конституционный переход власти к демократически избранным Советам. Путь вооруженных столкновений называли путем в никуда. Ситуация неотвратимо развивается по этому последнему пути...

— Это не факт. Хотя очень неприятные предпосылки к военизации конфликтов есть. Дело в том, что довольно значительная часть вооруженных групп на территории Армении контролируется армянским партаппаратом и КГБ Союза. От них-то можно ожидать чего угодно...

Видя, что власть уходит, аппарат поначалу сделал попытку подключиться к демократическому процессу, удержать власть традиционными методами. Не вышло. И уже с февраля-марта аппарат пытается использовать в своих целях ту напряженную ситуацию, которая сложилась. Ту ситуацию, когда беззащитность республики привела к тому, что люди взяли за оружие, чтобы защитить границы. Теперь под этим предлогом созданы отряды чисто мафиозного характера. Это боевые дружины аппарата, помогающие ему удерживать власть.

Интересы республиканской партаппаратной мафии и центра совпали. И в этом смысле ситуация в Армении и в Азербайджане складывалась очень похоже.

Власть в момент обострения межнациональных конфликтов находилась в руках коррумпированного аппарата. Были поставлены новые ру-

ководители, попытавшиеся повести борьбу с мафией. Методы применялись, естественно, аппаратные. Везиров — там, Арутюнян — здесь должны были повести решительную борьбу с мафией и привести республики к демократическому будущему. Ни один из них на глубокие изменения не решился. Так что все это вылилось сначала в фарс, потом — в трагедию. Теперь и тут, и там делается следующая попытка.

И в Азербайджане, и в Армении к власти пришли в общем-то демократические силы. Во всяком случае, это силы, аппарату чуждые, смещающие его.

Центр сделал ставку на республиканские мафии как на способ достижения стабильности в регионе. По существу регион был принесен в жертву интересам центра. В Азербайджане добиться стабильности удалось, но победа эта временная, она неминуемо окончится взрывом. Долго замедлять социальные процессы силовыми методами все равно не удастся. Карабах жертвуется азербайджанской мафией с тем, чтобы укрепить сегодняшнее руководство этой республики, показать, что оно твердой рукой умеет навести революционный порядок. Никакого порядка, разумеется, не будет. Будет новый взрыв насилия.

— Ну а в Армении?

— В Армении тоже кровь и тоже из-за ставки на мафию. Она открыто вооружается, и единственное, чего опасается, что действия ее не останутся безответными.

Последние два года в республике складывался комплекс беззащитности. Стали создаваться небольшие вооруженные группы. Сейчас это носит уже массовый характер. Хотя цифры, которые то там, то тут называются, абсурдны, но за год численность вооруженных отрядов увеличилась примерно на порядок и составляет сейчас приблизительно три-четыре тысячи человек. По нашим оценкам, под контролем мафии находится около тридцати процентов этого количества. Они выполняют указания мафии и КГБ, представляющего интересы центра.

Вспомните декабрь 1988 года, когда центр поставил задачу истребить карабахское движение. Политический путь решения этого вопроса был неясен. А местная олигархия уже теряла власть. Ведь первые независимые профсоюзы, первые СТК, первые крупные демонстрации и забастовки — все это началось в Армении. И комендантский час был объявлен в Ереване, когда там никаких актов насилия не было. Зато в районах со смешанным населением, там, где шли потоки беженцев, где было ясно, что вид этих беженцев вызовет у людей соответствующую реакцию, он был введен только после того, как началось насилие. То, что эта взаимная

депортация была запрограммирована центром, у нас никаких сомнений не вызывает.

Люди почувствовали себя беззащитными. Примерно в январе начался захват оружия. Первое захваченное оружие попало в руки тех, кто действительно побегал на границу отстреливаться. И вот когда они вернулись, тогда и начались эти дела с мафией.

— Прямая увязка мафии, КГБ, центра и вооруженных отрядов и конфликтов. В это как-то трудно поверить. Центр как будто борется с вооруженными формированиями. Издан даже президентский Указ.

— Есть у нас Арташатский район, недалеко от Еревана. Вооруженные группы там возникли для защиты границ. Когда же непосредственная угроза миновала, ребята вернулись по домам и занялись своими делами. Так вот, их стали, так сказать, актуализировать. К ним начало поступать оружие, по нашим данным — за счет враждующих в районе кланов; один из которых возглавлял председатель райисполкома, другой — первый секретарь райкома. Стали появляться новые люди со своим оружием. Постепенно группы перешли под полный контроль кланов. Первый секретарь и предисполкома враждуют — руководители мафиозных кланов, у них был свой бизнес, свои рестораны, еще что-то. Они давно враждовали из-за распределения должностей, а теперь стали использовать во вражде вооруженные группы. То подорвут что-нибудь, то сожгут друг у друга. После одного такого акта двух человек убили. Мы требовали удалить этих начальников из района. Пришли в КГБ, там нам улынулись, сказали, что их оценки полностью совпадают с нашими, пообещали навести порядок. Пока они собирались его навести, последовала новая серия убийств. Наконец, одного сняли, другой ушел сам. Завели дело в прокуратуре. Никто до сих пор даже не задержан. И не будет, я уверен.

— Как вы думаете, результаты выборов в Верховный Совет смогут повлиять на развитие событий в республике?

— Могут, и кардинально. Но каждый раз перед выборами у нас происходило бог знает что. К двадцатому мая резко обострилась обстановка в НКАО... В Армении — второй тур — повторное голосование — инцидент на вокзале и стрельба в Ереване 27 июня. Как по заказу. Причем после этого по районам аппаратчики выдавали такую информацию... В общем, прямо связывали все, что произошло, с действиями демократической оппозиции. Накануне съезда КПСС мы получили информацию из очень надежного источника в центре, что во время его проведения ожидается что-то серьезное. Как видите,

сведения подтвердились — инцидент на дороге в Карабахе.

К сожалению, во все эти манипуляции вовлекается армия. Вот, например, в Гадрутском районе ликвидируется Советская власть, вместо нее создается некий оргкомитет. Ни в одном советском законе нет упоминания о такой структуре власти. Это делается указом президента Азербайджана. Но осуществляют союзные внутренние войска.

— А кому подчинены эти войска в НКАО?

— Контрольно-наблюдательной комиссии, которая в Карабахе практически не бывает. Это можно по документам проверить. Фактически же они подчинены руководству Компартии Азербайджана, конкретно Полянничко — второму секретарю ЦК. Вот вам и большевистская диктатура в чистом виде. Азербайджан принимает решение за решением, противоречащее союзной Конституции, а армия эти решения осуществляет. Зачем они это делают? Глупо было бы думать, что по собственной инициативе. Ясно, что центр так решил.

На наш взгляд, НКАО приносится в жертву мафиозным кланам Азербайджана, чтобы укрепить в республике позиции партийного руководства. Как хорошо получается: «деятели народного фронта ничего не добились, а вот мы...» Войска постоянно творят там насилие. Без этого не обойдешься. Ведь как размещены там войска? Казалось бы, здравый смысл подсказывает, что для предотвращения столкновений надо расположиться между армянскими и азербайджанскими населенными пунктами. А они стоят только в селах с армянским населением. Постоянные незаконные аресты, отключения телефонов, избияния. Периодически устраивают стрельбу в населенных пунктах. Раз сказали «ошибка», два сказали «ошибка», на третий раз жители стали постреливать в солдат. Армия воспринимается сейчас враждебно.

— Кто же и как это остановит?

— Вопрос сейчас заключается в том, удастся ли демократическому движению взять власть мирным путем. Думаю, мы одни, без поддержки демократических сил страны, этого сделать не сможем. Мы пытаемся как можно шире распространить информацию о том, что тут происходит. Люди в республиках и центре должны знать, что у нас творится. Нельзя допустить, чтобы от нас отвернулись, говоря: «Надоели! Ни смотреть, ни думать не желаем об этом!» Говорить надо во весь голос. Только тогда можно добиться мирного разрешения конфликтов в Армении и Азербайджане и предотвратить подобное развитие событий в других регионах страны и в центре.

Записал Алексей ЗУЙЧЕНКО

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были мы, и мы были лучше всех. Вернее, сначала мы были такие, как все. Вечером ложились, утром вставали, весной сеяли, осенью собирали, зиму на печи проводили, детей зачинали.

Но однажды мы решили, что мы лучше всех. Скинули царя, поставили председателя, стало у нас не царство, а председательство. Председатель согнал нас на митинг: «Отныне, — говорит, — товарищи, мы лучше всех. Кто за? Кто против? Кто воздержался?»

Ну, сначала были такие, которые против, их, *понятно, уволокли. На мыло. Потом уволокли воздержавшихся. Назначили новое голосование. Кто за то, что мы лучше всех? Мы стали в ладоши хлопать. Позвольте, говорит председатель, ваши аплодисменты считать одобрением нашей всехлучшести. Мы, понятно, позволили, захлопали продолжительно. Позвольте, говорит, ваши продолжительные аплодисменты считать одобрением предыдущих аплодисментов. Мы ему в ответ выдали бурные аплодисменты. Позвольте ваши бурные аплодисменты считать одобрением продолжительных. Тут мы и вовсе впали в раж и в овации. Да здравствует председатель, да здравствует председательство, да здравствуем мы, которые лучше всех. Кричим, плачем, руками плещем, на ладонях мозоли такие набили, хоть гвозди без молотка заколачивай. Гвозди, однако, заколачивать некогда, надо же засесть на собраниях, выступать на митингах, помахать ручками на демонстрациях.

Тут надо несколько слов сказать о наших обязательствах. Мы, конечно, и так уже были лучше всех, но собираясь между собой, брали на себя обязательство быть еще лучше. Один, скажем, говорит: «Беру на себя обязательство стать лучше на шесть процентов». Аплодисменты. Другой обещает быть лучше на четырнадцать процентов. Продолжительные аплодисменты. Третий говорит: «А я беру обязательство стать лучше на двести процентов». Ему, конечно, самые бурные аплодисменты и звание лучший из лучших. Но не самый лучший, потому что самым лучшим у нас завсегда был наш председатель.

А вокруг нас другие люди живут. Раньше они считались такими, как мы, но с тех пор, как мы стали лучше всех, они, понятно, стали всех хуже. Ну и в самом деле. Живут скучно, по старинке. Вечером ложатся, утром встают, весной сеют, осенью собирают, зиму на печи проводят, детей зачинают, в свободное время пряники жуют. Обыватели, одним словом. А мы живем весело. На работу ходим колоннами. С песнями и знаменами. Лозунги произносим: выполним, перевыполним, станем

Фото Виктора АХЛОМОВА

Владимир ВОЙНОВИЧ

МЫ ЛУЧШЕ ВСЕХ

даже лучше самих себя. А планы у нас серьезные, планы у нас грандиозные. Накопаем каналов, просверлим в земном шаре сквозную дыру, соединимся с Луной при помощи канатной дороги, растопим Ледовитый океан, а Антарктиду засеваем овсом. И тогда уж станем настолько лучше всех, что даже страшно.

Надо сказать, что постоянно улучшаться очень помогли нам наши философы, писатели, поэты и композиторы. Философы создали передовую теорию всехлучшизма, теорию всем понятную и доступную: «Мы лучше всех, потому что мы лучше всех». Писатели написали много романов о том, как просто лучшее побеждает менее лучшее, а затем уступает дорогу еще более лучшему. Поэты и композиторы на эту же тему сочинили немало песен, которые помогли нам достичь небывалых высот всехлучшизма. Высот мы достигли, но всех планов все же не выполнили. Землю сверлили, недосверлили, канат тянули, недотянули, льды топили, не растопили, а овес в Антаркти-

де еще не взошел. Но наворочали много. Мы бы еще больше наворочали, но голод не тетка. Эти-то, которые хуже всех, они свое наработали, сидят, пряники жуют с маслом. Мы на них смотрим с презрением, как на бескрылых таких обывателей, а кушать, однако, хочется.

Собрал нас председатель: «Мы, — говорит, — хотя и лучше всех, но в пути немного затормозились. А чтобы стать нам еще лучше, надо, — говорит, — догнать и перегнать тех, которые хуже всех». Ну, стали перегонять. Те, которые хуже всех, зимой еще греются на печи да детей зачинают, а мы уже на поля вышли с песнями да знаменами. Они ждут милостей от природы, когда весна сама к ним в гости придет, когда солнышко пригреет, и только тогда идут сеять, а мы дожидаться не стали и по снегу все засеяли и этих, которые хуже всех, враз догнали и перегнали. Эти, которые хуже, по осени еще на полях ковыряются, урожаем собирают, а у нас уже все готово и собирать нечего. Опять зима наступила, эти пряники жуют, а мы лапу сосем, как медведи. Лапа, как известно, продукт диетический. Ни диабета, ни холестерина, ни солей, ни жировых отложений. При таком питании и мозг отлично работает, все время одну и ту же мысль вырабатывает: где бы чего поесть. А поскольку поесть в общем-то нечего, то мозг еще лучше работает, и стала возникать в нем такая мысль, что, может быть, мы лучше всех тем, что мы хуже всех. И мысль эта уже распространяется, проникает и внедряется в наши массы. Мы лучше всех тем, что мы хуже всех. И хотя на митингах и собраниях мы все еще говорим, что мы лучше всех, но между митингами и собраниями думаем, что мы всех хуже: Ну, иногда, конечно, среди нас попадают разные смутьяны, которые хотят нас принизить и оскорбить, намекая на то, что мы не лучше всех и не хуже всех, а такие, как все. А мы до определенного времени слушаем это и терпим, но долго терпеть не будем, уволоклем их на мыло. Потому что мы всегда готовы быть лучше всех, в крайнем случае сойдемся на том, что мы хуже всех, а вот быть такими, как все, мы — нет, не согласны.

— Ты пошел бы в СП?
— Пошел.
— А чего?
— Там платят хорошо
и доллары дают.
(из автобусного трепа)

Совместные предприятия погубит коммунистический труд

Эйфорические надежды, связанные с созданием совместных предприятий, похоже, уходят в прошлое. Такое впечатление, что большинство из них рождаются с тяжелой наследственностью и потому сразу же оказываются нежизнеспособными. Вирус нерентабельности сначала парализует их деятельность, а потом приводит СП к распаду. В чем причины этого?

Недавно я беседовал с гостившим в Москве председателем лондонской ассоциации «Дизайн энд Арт Директорс Ассосиэйшн», объединяющей ведущих специалистов в области рекламы в Великобритании, г-ном Эдвардом Бут-Клибборном. Среди прочих вопросов, заданных мной, был и такой: «Какие формы сотрудничества вы видите с советскими рекламными организациями?» Стараясь проявить максимум уважения к возможному деловому партнеру, г-н Бут-Клибборн, тем не менее, дал однозначно понять, что в лучшем случае советская сторона может рассчитывать на роль помощников. «Мы, например, проводим рекламную кампанию «Кока-Колы» в Европе и могли бы поручить рекламу этой фирмы в Советском Союзе вашей организации».

Как ни обидна роль подмастерьев в настоящем деле, но с ней советским предпринимателям, создающим совместные предприятия с инофирмами, видимо, нужно смириться. Да и чем, собственно, мы можем заинтересовать искушенных западных производителей, кроме дешевой рабочей силы? Подавляющее большинство совместных предприятий как раз и действует по принципу подчиненности мастера и подмастерья, а не равноправного партнерства.

Выгуду можно извлекать и при таких отношениях. Но беда в том, что многие не могут наладить конвейер исполнения с нашей стороны. Это кажется парадоксальным после того, как семьдесят с лишним лет родная административно-командная система муштровала своих работников. Более того, в силу сложившихся обстоятельств именно представители этой пресловутой управленческой системы как раз и возглавили совместные предприятия с советской стороны. Бывшие хозяйственники, партийные, комсомольские и профсоюзные работники, почувствовав зыбкость своего номенклатурного положения и выгоды международного сотрудничества, стали использовать свои связи и первыми смогли договориться с за-

падными бизнесменами относительно создания совместных предприятий.

Но опыт и стиль их работы, о прочности которого у нас уже много говорено, оказался совершенно непригодным для условий внешнего рынка. Их умение «пробивать» заказы могло сработать только один раз. Инофирмы с удовольствием поручали нашим предпринимателям часть работы, но только до получения первых результатов.

Пишу об этом как человек, которому приходилось участвовать в реализации подобных заказов. Западная фирма поручила нам подготовить справочную техническую документацию. На первый взгляд, работа показалась скорее технической, чем творческой. Механически разделив объем работы и сумму довольно высокого гонорара по группам, принялись собирать нужную информацию. Потом выяснилось, что работа у групп неравноценная. И самое главное, что принцип комплектования этой документации существенно отличается от советских образцов. Я предложил создать концептуальную группу, которая бы проработала западные аналоги и дала исполнителям конкретные рекомендации. Предлагалось привлечь к этой работе и специалистов, знающих потребности западного рынка в такой информации. Однако эти предложения были отклонены. Во-первых, для поиска таких специалистов нет времени, и, во-вторых, им надо много платить. Работа над документацией еще не закончена, но материал, который поступает от «сборщиков информации», отдает явной поспешностью и непрофессионализмом. Но это никого не волнует. Важно набрать к положенному сроку нужный объем информации и получить деньги.

Догадываюсь, что такой халтурный вал поднимается с нашей стороны и при деятельности многих других совместных предприятий. Иначе чем объяснить откровенное разочарова-

ние западного заказчика, когда, наконец, он получает необходимую продукцию?! К сожалению, зачастую, добившись престижного заказа, наши предприниматели, от первого лица до последнего исполнителя, пользуясь случаем, стремятся урвать для себя кусок пожирнее. Никто не думает о завтрашнем дне и новых заказах, потому что нет уверенности в продолжительности подобных контактов. Вероятно, по этой причине многие стараются обходиться своими дилетантскими силами, не привлекая к работе высокооплачиваемых специалистов.

Эта лихорадка наживы напоминает мне старый анекдот, в котором решили проверить умственные способности обезьяны и алкоголика. Поместили обоим в пустые комнаты, к потолку которых подвесили, соответственно, банан и бутылку водки, а в угол поставили по палке. Попрыгав за бананом, обезьяна догадалась, что без палки она не сможет достать плод. А вот алкоголику эта мысль в голову никак не приходила. Экспериментатор подсказывает, не спешите, мол, осмотритесь, подумайте! В ответ алкоголик говорит сакраментальную фразу: «Да что тут думать, прыгать надо!»

Николай АРХИПОВ

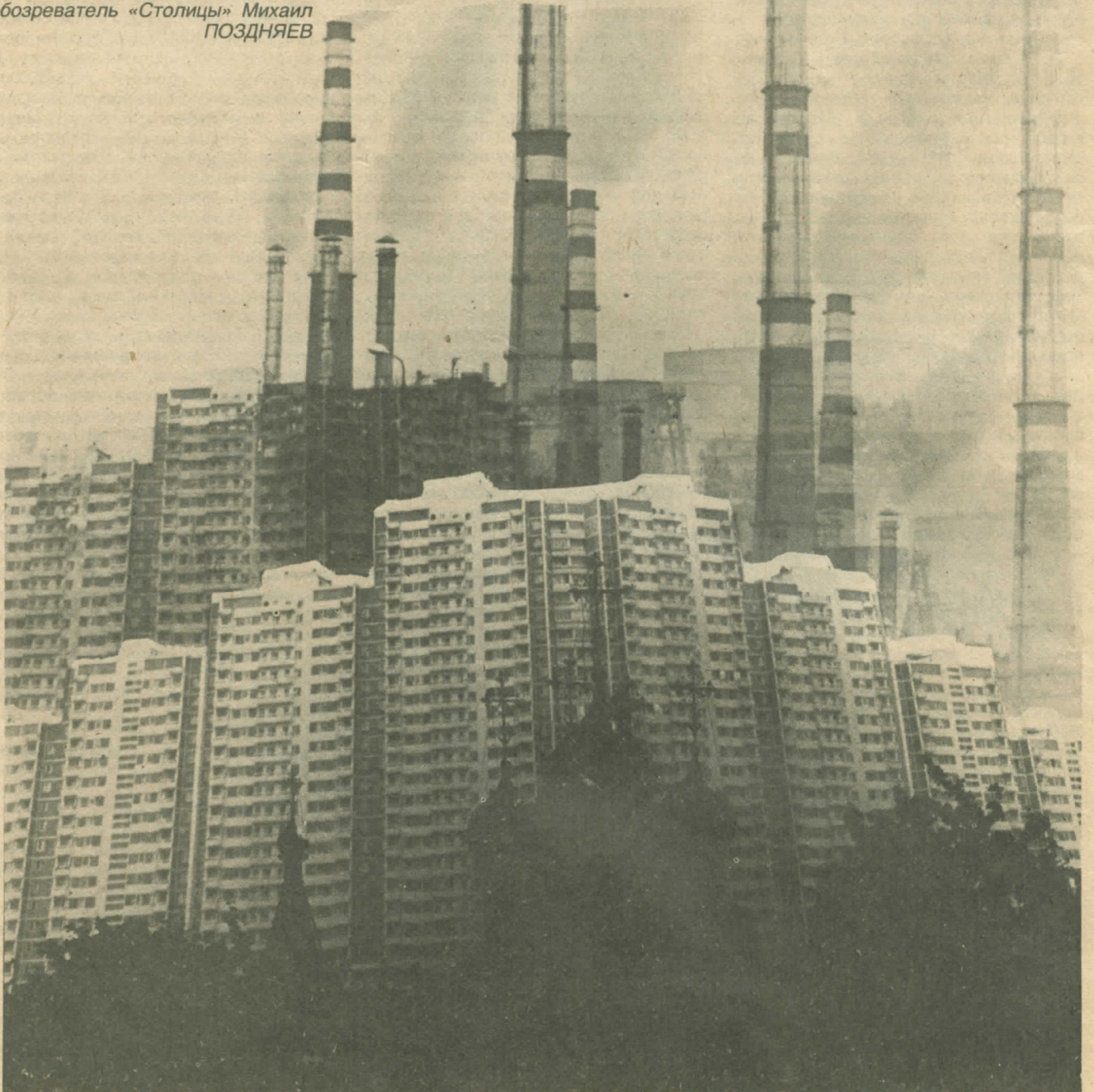
фото Михаила ПШЕННОВА

С членом-корреспондентом АН СССР, народным депутатом СССР Сергеем АВЕРИНЦЕВЫМ беседует обозреватель «Столицы» Михаил ПОЗДНЯЕВ

ГОСУДАРСТВО ... ЦЕРКОВЬ... НАРОД БОЖИЙ...

фото Якова ТИТОВА

— Сергей Сергеевич, проект Закона СССР о свободе совести и религиозных организациях «Известия» опубликовали 5 июня, а 6-го — открылся Поместный Собор Русской православной церкви, избравшей своего нового Патриарха... Кажется, что совпадение не случайное.

— Вероятно, так. Хотя абсолютной уверенности в каком-то расчете у меня нет. Были вынесены два законопроекта: об общественных объединениях и этот. Их и напечатали один за другим, подряд, как они и обсуждались.

Вообще первоначально возникал вопрос: стоит ли выделять религиозные организации и не следует ли их рассматривать просто как организации граждан, регулируемые наряду со всеми остальными общим Законом. Я упомянул бы одну забавную деталь: в качестве довода против единого закона о добровольных объединениях граждан — довода, безмерно меня удивившего, — высказывалась ссылка на отделение церкви от государства. Это, я думаю, не имеет ни малейшего отношения к специальному вопросу о религиозных организациях — зато имеет, я думаю, самое прямое отношение к вопросу о ментальности нашего общества, к вопросу о соотношениях государства и общества. Люди фактически говорили, что не могут иначе понимать общественные организации, как государственные органы...

Так или иначе, но эти два проекта рассматривались как взаимосвязанные. Весьма возможно, что время их публикации намеренно определялось к открытию Поместного Собора — хотя и без того в конце концов закон следовало ждать в г. Аяти со дня на день, — иначе пришлось бы нам с беспокойством запрашивать, что происходит, отчего не выполняется постановление...

— Насколько я могу судить, у вас, Сергей Сергеевич, с этим законопроектом связано многое. Помню ваше выступление на I съезде народных депутатов (с которым вам выступить не дали и которое напечатано было *post factum* в «Советской культуре»). Помню депутатский запрос о судьбе этого законопроекта (напечатанный лишь одной, не всем доступной газетой — «Московским церковным вестником») — на этот запрос, насколько опять-таки я знаю, вы ответа не получили...

— Да, это так, но сегодня мне не хотелось бы акцентировать на этом сюжете внимания — мы его, так сказать, «проехали»...

— К чему я все это клоню, Сергей Сергеевич... парламентский репортер «Известий», комментируя публикацию проекта Закона о свободе совести, возрадовался: вот, мол, сколько у Горбачева с Лукьяновым проблем, а все-таки и до второстепенных законов руки доходят! Я знаю, что упоми-

нания об этом законопроекте не было и в списке из полусотни первоочередных, составленном на первой сессии Верховного Совета. У меня как раз иное мнение, что с этого закона — в ряду с тремя-четырьмя другими — надо было начинать. Как начали, между прочим, в 1917 году... Нет ли у вас ощущения, что народные депутаты не вполне понимали, о каком законе идет речь? Это, разумеется, «не в осуждение, а в рассуждение» деятельности нашего парламента...

— Обсуждение на последнем этапе, могу сказать как участник, прошло живо, а в Совете Национальностей приобрело даже эмоциональное напряжение. Выступления были, позволю себе так выразиться, лирические: люди говорили как-то из глубины своих, несколько неожиданно для них самих проснувшихся, сердец... Например, Кугультинов, рассказывая о попрании духовных ценностей своего народа, цитировал по памяти Пролог Евангелия от Иоанна... Я ощущал — не хотел бы конкретизировать — и очень осязаемое непонимание, неприятие отдельных положений законопроекта со стороны другой части депутатов. Ну что же, этого тоже надо было ожидать. И сарказмы по этому поводу неуместны. Реальность именно такова.

Должен сказать, что самые бурные конфликты вызвала шестая статья...

— Как?! Опять — шестая?!

— Получается так... Речь идет вот о чем. По настоянию нескольких членов комиссии по доработке закона, на правах варианта, а не основного текста, в эту статью были внесены слова:

«Преподавание религиозных вероучений в учебных заведениях, в которых преподаются общеобразовательные предметы, не допускается».

Я предложил — и получил в том энергичную поддержку нескольких моих коллег-депутатов — две маленькие поправки, увы, не включенные в текст проекта.

Поправки такие. Первая: «ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ преподавание...» Второе добавление: «И АТЕИЗМА...»

В самом деле, слово «обязательное» установило бы порядок, при котором учащийся не принуждался против своей воли или воли своих родителей к изучению тех или иных систем, предрешающих в одну или в другую сторону его отношение к вере и неверию. Исключение принуждения в обе стороны.

Я не стану говорить о том, что пресловутый «вариант» в нынешнем его чтении ставит крест на попытках изучения истории церкви в школе или на факультативных занятиях, проводимых священниками, — это сегодня пока педагогические эксперименты. Но вот учитель ведет урок истории... Или просто беседует с уче-

никами — к сожалению, такие разговоры нынче происходят не часто, и это очень печально, это свидетельствует об упадке духовных контактов между учителями и школьниками... И в какую-то минуту школьники могут спросить: «Скажите, пожалуйста, а что вы сами обо всем этом думаете?» И учитель, если это верующий человек (или если это атеист), обязан честно ответить на прямой вопрос. Но это ведь тоже можно при желании подвести под «преподавание религиозных вероучений»!

И вот слово «обязательное» (а можно сказать и «принудительное») — оно снимает напряжение при подобных ситуациях. Мы имеем возможность одним словом, причем вполне в духе нашего времени, исключить принуждение... к чему? — к воздержанию от всяких споров о мировоззрении. В иных, болезненных случаях некоторое воздержание может быть и наименьшим злом. Лучше — молчание, чем насилие и злоба. Но другой вопрос — что мы не можем принуждать людей даже и к молчанию. В Законе должно быть полностью исключено принуждение в ту или иную сторону. Поэтому желательно было бы сегодня с полной ясностью выразить в Законе положение о равенстве перед светским государством не просто лиц, но и самих мировоззрений.

— Последнее, что вы отметили, на что я тоже обратил внимание, вызывает такой вопрос: я понимаю, что закон есть закон, что в нем не место эмоциям, но, тем не менее, этот закон никак не выражает своего отношения к предшественникам своим... Не говорю о законодательстве 1929 года, действующем и сегодня, но вот, скажем, первый декрет, который знаем мы, обернулся уже в первые годы после Октябрьской революции убийством тысяч и заточением десятков и сотен тысяч верующих — террором меньшинства по отношению к большинству (а террор — это всегда произвол меньшинства над большинством)... Нет, мы не поняли, о чем сказали почти одновременно, еще пять лет назад, Абуладзе и Лихачев, — и государство покаяния не принесло... Ну, не покаяние, не раскаяние — так хоть извинение! Нет же...

— Общество — неоднородно. Оно морально неоднородно. Есть люди — мы их часто встречаем, — которые употребляют слово «покаяние» очень поверхностно и лицемерно... Но в конце концов есть и люди — иногда мы их слышим, но чаще они молчат, — которые каются ни в малейшей степени не намерены, даже на уровне этикетного жеста.

Наша комиссия тоже состоит из очень разных людей — ну что же, она отражает разнородность нашего общества...

Такой закон неизбежно будет

иметь черты компромисса. Вопрос только в том, чтобы этот компромисс был возможно более разумным и возможно менее бесчестным.

Как-никак вполне новым для жизни общества является предоставление религиозной организации, приходу или монастырю права юридического лица, права на благотворительную деятельность — до сих пор никак не оформленного; важным пунктом я считаю разрешение религиозным общинам производить, экспортировать и импортировать книги, журналы, наконец, и церковную утварь... Предусмотрено преодоление известной всем и прискорбной налоговой дискриминации священства, их пенсионное обеспечение со стороны государства... Это — все-таки что-то. Я думаю, этого достаточно, чтобы считать возможным продолжение диалога церкви и государства уже на основе проекта, хотя он и нуждается в улучшении и, полагаю, при теперешнем равновесии сил (или неравновесии их в обществе и в составе нашей комиссии) он мог бы быть менее компромиссным прежде всего в принципиальном вопросе равенства религий и атеизма перед законом и государственной властью...

— В проекте закона сказано о возможности получения религиозного образования частным образом. Не есть ли это намек на возникновение такой альтернативной формы обучения — по отношению к советской средней школе, — как церковно-приходские школы и училища?

— В будущем это, надо полагать, вполне возможно. В настоящем — едва ли. Просто потому, что наша церковь сейчас находится, не может не находиться в тяжелом финансовом положении, тяжесть которого будет все возрастать по мере столь благого процесса, как возвращение храмов верующим. Храмы возвращаются в лучшем случае в виде голых стен и прохудившейся кровли, но в наиболее частом случае — это руины...

— Трагический парадокс: возрождать храмы должны те, кто сам кровавую жертву принес при их разрушении. А что, государство не чувствует себя в долгу? Пусть не все — хоть половину само приведет в божеский вид, как было...

— По нравственному закону, конечно, должно быть так. Но нравственный закон, к сожалению, не все регулирует. А потом и наше государство сейчас находится в бедственном положении — об этом тоже не следует забывать... С другой стороны, русские люди сегодня стоят перед такой же нравственной задачей, как и во времена Козьмы Минина. Люди сегодня должны приносить серьезные жертвы. Очень серьезный долг лежит на всех нас — не то время, чтобы положить пять рублей и думать, что ты свой долг более чем

исполнил... Необязательно быть верующим — но если тебе дорог хотя бы облик родной земли, ты непременно почувствуешь призвание к жертве.

— Вот еще какой вопрос. Статья третья гласит: «...Каждый гражданин... вправе единолично или совместно с другими... выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии». У нас есть Конституция, запрещающая оскорбление религиозных чувств, есть соответствующая статья в Уголовном кодексе... Правда, я что-то не припомню ни одного судебного процесса по защите этих чувств, но могу назвать множество примеров их поправки... Не кажется ли вам, что должностящего акцента нет в обсуждаемом законопроекте? Могу пояснить: святотатство необязательно выражается в откровенном хулиганстве, насилии, сквернословии. Наши кооператоры продают репродукции с икон вкуче с нагими барышнями, в табачных киосках Москвы появились весьма неряшливо сделанные иконки, но буду приводить примеры из «мира искусств», где, что ни день, кто-то еще из рок-звезд собирается исполнить роль Иисуса Христа, кто в кино, кто на сцене, кто где...

— Что я могу сказать... Я не очень верю в силу запретительных мер. Почему? Ну, потому хотя бы, что они порождают нежелательную психологическую реакцию: вещи, полные ничтожества, отвратительный характер которых был бы сразу не распознан из-за того, что они запрещены, становятся более интересными и как бы облагоустроенными запрещением. Вот таких. Кошунство — вещь очень тонкая. Я вспоминаю сейчас пример, конечно, совсем особого рода, но вот картины одного художника старых времен... как-то загадочно страшного художника, писавшего и ведьм, и беев, и другие подобные сюжеты. Но он писал и святых, и Божью Матерь, и Христа. И это — самое кошунственное из того, что он писал. Когда смотришь на эти картины — думаешь: в чем же тут дело? Какой-то жест, в котором нет ничего неприличного... Почему — нет? Почему не быть движению руки или ноги именно таким?.. Но это словно намек на что-то, о чем даже догадаться невозможно, точно на какие-то пороки, которых пока еще мир не изобрел, но до которых он, быть может, когда-то додумается... Этот художник, к ужасу, был гениальным. Люди, которые малют для кооперативов, слава Богу, дарованиями не обладают — и их кошунство грубое и примитивное. И я не вижу других путей борьбы с этим кошунством, кроме как путь повышения духовной, религиозной, церковной культуры народа. И общей культуры той его части, которая остается неверующей. Так, чтобы кооператоры просто не имели успеха, не находили

сбыта своей продукции. Тогда все, что решается рублем, повернулось бы против этого кошунства... Ведь очень просто понять, что иконы продаются в иконной лавке, в храме или на худой конец в художественном салоне. А папиросы — в табачном киоске... Я в последнее время не имею возможности ходить по городу и не знаю, что продается в этих киосках, но если все-таки изображение достаточно корректное, человек может наконец купить икону и попросить священника освятить ее...

— А если некорректное?

— Тогда долг священника или просто верующего человека воспользоваться гласностью для объявления о том, что эти изображения не канонические и вообще безграмотные, — и это возымеет результат...

— Сергей Сергеевич, Вы помните, конечно, письмо Солженицына Патриарху Пимену? Один из вопросов, заданных в том письме, касается регистрации при совершении церковных таинств. Вопрос, в общем, остается открытым. Хотя при крещении ребенка паспорт уже не просят показать, но свидетельство о рождении нет-нет да и спросят кое-где; не говорю о браке или отпевании — там без справки ЗАГСа и заходить в храм смысла нет... О паспортной системе, о прописке сказано уже много и прямо: эта система — полицейская, гулаговская, она породила много болезней и в обществе, и в самом человеке... «Homo soveticus» такой возник... И вот вопрос — не странно ли, что ребенок, крещенный в церкви и не зарегистрированный в ЗАГСе, как бы не существует в природе, церковный брак для государства — беззаконие, отпевание без документов — повод вспомнить о «Мертвых душах»...

— Это довольно сложный вопрос.

Мы привыкли к ситуации, когда такого рода регистрация если не донос, то потенциальный источник доноса. Реальностью нашей жизни долго был контраст между этим соблазнительным (в церковном смысле слова) порядком и самоотверженностью пастырей, действовавших «подпольно», к которым зато и приезжали сотни людей. Я не говорю об опасности, но просто уже одно смертельное их физическое утомление свидетельствовало о подвиге... Помню, я пришел много лет назад к одному священнику — и на квартире у него обнаружил не только очередь москвичей с младенцами на руках, но и одного отца с острова Сахалина, который прослышал, что в Москве есть такой замечательный батюшка, что паспорта не спрашивает, и вот приехал со своим двухлетним уже сыном, чтобы в столице его наконец окрестить...

Если бы у нас все было нормально — то есть если бы было твердо из-

(Окончание на с. 60)

Так умирал
ВЫСОЦКИЙ

«Скорбный лист» — кто не помнит или не знает — старорусское обозначение истории болезни.

Скорбный лист был как будто заранее вырван из еще не написанной книги воспоминаний о Высоцком. «Отчего он умер?» — вопрос, который был задан десять лет назад каждым из нас в ответ на извещение, всего-то за сутки такую большую нашу страну облетевшее... этот вопрос все еще висит в воздухе: он вроде бы не про него, а про нас, про общую нашу судьбу. «Отчего» — с нами такое, на нас, на Россию такая напасть?..

Но остается — Судьба Поэта. «Судьба, которой обречен. За что Поэтом наречен». Это сказал Давид Самойлов. Вот, скажем, его смерть: на сцене, сразу после того, как он открыл вечер памяти Пастернака; и кругом — друзья, читатели, почитатели... Заслонить — не станем говорить, по какой причине, — чужую смерть, смерть того, кто у всех на виду, все равно что ладошкой силиться закрыться от собственной судьбы. Перефразируем Мандельштама: «Попробуйте меня от смерти оторвать — держу пари: себе свернете шею!..»

Рассказ о том, почему и как умер Высоцкий, — это рассказ о том, как и почему он жил. Это рассказ, к которому все мы — и близкие к нему, и дальние — должны быть готовы. Что же касается меры откровенности в рассказе — тут уж каждому Бог судия.

Воспоминания врачей Л. В. Сульповара и А. В. Федотова были записаны во второй половине 80-х биографом Высоцкого, составителем книги «Живая жизнь», выпущенной издательством «Московский рабочий», Валерием ПЕРЕВОЗЧИКОВЫМ. Сейчас подготовленный им второй том мемуаров о Высоцком готовится к выходу в СП «СОВИТТУРС».

Благодарим за содействие нашей публикации Музей Высоцкого на Таганке.

Леонид Сульповар:

Реанимобиль — и целая кавалькада машин

— Я познакомился с Высоцким в 69-м году, он лежал в нашем институте Склифосовского. Был в очень тяжелом состоянии после желудочно-кровоотечения. Тот самый случай, который подробно описывает Марина Влади в своей книге «Владимир, или Прерванный полет».

— Желудочное кровоотечение, а не разрыв сосуда в горле?

— Желудочно-кишечное кровоотечение — это окончательный диагноз, а причины могут быть разными. Тогда диагностика была не на столь высоком уровне, я даже не помню, делали мы гастроскопию или нет. Но мы думали, нет ли там кровоотечения из вен пищевода.

фото Георгия ЕПИНА

— Была ли опасность для жизни?

— Конечно. Если говорить медицинскими терминами: резко упало давление, был очень низкий гемоглобин. Именно поэтому Высоцкий и попал в реанимацию, надо было проводить интенсивную терапию. Но вывели мы его из этого состояния довольно быстро, кажется, он выписался прямо от нас. Ну, может быть, полежал некоторое время в «хирургии».

— Марина Влади все это время была в отделении?

— В палату мы ее не пускали, а вот в ординаторской она сидела все это время.

Как-то само собой получилось, что мы после этого случая начали в тяжелые минуты Володе помогать. В периоды его «уходов в пике». Приезжали и выводили его из этих состояний. Помогали, во всяком случае. Трудно сказать, насколько часто это было.

Мы ходили в театр. Володя приглашал на концерты, иногда просто так заезжали к нему. А более тесные отношения сложились в последние годы его жизни, начиная примерно с 1977 года... Физически Володя был очень развит, в нем всегда чувствовалась невероятная сила. И именно мужская сила. При всей его физической развитости и тренированности в последние годы здоровье, конечно, было подорвано. Подорвано его образ жизни — неупорядоченным, без

сна и отдыха. Квартира на Малой Грузинской иногда была похожа на проходной двор. Эта вечная толпа. Многих я знал, но мелькали и совершенно незнакомые лица. Но стоило появиться Марине, как все это исчезало. Конечно, люди приходили, но это был совершенно другой круг, совершенно другой стиль жизни. И «уходов в пике» было гораздо меньше.

— А что такое «уход в пике» — с точки зрения медицины?

— В пике или в штопор? В тот период это было просто злоупотребление алкоголем. И уход из этой жизни в другую, бессознательную, откуда нам и приходилось его «доставать».

Но был ли Володя алкоголиком? Всей информацией я не обладаю, были другие врачи, которые помогали ему... Но мне кажется, что алкоголиком он не был. Люди, подверженные этой патологии, — запущенные, опустившиеся... Володя был абсолютно другим. Когда через день или два мы выводили его из этого болезненного состояния, Володя становился другим человеком: собранным, подтянутым, готовым работать. Эти срывы, возможно, были какой-то формой разрядки. А еще это была форма ухода от мира, который его страшно раздражал. Смотрим телевизор: очередная банальность или глупость. Мы могли скептически улыбнуться или равнодушно отвернуться. А Володя не мог спокойно это выно-

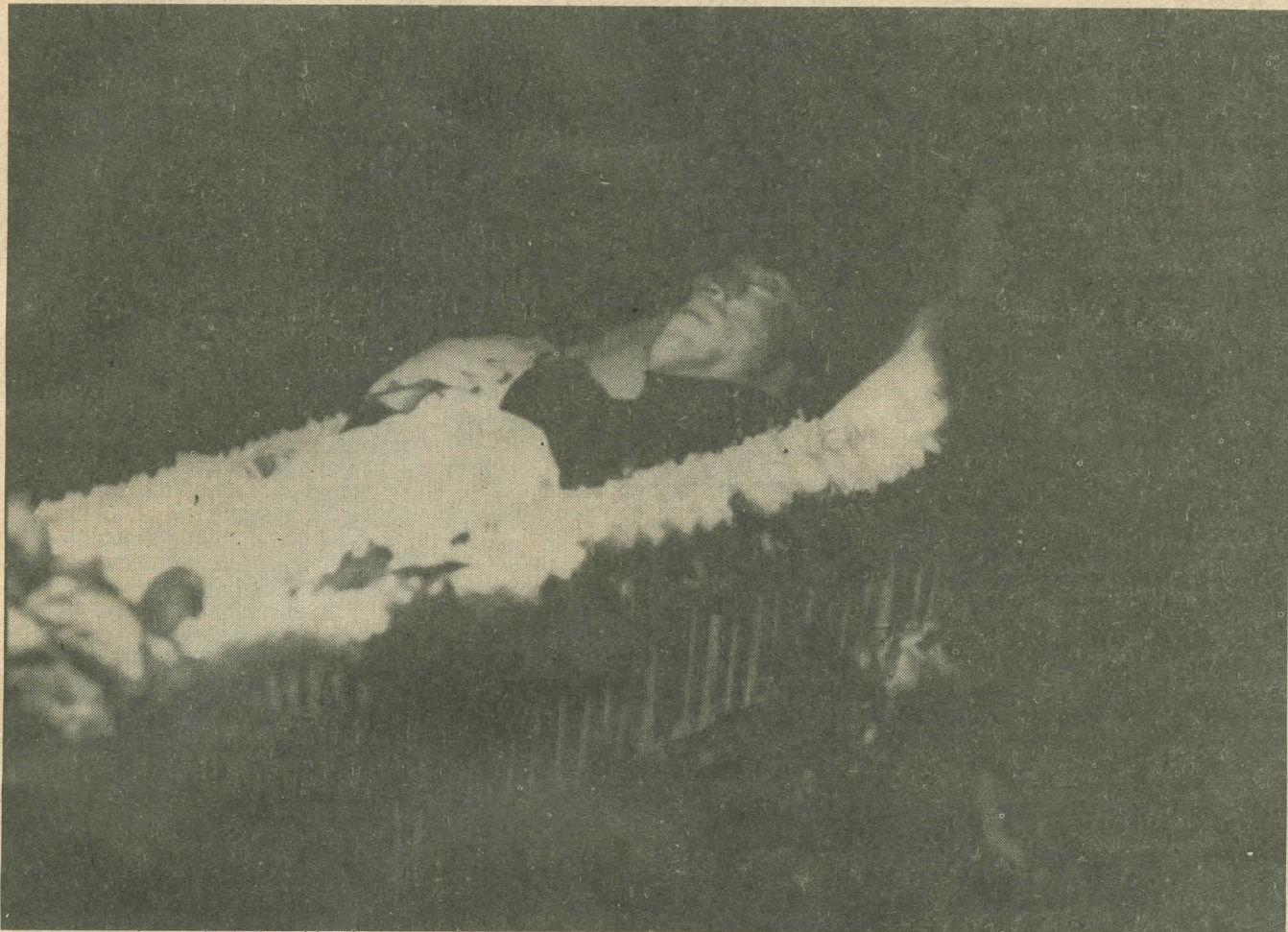

Фото Георгия ЕЛИНА

сать. Совершенно неадекватная, на наш взгляд, реакция! И потом еще долго не мог успокоиться. У него не было безразличия, свойственного большинству, он жутко переживал все, что происходило. Не мог смириться.

— **А вы говорили с Высоцким об этих срывах?**

— Никогда. Он и сам никогда не вспоминал об этом. Но чувство вины у Володи, конечно, было. Володя был достаточно скрытным человеком. Наверное, перед кем-то он раскрывался, но я не был с ним настолько близок. Со мной был один откровенный разговор.

В 1979 году мы сидели с ним в машине и часа полтора разговаривали. Его страшно угнетало болезненное состояние, он чувствовал, что уже не может творчески работать, что он тянет Марину. Он говорил обо всем, чего уже никогда не сможет вернуть в своей жизни...

— **А вы говорили о болезни?**

— Да, потому что к этому времени я уже знал о наркотиках. Володя говорил, что ощущает в себе два «я»: одно хочет работать, творить, любить — и второе, которое тянет его совсем в другую сторону, в пропасть безысходности. Он метался из одной стороны в другую. Два раздирающих начала делали его жизнь страшной и

невыносимой.

Болезнь к этому времени зашла уже очень далеко. И я начал искать, что еще можно сделать. Единственный человек, который этим тогда занимался, был профессор Лужников. К нему я и обратился. И у меня была большая надежда — и я Володю в этом убедил, — что мы выведем его из этого состояния. Лужников разработывал новый метод — гемосорбцию, но... То не было абсорбента, то ребята выезжали в другие города. А Володя ждал, каждый день звонил: «Ну, где? Ну, когда?» И наконец мы это сделали...

Я пришёл к нему, посмотрел — и понял, что мы ничего не добились. Тогда мы думали, что гемосорбция поможет снять интоксикацию, абстинентный синдром. Но теперь ясно, что это не является стопроцентной гарантией.

— **Как вы думаете, когда и каким образом Высоцкий мог столкнуться с наркотиками?**

— Понимаете, когда мы выводили Володю из тяжелых состояний, то знали, что можно, а что нельзя. Знали, чего следует бояться. Ведь в этом процессе используются вещества наркотического ряда. Володя попадал в разные места, и где-то, скорее всего, передозировали. Тогда «выход» проще. Думаю, что вкус нар-

котика он ощутил на фоне «выхода из пике». Где и когда, я не знаю.

От меня Володя очень долго это скрывал. Я только в '79-м году догадался — сам понял, — что дело тут уже не в алкоголе. Для меня это было очень грустным открытием — с наркотиками бороться куда трудней.

Доз я не знаю. Хотя слышал, что они были совершенно фантастически! Мы с Володей об этом никогда не говорили. Но Высоцкий боролся. У него в последнее время был такой настрой: или вылечиться, или — умереть. Дальше так он существовать уже не мог. И откровенно говорил об этом.

Поэтому я так расстроился, когда после гемосорбции посмотрел ему в глаза. Хотя сам Володя говорил:

— Все нормально. Все хорошо.

Но я-то вижу. По-моему, это был последний удар. Рухнула последняя надежда. А ведь мы его так настроили. «Это гарантия!» А что нам еще оставалось делать, надо было его настроить.

— **А можно было как-то повлиять, удержать, запретить?**

— Нет, невозможно. В последнее время болезнь зашла так далеко, что отказ мог привести к смерти.

Абстинентный синдром. Это трудно себе представить, как мучаются люди. Страдает всё, весь организм.

А удержаться? Володя, на мой взгляд, был человеком, для которого авторитетов не существовало. Другое дело, что у него была градация отношения к людям. И в этой системе, например, Вадим Иванович Туманов стоял достаточно высоко. Он мог повлиять на Володю, но в последние годы уже не всегда.

— 23 июля 1980 года, вечером, вы были на Малой Грузинской.

— 23 июля я дежурил. Ко мне приехали Янклович и Федотов. И говорят, что Володя совсем плохой. Что дальше это невозможно терпеть и надо что-то делать.

Мы поехали туда. Состояние Володи было ужасным! Стало ясно, что или надо предпринимать более активные действия, пытаться любыми способами спасти, или вообще отказываться от всякой помощи.

Что предлагал я? Есть такая методика: взять человека на искусственную вентиляцию легких. Держать его в медикаментозном сне, в течение нескольких дней вывести из организма все, что возможно. Но дело в том, что отключение идет с препаратами наркотического ряда. Тем не менее хотелось пойти и на это. Но были и другие опасности. Первое: Володю надо было «интубировать», то есть вставить трубку через рот. А это могло повредить голосовые связки. Второе: при искусственной вентиляции легких очень часто появляется пневмония как осложнение. В общем, все это довольно опасно, но другого выхода не было.

Мы посоветовались (вместе со мной был Стас Щербаков, он тоже работал в реанимации и хорошо знал Володю) и решили: надо его брать. И сказали, что мы Володю сейчас забираем. На что нам ответили, что это большая ответственность и что без согласия родителей этого делать нельзя. Ну, что делать — давайте, выясняйте. И мы договорились, что заберем Володю 25 июля. Мы со Стасом дежурили через день. Володя был в очень тяжелом состоянии, но впечатления, что он умирает, не было. Ну а двадцать пятого... Мне позвонили... И я вместо дежурства поехал туда...

Приехал, народу было уже много. Внизу стояли ребята из школы каратэ Штурмина. Помню, что пришла племянница Гиси Моисеевны — помните «Балладу о детстве»? За мной ходил Туманов:

— Нет, ты скажи, от чего умер Володя?

Позже по этому поводу точно заметил Смехов:

— Он умер от себя.

Потом я присутствовал при obsуждении — где хоронить. Отец настаивал:

— Только на Новодевичьем!

И все это было настолько серьезно, что начали пробовать. Пытались связаться с Галиной Брежневой, но

она была в Крыму. Второй вариант — через Яноша Кадара хотели выйти на Андропова.

С большим трудом удалось уговорить отца. Тогда Новодевичье кладбище было закрытым. Поехали на Ваганьковское. Кобзон рассказывал, что директор кладбища чуть не заплакал, когда ему предложили деньги.

— За кого вы нас принимаете?! Высоцкого! Да любое место!

28 июля, часа в четыре утра, в подъезде дома на Малой Грузинской была панихида. Были самые близкие — мать, отец, Марина, Людмила Абрамова, Володины сыновья.

Поставили гроб, играл небольшой оркестр студентов консерватории, там рядом их общежитие. Было такое прощание. А потом на реанимобиле мы перевезли Володю в театр.

Реанимобиль — и целая кавалькада машин.

Анатолий Федотов:

До сих пор не могу простить себе

Помню, что дело шло к осени 1975 года — конец сентября или начало октября. У Высоцкого поднялась температура, и Вадим Иванович Туманов вызвал Олега Филатова. А Олег по специальности травматолог, поэтому он и попросил меня. Вот тогда в первый раз я попал на Малую Грузинскую.

Потом я заехал еще раз, стали видеться почти каждую неделю, а чуть позже — и каждый день. И так до самой смерти.

Он мог вызвать меня в любое время суток, иногда звонил в три-четыре часа ночи:

— Толян, приезжай!

В последние годы бывали приступы удушья, возникало чувство нехватки воздуха.

Физически он был очень одарен от природы. Детский ревмокардит? Может быть, это и сказалось. Ведь главной причиной смерти была миокардиодистрофия, то есть почти полная изношенность, истощенность сердечной мышцы. Изношенность от всяческих перегрузок.

Покоя и отдыха он не знал. Но восстанавливался быстро. Тут особенность организма, но есть и ряд препаратов, которые способны восстанавливать работоспособность нервных клеток. И последние лет пять он был на этом «допинге». Он рано начал выпивать, а «выход из пике» у него был всегда очень тяжелым. И кто-то ему подсказал, что есть такие препараты. Он попробовал — вначале оказалось, что очень здорово. Это даже могло стимулировать творчество. Раз-два-три... А потом привык. Привыкание развивается очень быстро, организм истощается — это очень коварные лекарства. Долго на них надеяться нельзя.

А последние год-полтора он перестал контролировать себя. Уже не

мог обходиться без допинга. И когда не было лекарства, лежал вялый, мрачный, иногда — злой. Уходил «в пике». Было такое ощущение, что у него отсутствует инстинкт самосохранения. Конечно, мы пытались говорить:

— Володя, да брось ты это дело!

— Не лезьте!

Убедить его было невозможно — однажды я попытался. Он меня просто выгнал из дома. Правда, через день позвонил:

— Толян, не обижайся. Чего не бывает между друзьями. Приезжай!

Туманов несколько раз ему говорил:

— Володя, надо кончать. Ты же писать хуже стал. Чем такая жизнь — лучше броситься с балкона!

В каком-то городе Высоцкий спел «Охоту на волков».

— Смотрю в зал. Вижу, что две трети понимают, в чем дело, а одна треть — не понимает ни черта! А после концерта подходят и говорят: «Спасибо вам, Владимир Семенович! Спасибо за замечательную песню — «Охота на волков»! Благодарим вас от имени нашего общества охотников и рыболовов!» Я обалдел!

Почти весь 1978 год он был в прекрасной форме. Срывы были, но в общем держался... 1979 год — примерно до июля был в норме.

А в июле он собирался на гастроль в Среднюю Азию. Я знал, что с ним едут Валера Янклович, Сева Абдулов, Володя Гольдман... Высоцкий собирает вещи, я стою рядом...

— Володя, а ты не хочешь взять меня с собой?

— Толян, с большим удовольствием! Почту за счастье.

Я как раз был в отпуске, и меня оформили артистом «Узбекконцерта». Маршрут: Ташкент, Навои, Учкудук, Зеравшан, Бухара.

В Бухаре он проснулся очень рано, часов, наверное, в шесть. И пошел на рынок, чего-то там съел. Я тоже встаю рано. Вдруг прибегает Гольдман:

— Володе плохо!

Я — туда. Он абсолютно бледный: беспокойство, громадные зрачки. Клиника отравления, но не только пищевого. И на глазах ему становится все хуже и хуже.

А все стоят напуганные. Я закричал:

— Ребята, он же умирает!

Он успел сказать:

— Толя, спаси меня...

Сказал и упал.

Я успел ввести ему глюкозу, но деинтоксикация не наступала... Остановилось дыхание, на сонной артерии нет пульсации. И полное отсутствие сердечной деятельности.

У меня был кофеин — ввел прямо в сердце. И стал делать искусственное дыхание: рот в рот. Абдулову показал, как делать массаж сердца. И, видимо, сердечная мышца возбуди-

лась — сердце заработало. Минут через пять стали появляться самостоятельные дыхательные движения. Я с таким остервенением дышал за него, что он, когда пришел в себя, сказал:

— Я чувствовал, что моя грудная клетка расширяется — чуть не разрывается.

Это была самая настоящая клиническая смерть. Я был рядом, поэтому удалось его спасти. А стоило чуть-чуть опоздать — и я бы ничего не смог сделать.

Володя немного отошел и говорит:

— А концерт?

Я — ему:

— Нет, Володя, с таким сердечком и в таком состоянии твои концерты здесь закончены.

Написал записку, что делать, если приступ повторится, засунул в карман куртки. И в тот же день мы с ним улетели в Ташкент, а оттуда отправили его в Москву.

Повторяю — последние годы он был очень серьезно болен, но боролся. В январе 1980 года мы с ним закрылись на неделю в квартире на Малой Грузинской. Я поставил капельницу — абстинентный синдром мы сняли. Но от алкоголя и наркотиков развивается физиологическая и психологическая зависимость. Физиологическую мы могли снять, а вот психологическую... Это сейчас есть более эффективные препараты. Да, сила воли у него была, но ее не всегда хватало.

Немного позже ему сделали гемосорбцию — очистку крови. Кровь несколько раз «прогнали» через активированный уголь. Это мучительная операция, но он пошел на это. Но ге-

мосорбция не улучшила, а ухудшила его состояние. Мы зашли к нему на следующий день. Он был весь синий.

— Немедленно увезите меня отсюда!

В общем, снова не получилось.

18 июля 1980 года я с сыном был на «Гамлете» — меня нашел Валера Янклович:

— Володе очень плохо.

Я — за кулисы. Вызвали скорую.

Сделали укол — он еле доиграл. А на следующий день ушел в такое «пике»! Таким я его никогда не видел. Что-то хотел заглушить? От чего-то уйти? Или ему надоело быть в лекарственной зависимости? Хотели положить его в больницу, уговаривали. Бесплезно! Теперь-то понятно, что надо было силой увезти.

23 июля при мне приезжала бригада реаниматоров из Склифосовского. Они хотели провести его на искусственном аппаратном дыхании, чтобы перебить дипсоманию. Был план, чтобы этот аппарат привезти к нему на дачу. Наверное, около часа ребята были в квартире — решили забрать через день, когда освобождался отдельный бокс. Я остался с Володей один — он уже спал. Потом меня сменил Валера Янклович.

24 июля я работал... Часов в восемь вечера заскочил на Малую Грузинскую. Ему было очень плохо, он метался по комнатам. Стонал, хватался за сердце. Вот тогда при мне он сказал Нине Максимовне:

— Мама, я сегодня умру...

Я уехал по неотложным делам на некоторое время. Где-то после двенадцати звонит Валера:

— Толя, приезжай, побудь с Володей. Мне надо побриться, отдохнуть.

Я приехал. Он метался по квартире. Стонал. Эта ночь была для него очень тяжелой. Я сделал укол снотворного. Он все маялся. Потом затих. Он уснул на маленькой тахте, которая тогда стояла в большой комнате.

А я был со смены — уставший, измотанный. Прилег и уснул — наверное, часа в три.

Проснулся от какой-то зловещей тишины — как будто меня кто-то дернул. И к Володе! Зрачки расширены, реакции на свет нет. Я давай дышать, а губы уже холодные. Поздно.

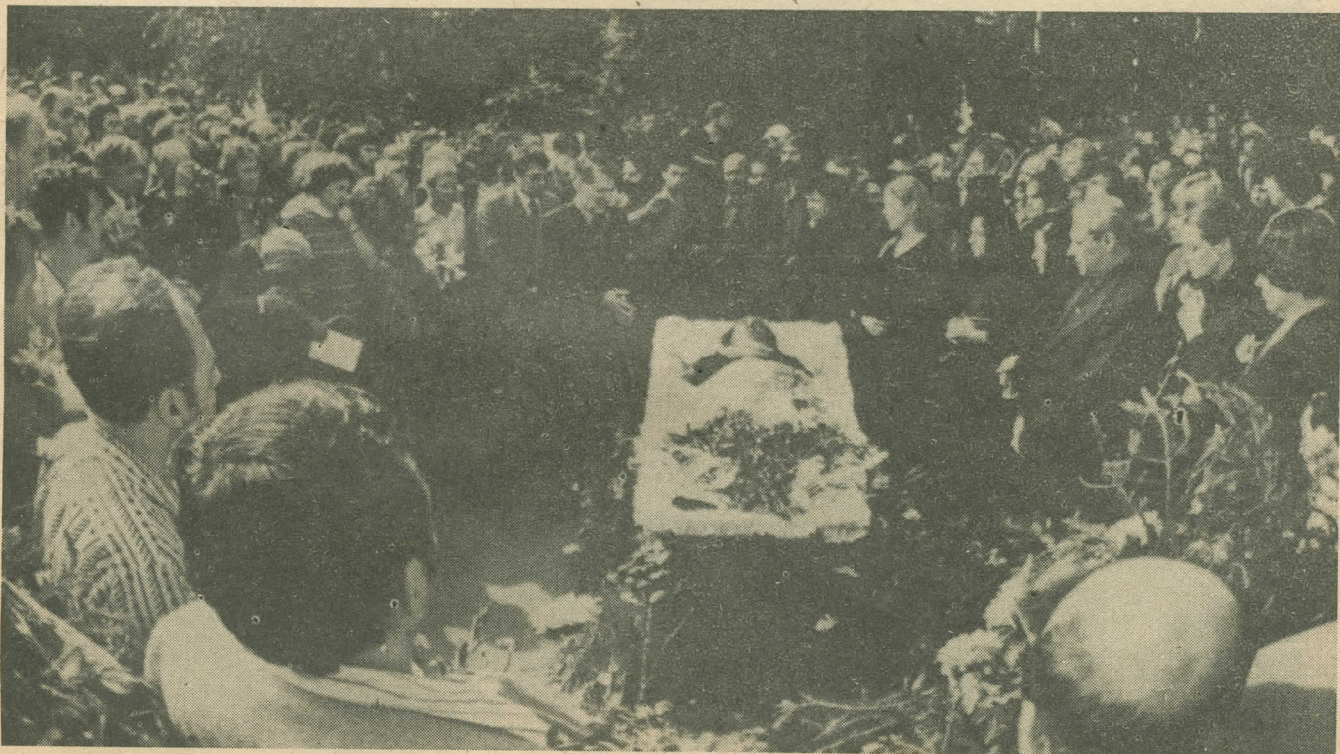
Между тремя и половиной пятого наступила остановка сердца на фоне инфаркта. Судя по клинике — был острый инфаркт миокарда. А когда точно остановилось сердце — трудно сказать.

Потом в свидетельстве о смерти мы записали: «Смерть наступила в результате острой сердечной недостаточности, которая развивалась на фоне абстинентного синдрома...»

Я сразу позвонил Туманову и Янкловичу. Вызвал реанимацию, хотя было ясно, что ничего сделать нельзя. Вызвал для успокоения совести. Позвонил в милицию, чтобы потом не было слухов о насильственной смерти.

Смог бы я ему помочь? Трудно сказать, но я бы постарался сделать все. До сих пор не могу себе простить, что заснул тогда... Прозевал, наверное, минут сорок.

Приехали Вадим Иванович, Валера с еще одной реанимационной бригадой. А уже в шесть часов у дома стали собираться люди...

СТОЛИЦА

Горбачев —
«Не гуляет»Лигачев —
«Ушел
с командой»Ельцин —
«Его личное
дело»

На вопрос, когда Михаил Сергеевич Горбачев пойдет в отпуск, а также где он намерен его провести, пресс-секретарь Президента Аркадий Африканович Масленников ответил просто: «Не знаю».

Он не взялся предсказывать ни время, ни продолжительность отдыха Президента. «Вряд ли получится использовать сразу весь отпуск. Это объясняется тем, что время очень насыщено событиями», — сказал он и добавил: «В любом случае я бы не стал говорить, что Михаил Сергеевич «отгуляет» отпуск, так как даже отдых неизбежно будет связан с той или иной формой работы».

В отличие от пресс-секретаря Президента помощника Егора Кузьмича Лигачева — Романа Михайловича Романова — найти не удалось: трубку его «цеховского» телефона никто не брал. «Романа Михайловича вам трудно будет найти, — сказали нам знакомые со Старой площади, — хотя он пока еще у нас работает». — «А Егор Кузьмич?» — «А Егор Кузьмич сразу же после съезда ушел в отпуск». Похоже, что со всем своим аппаратом.

Третья сторона драматического треугольника нынешнего лета — Борис Николаевич Ельцин. Как известно, он вместе с семьей отдыхает в Юрмале. За подробностями мы обратились к секретарию Председателя Верховного Совета РСФСР Юрию Михайловичу Горякину. «Отдых Председателя — личное дело Председателя», — ответил он нам. Впрочем, весьма вежливо.

В. Е.

Презентация с презентом

В киноконцертном зале Центра международной торговли на Краснопресненской набережной состоялась презентация нового международного журнала «Мегаполис». Присутствовали народные депутаты, известные журналисты, писатели, художники, священнослужители и деловые люди.

На пресс-конференции на вопросы отвечали главный редактор «Мегаполиса» Евгений Быстров, первый заместитель главного редактора Сергей Семенов и соиздатель журнала бизнесмен из ФРГ Бёрнд Шаферс. Журналистам, в частности, сообщили, что идет активная подготовка к международному кинофестивалю в Кельне, одним из организаторов которого является «Мегаполис». А господин Шаферс имеет, оказывается, давнюю мечту — создать в Москве так называемый «Медиапарк», район, где разместятся свой телецентр, издательство, магазины, места для отдыха и развлечений. И вообще, будет создана обстановка для нормальной жизни человека в большом городе.

На презентации были представлены также «младшие братья» журнала: уже хорошо известный еженедельник

«Мегаполис — экспресс», Международный центр юмора, приложение к кинопроизводству «Синеполис», а также фирма телеаудиокоммуникаций «Мегаполис-ТАКОМ».

Была показана шоу-программа с участием Владимира Мигули и других артистов, после чего всех пригласили в ресторан «Русский» на коктейль. Ассортимент блюд и напитков свидетельствовал о недюжинных финансовых возможностях «Мегаполиса». В качестве презента гостям вручили первый номер журнала. Второй должен выйти в середине сентября на трех языках — русском, английском и немецком.

В. С.

До свидания,
Мариан!

В 19.00 от Речного вокзала отправился в пятичасовой рейс теплоход «Максим Горький». На его борту находились живущие и работающие в столице французы, бельгийцы и швейцарцы, а также наши сограждане — переводчики, журналисты, ученые, дипломаты, публицисты. Всего около 50 человек. Среди гостей был Чрезвычайный и Полномочный Посол Французской Республики в СССР господин Жан-Мари Мийон с супругой и ответственные работники посольства Франции.

Поводом для прогулки послужили отъезд из Москвы (после пятилетней работы) швейцарской журналистки Мариан Серрэ и день рождения корреспондента французского телевидения (ТФ-1) Улисса Госсэ. Обстановка была самая непринужденная, играл джаз-оркестр (в частности, исполнялись «Подмосковные вечера»), много танцевали. Французское шампанское и сухие вина соседствовали с более крепкими русскими напитками, обилием зелени на столе, традиционными холодными закусками и горячим бифштексом с кровью. Официанты были очень предупредительными.

Программа включала также небольшую пешую прогулку по берегу Московского моря, чему способствовала прекрасная погода. Единственно, кто грустил в этот вечер на борту «Максима Горького», — Мариан Серрэ, которая призналась, что наша страна (а она побывала в самых разных уголках Союза) стала для нее родной и ей совсем не хочется отсюда уезжать. Кстати, когда-то, учась в Женевском университете, Мариан самостоятельно освоила русский язык, чтобы прочесть в оригинале «Войну и мир» Толстого.

Добавим, что группа французского телевидения воспользовалась случаем для съемки видеоклипа «Французы на отдыхе в Москве».

В полночь «Максим Горький» возвратился к причалу.

В. С.

Джуна всегда молода

В «зимнем саду» столичного ресторана «Прага» знаменитая Джуна Давиташвили, художник, поэт, президент Всемирного общества психотронники, чудодейственная целительница, автор бестселлеров, друг папы римского и многих государственных деятелей в разных странах мира, а главное, очень милая женщина, отпраздновала свой очередной день рождения.

Под звуки зурны и барабана, с которыми на этом вечере не смогли конкурировать даже специально приглашенные оркестры, Джуна со своими гостями (их было более 100) отплясывала столь темпераментно, что никак нельзя было поверить, будто ей исполнилось больше, чем 25.

Среди множества присутствовавших узнаваемые лица почти не встречались — видно, все «отвалили» на Гавайи или на Канарские... Не было Евгения Евтушенко, который много раз публично объяснялся ей в любви, не было Ильи Глазунова, который недавно прилюдно целовал ей руки, не было Михаила Бочарова, которого все ждали, но, видимо, важнейшие проблемы экономики России не позволили прийти... Мелькнул где-то внизу Сергей Михалков, но потом потерялся на каком-то банкете, так и не добравшись до «зимнего сада». Осведомленные люди, правда, сказали, что присутствовали крупные чины с Лубянки и выдающиеся мафиози. Ах, Джуна, Джуна, она может объединить всех!

Но временами она грустила, нервно покуривала сигарету. Может быть, кого-то ждала?

Сделав паузу, Джуна, как всегда, рассказывала потрясающую историю о том, как шел проливной дождь, когда они подъехали к ресторану. И когда надо было выходить из автомобиля, она сказала спутникам: «Спокойно. Дождя не будет». И дождь действительно затих на то время, что понадобилось на три десятка шагов от машины до подъезда «Праги». А после этого он ударил с новой силой. И все заговорили: «Ну, Джуна, ты даешь!..»

В. И.

Поездка В Баден-Баден

В Советском Союзе Наталью Лапину, кажется, уже признали за «кинозвезду»: и фильмов с ее участием наберется около десятка (наиболее известные «Руанская дева по прозвищу «Пышка», «Поездка в Висбаден», «Дни человека»), и цветные фотопортреты продаются чуть ли не в каждом подземном переходе. За рубежом фильмов этих почти никто, за редким исключением, не видел, но Лапину знают как... рок-звезду. Она приняла участие в престижном телешоу, посвященном двухсотлетию казино в знаменитом курортном городке Баден-Бадене (ФРГ). Вместе с Наташей в концерте участвовали рок- и поп-звезды разных стран мира. Лапина пела по-английски, как, впрочем, и на пластинках, записанных ею в Западной Германии. Английским она владеет в совершенстве.

Контракт между Натальей Лапиной и фирмой шоу-программ «Вегас-фильм» был подписан в конце прошлого года. Срок контракта — 5 лет. Его суть: «создать» рок-звезду. Речь идет о комплексе, включающем запись фонограмм, пластинок, съемки видеоклипов. Первая пластинка-сингл уже готова, в Баден-Бадене прошла ее презентация. Лапина поет песни американского композитора Майкла Холма о любви и сексе — одну сама, вторую вместе с сестрой Пола Маккартни — Рут.

Лапина и прежде пела

песни, выступала на эстраде, но карьеры в советской рок-музыке не сделала. И это несмотря на то, что у нее неплохой вокал, что сама пишет мелодичные, красивые песни. Еще одно подтверждение нашей невнимательности к талантливым людям — почему-то мы обращаем на них внимание, лишь когда их заметят на Западе.

Что касается кинокарьеры Лапиной, то она продолжается, хотя и не так активно, как прежде. Снялась на студии им. А. Довженко в фильме режиссера Олега Филалко «Имитатор» — экранизации повести Сергея Есенина. Западногерманский режиссер Хельга Тидеманн предложила ей главную роль в музыкальном фильме «Звезда и ее город».

К. САШКО

Право на своё мнение

Председателю Гостелерадио
СССР
тов. Ненашеву М. Ф.
от тов. Иванова А. А.

Уважаемый Михаил Федорович!

Обратиться к Вам с этим письмом меня заставило Ваше интервью, данное журналисту Андрею Караулову и опубликованное в девятом номере журнала «Театральная жизнь» за текущий год. Поскольку не все читатели, вероятно, знакомы с этой беседой, позволю себе привести небольшой отрывок, касающийся лично меня.

«А. К.: Михаил Федорович, будем откровенны: некоторые акции Рыбаса на ЦТ вызывают у интеллигенции дрожь».

М. Н.: Ну и слава Богу, посмотрим. А что мы так боимся?..

А. К.: Как же можно на пятый или шестой день своего «руководства» заявить, что в передаче «Вокруг смеха» было бы полезно поменять ведущего — мол, хватит, надоел. А я вспоминаю, что Иванов в былые годы писал злые пародии на стихи близких родственников товарища Рыбаса, и меня теперь уже тревожит судьба «Вокруг смеха» — останется Иванов ведущим или нет...

М. Н.: Но, с другой стороны, я тоже могу задать вопрос. Вот я хорошо отношусь к Иванову, но я думаю, что Иванову надо делать свое дело. Я не знаю, заметил ты или нет, что неделю назад в «Добром вечере, Москва», помоему, была беседа, где его спрашивали о Марксе и Энгельсе. Ну, зачем ты лезешь... туда...

А. К.: Так это же его спрашивали...

М. Н.: Нет, ну какой же ты марксист-то, зачем...

А. К.: Так это Цветов задавал вопрос, Иванову ничего не оставалось, как отвечать...

М. Н.: И Цветов его провоцирует... Нет, ты слушай, но это-то зачем, ну, на кой ты... лезешь, извини, ты же не этим занимаешься. Я бы Иванову так и сказал, я к нему по-доброму отношусь...

А. К.: Так он останется ведущим передачи?

М. Н.: Не знаю, я первый раз об этом слышу».

Оставим в стороне странную логику — получается, что «акции» Рыбаса как-то связаны с тем, что Иванов «лезет» не туда...

Разумеется, уважаемый Михаил Федорович, если бы за этим эпизодом разговора просматривалась лишь моя скромная персона, я вряд ли взял бы за перо и уж наверняка не предложил свое письмо к печати. Но здесь, как мне кажется, затронуты проблемы, представляющие жгучий интерес для нашего общества, которое не только судорожно пытается выбраться из капкана, в котором оно оказалось, но и хочет осмыслить, что же с ним произошло и в чем истоки постигшей нас катастрофы.

Попробовал сделать это и я, опираясь на свое разумение, в прямом эфире одного из выпусков передачи «Добрый вечер, Москва».

В начале передачи я был анонсирован как ведущий «Вокруг смеха» и автор забавных пародий. Но, появившись на экране, решительно ушел из русла легкой шутилки беседы и заговорил о серьезном.

Здесь я хочу прежде всего защитить Владимира Цветова и отвести Ваш

упрек в том, что он меня «провоцировал». Зачем же прибегать к столь сильному выражению? Владимир Яковлевич не спрашивал меня о Марксе и Энгельсе, я заговорил о них сам, по собственной инициативе.

Да и как же нам снова и снова не возвращаться к фигуре Карла Маркса, если именно им предначертан тот путь, по которому пошла (или, вернее, по которому ее повели) самая большая в мире страна? И путь этот привел ее на обочину мирового развития.

Конечно же, я не специалист по наследию Маркса, не экономист, не философ, не политик. Более того, Вы будете смеяться, я вообще не марксист и уж тем более не ленинец. Я рядовой гражданин, литератор, но, согласитесь, все, что случилось с нашей страной, впрямую касается и моей судьбы, к которой, по понятным причинам, я не безразличен.

Итак, я сказал, что в моем представлении марксизм делится на три части.

Первая — экономика. Здесь Маркс был на коне. Он здраво и точно проанализировал современный ему хозяйственный механизм, проследил закономерности тогдашнего экономического развития. Хотя и ошибся, на мой взгляд, предсказывая перспективы. Футурологом он оказался никудышным.

Вторая часть — философия. Тут я употребил энергичный эпитет, назвав марксистскую философию примитивной. На этой точке зрения нахожусь и по сей день.

Основная ошибка, мне кажется, кроется в убеждении, что с изменением общественного строя изменится и природа человека. Этого не произошло и произойти не могло. Природа человека остается неизменной всегда. Лишенный главного смысла своей разумной деятельности — собственности, человек теряет человеческие черты, оскотинивается, превращается в человекоподобного люмпена.

Ведь и домашняя скотина, если ее заставить работать, но не кормить, через какое-то время сдохнет. Что и предстоит, видимо, всем нам в ближайшем будущем, если мы не предпримем радикальной попытки вернуться к здравому смыслу.

Да и дикий зверь, если разрушить его нору, отобрать детенышей, ислоганить место, где он живет, либо погибнет, либо покинет среду обитания (ау, ФРГ, США, Израиль!).

Я не зверь, а человек, мне деваться некуда. Я люблю свою истерзанную политическими авантюрами родину, и ни при каких обстоятельствах не возникала у меня мысль покинуть ее навсегда. Я разделю ее судьбу, что бы с ней ни случилось.

И, наконец, третья часть — политика. Тут уж Маркс просто толкнул своих последователей на преступный путь. Ибо нигде, никогда ни одна революция ни к чему хорошему не приводила. Выражаясь «по-научному», революция — насильственный слом отжившего, реакционного строя, справедливое перераспределение; говоря просто — грабеж, вызванный самым низким из человеческих побуждений — завистью. Ничего путного из этого не получалось и не по-

фото Виктора АХЛОМОВА

лучится.

По какой-то странной закономерности в результате победы революции на самом веру оказываются самые что ни на есть подонки общества. Романтики быстро превращаются в кровожадных, пожирающих друг друга бешеных псов. Мечтателям (если они вообще были) места вообще не находится — хорошо еще выпадет эмиграция, если очередной «друг народа» не успеет отправить соратника на гильотину или в концлагерь...

Мне возразят: а недавние революции в странах Восточной Европы? Отвечу: это не революции, а пробуждение от кошмара, возвращение к тому самому здравому смыслу.

Пытаемся вернуться к нему и мы. Но как тяжело! Видимо, все же не избежать так называемой «шоковой терапии». Но шок — это либо выживет, либо помрет... Каковы же будут потери?

Михаил Федорович! Без вопроса А. Караулова Вы сочли нужным сообщить, что «до работы на телевидении я занимался научным коммунизмом и философией...» Что ж, Вы — профессионал, а я — дилетант. Это хорошо, что Вы не отказываетесь от своего прошлого, биографию не перепишешь, но я бы на Вашем месте особенно не акцентировал внимания общности на занятиях «научным коммунизмом». Как говаривал Остап Бендер, «могут баки набить». Ведь именно теория и практика «научного коммунизма» последовательно вела нас к уничительному краху. Так что уж и не знаю, что в данном случае лучше — профессионализм или дилетантство...

И не говорите мне, что, мол, идея

была хорошая, но ее извратили... Хорошую идею не извратишь, даже если очень захочется.

И если даже допустить, что наша страна какая-то особо невезучая, то взгляните на мир! Не без нашей помощи в самых разных странах мира предпринимались аналогичные попытки... И провалились везде. Везде! Без каких бы то ни было исключений. Давайте не забывать ключевую для понимания нашей трагедии фразу Бисмарка, который явно был знаком с учением Маркса: «Социализм построить, конечно, можно, но для этого надо выбрать страну, которую не жалко...»

Не знаю, как Вам, а мне очень жалко свою страну.

Сейчас многие горазды ругать перестройку, дескать, стало намного хуже... Никогда так плохо не было... Хочется спросить: разве? А повальный голод начала тридцатых, унесший миллионы жизней? Уже запамятовали? Хуже того — новый Верховный Совет отказался признать коллективизацию преступлением против человечности. Доиграемся... А что совсем опустел потребительский рынок — так это можно было предвидеть. Без полного отказа от «научного коммунизма», «социалистического выбора», «верности идеалам Октября», без демонтажа обреченной системы все наши жертвы и усилия напрасны...

И когда я думаю обо всех этих неведомых вещах, то не отпускает ужасная догадка: должно же было достигнуть нас возмездие. Должно! За все, что натворили мы под знаменем «научного коммунизма». Скажут: но ведь эти-то люди ни в чем не виноваты, они-то, как говорится, ни сном ни духом... Увы, так всегда бывает в истории. По счётам предков платят потомки. Не зря гласит мудрая французская пословица: «Деды ели виноград, а у нас оскомины»...

Зато одно великое достижение перестройки неоспоримо — гласность, демократизация, возможность свободно выражать свое мнение. Лично мне свобода дорожке колбасы и пары носков. Я немолод и свое право говорить то, что думаю, уже не уступлю никому. Даже если мои взгляды расходятся со взглядами министра и даже — подымай выше — самого президента.

Нами руководит, даже и не сообразишь какое, поколение этого, по выражению Милована Джиласа, «нового класса». В нем есть и умные, достойные люди. Но как «класс» он должен быть устранен. Не уничтожен, избави Бог, не посажен в каталажку, а именно устранен, вернее, отстранен от власти. Управленческий аппарат есть во всех странах, он необходим. Но в цивилизованных странах он постоянно обновляется. Отслужив свой, отпущенный конституцией, срок, президент и министр возвращаются к своему основному делу — на ферму, в адвокатскую контору, на университетскую кафедру, к руководству предприятием... Право на пресупение надо ежедневно доказывать. Демократия и рыночная экономика — для этого идеальное, хотя и жесткое поле.

Пока всякая «руководящая» шваль будет иметь хоть малейшую возможность направлять, распределять, огра-

ничивать (глаголы можно множить бесконечно) — дело швах. Не встанем.

Но я отлежусь, извините.

Суть Вашего недовольства состоит в том, что Вы даже не допускаете мысли о возможности судить о чем бы то ни было неспециалисту. А почему, собственно? Разве я не могу высказать то, что думаю, даже если это будет, с Вашей точки зрения, нелепость? В том числе и по телевидению...

Вам ведь тоже — своими ушами слышал — как министру и просто как человеку доводится высказывать свои мысли по разным поводам, в том числе о литературе и искусстве. Но Вы же не литературовед и не искусствовед! Я же Вас за это не порицаю: мол, куда он лезет, что он понимает?.. Вы имеете полное право на любое, даже самое, скажем так, причудливое мнение. Я с Вами категорически не согласен? Это — мои проблемы. И точка.

Дело тут в другом. Вы, как мне кажется, ощущаете себя человеком, которому доверили руководить, вернее, осуществлять руководство, «проводить линию». Какую, чью?

Критикуя в том же интервью Б. Куркову с ее «Пятым колесом», Вы утверждаете: «А она (Б. Куркова.— А. И.) сразу же дала ему (Б. Гидаспову.— А. И.) по физиономии. Почему? Да потому, что ты имеешь телевидение. А оно — не твое».

Во-первых, насчет «почему». Да потому, что таково ее мнение. Потому, что она сочла нужным это сделать.

А во-вторых, по поводу того, что «не твое». Но и не Ваше, Михаил Федорович! И не коллегия Гостелерадио. И не Идеологического отдела ЦК КПСС. Телевидение принадлежит обществу. А его сотрудники, от председателя до курьера, наняты обществом, чтобы оно осуществляло свои функции — давало информацию, развлекало, рекламировало и т. п.

Не мне давать Вам советы, да это и не зависит от Вас, но что действительно необходимо, так это полная деидеологизация ТВ.

Партком Гостелерадио должен быть если не упразднен, то по крайней мере лишен возможности вмешиваться в работу ЦТ. У нас пока телевидение государственное, а государство — это не партия. А в будущем, когда для КПСС вполне реальна перспектива уйти в оппозицию, такое положение просто ненормально. Уж не говорю о необходимости существования независимых, в том числе частных, телекомпаний.

При этом на ТВ могут и должны работать члены различных политических партий, разумеется, и КПСС, и никто не возразит, если они захотят создавать свои комитеты, действующие на общественных началах.

Пусть все отстаивают свою точку зрения, но — без директив, «указивок», рекомендаций и как бы неизвестно от кого исходящих запретов.

Информация должна быть по возможности исчерпывающей и полной, а бдительные соображения насчет того, «на чью мельницу льет воду» обладание той или иной информацией, — дело пустое и вредное.

Известная формула «литература —

часть общепартийного дела» всегда казалась мне ошибочной и нелепой.

При этом любой выступающий может, разумеется, высказать свои оценки, в том числе и политические, того или иного события или явления, не забыв прибавить «по-моему», «лично мне кажется», «я полагаю, хотя, возможно, я ошибаюсь...»

Принцип «мнение выступающего может не совпадать с мнением редакции (и даже правительства!)» представляется мне единственно разумным.

Теперь о «Вокруг смеха».

Я был приглашен для ведения этой развлекательной программы летом 1978 года. Осеню мы показали первый выпуск. Передача быстро приобрела популярность.

На исходе — двенадцатый год работы. Выпущено 45 передач.

Разумеется, сотрудничество с ЦТ никогда не было для меня основной работой. Нет, не поймите так, что я рассматривал «Вокруг смеха» как отхожий промысел. Постепенно освоился, даже увлекся, переживал просчеты и неудачи программы (а они были), радовался успехам, в которых была и частица моего труда.

Во времена так называемого зстоя «Вокруг смеха» была минутой отдохновения, глотком смеха, если хотите, чистого воздуха.

Сейчас передача переживает непростое время. Появление новых блестящих программ «Взгляд», «До и после полуночи», того же «Пятого колеса» сразу снизило градус интереса к профессиональным юмористам и сатирикам. С информацией и настоящей публицистикой конкурировать невозможно, да у нас ведь и задачи другие. Художественное отступило сейчас на второй план повсюду.

Правда, следует учесть, что к «Вокруг смеха» привыкли миллионы людей. Передачу ругают, но — смотрят. Ее постоянные участники входят в дома как добрые старые знакомые.

На мой взгляд, резервы у передачи есть. Просто надо искать, экспериментировать.

Два слова о своем участии. Последние несколько передач мы вели вдвоем с моим старым другом Аркадием Аркановым. Мне кажется, что «двойное ведение» выигрышнее, интереснее «одинарного». Последний выпуск, где мы пародировали будущее советское кабельное телевидение, мы вели вдвоем с Геннадием Хазановым. Лично мне выпуск понравился, хотя, знаю, есть и другие мнения.

Руководство Гостелерадио считает нужным вообще отстранить меня от ведения? Это — его полное право. Более того, не возражаю. Дел у меня, слава Богу, хватает.

Теперь относительно нового главного редактора Главной редакции литературно-художественных программ Светослава Рыбаса. Мы с ним не знакомы, он пока не счел необходимым встретиться со мной. То, что я о нем знаю, и то, что читал, позволяет предположить, что по многим вопросам наши воззрения диаметрально противоположны. Более того, сведя знакомство, мы, скорее всего, разругались бы вдрызг. Ну и

что? Это не так уж плохо. И совсем не мешает творческой работе.

С его многолетним предшественником, Константином Степановичем Кузиковым, мы были, разумеется, знакомы, встречались и разговаривали.

Да что Рыбас! Один из Ваших предшественников, Михаил Федорович, а именно Сергей Георгиевич Лапин, считал нужным со мной познакомиться. Я неоднократно бывал в его служебном кабинете и даже однажды — дома, где полюбился его удивительной домашней библиотекой. И был отправлен до-

мой на его служебной «Чайке».

Как я жалел, вылезая у своего дома из этого черного лимузина, прозванного в народе «членовозом», что никто меня в тот момент не видел! Но это так, к слову, строка из будущих мемуаров.

Еще один штрих. Насколько мне известно, до этого интервью Вы с Андреем Карауловым не встречались и на брудершафт не пили... А вот Сергей Георгиевич Лапин, несмотря на солидную разницу в возрасте и несоизмеримость моего с ним положения, ни разу не позволил себе назвать меня на «ты».

Разумеется, уважаемый Михаил Федорович, я не хотел ни задеть, ни обидеть Вас этим письмом. Я отношусь к Вам с большим уважением и заочной симпатией. По отзывам многих, Вы сделали немало доброго, будучи председателем Госкомиздата. Я лишь настаиваю на праве каждого иметь и свободно выражать любую точку зрения.

В заключение спасибо за дважды высказанное Вами признание в хорошем ко мне отношении. Это приятно.

Желаю Вам успехов и всего доброго.
Александр ИВАНОВ

ПРЕЗИДЕНТ ПОТОРОПИЛСЯ

Политический обозреватель Центрального телевидения Владимир Цветов комментирует по нашей просьбе президентский Указ «О демократизации и развитии телевидения и радиовещания в СССР».

— Название Указа Президента начинается словами: «О демократизации...» Соответствует ли он, на ваш взгляд, этой цели?

— В какой-то степени: в той его части, где говорится о необходимости более полного проявления творческих возможностей сотрудников, о переходе на контрактно-конкурсную систему, укреплении демократических начал. Но в Указе хватает и несподручных, поспешных положений, это очевидно. К сожалению, он, вероятно, создавался при ближайшем участии телевизионного руководства, а руководство и журналисты — далеко не одно и то же. Чиновники, естественно, попали в противоречие: с одной стороны, нужно соответствовать веяниям времени, с другой — никак нельзя отказаться от излюбленных стереотипов.

Скажем, нам действительно необходим специальный Закон о телевидении и радиовещании. Любая газета, будь то «Правда» или «Московские новости», — собственник бумаги, на которой она печатается, и значит, имеет полное право излагать на ней те взгляды, которые считает нужным. Эфир же не продается и не покупается, эфир — это общенациональное достояние, а раз так, то он должен отражать весь спектр взглядов, имеющих хождение в обществе, исключая те, которые нарушают Конституцию и Уголовный кодекс. И вот эта принципиальная мысль непременно должна быть отражена в будущем Законе, иначе он будет способствовать не демократизации, а, так сказать, «консерватизации» телевидения и радио. Но в Указе, увы, нет об этом ни слова. Возьмем другой, по видимости, очень демократичный пункт — о праве Советов всех уровней, общественных организаций и партий открывать свои телецентры или студии. Но кто будет выдавать им лицензии? Если (как это читается в подтексте) Гостелерадио, то какой ему смысл плодить себе конкурентов? Вообразите, что какой-нибудь кооперативный союз или общество «Мемориал» вздумают открыть свою студию. Ясно, что препятствия ему обеспечены — они заранее предусматриваются.

На мой взгляд, правом выдачи лицензий должны обладать Верховный и республиканские Советы, в крайнем случае — Министерство юстиции.

— Раньше теле- и радиожурналисты должны были «колебаться вместе с линией КПСС», теперь Указ объявляет недопустимой монополизацию эфира партиями, политическими течениями или группировками. Но одновременно он лишает журналистов права «пропагандировать» свои личные политические взгляды. Где тут логика?

— Здесь не логика, а клубок противоречий. Во-первых, и политобозреватели, и комментаторы, и почти все ведущие программ — члены КПСС и в соответствии с партийным Уставом должны проводить ее политику. Значит, сегодня эфир монополизирован КПСС, что противоречит Указу. Может быть, имеется в виду, что журналисты государственного телевидения и радиовещания не могут принадлежать ни к какой партии? Но тогда придется увольнять тех, кто хочет остаться в КПСС, а это уже запрет на профессию.

По Указу я, комментатор, не имею права на комментарий — ведь он отражает мои личные взгляды. Что же мне остается делать? Подкреплять каждую фразу цитатой из Горбачева? Но и это не спасает: согласие с Горбачевым тоже можно истолковать как личную позицию. Остается одно — превратиться в бесстрастный патефон, сообщающий голые факты.

— Видимо, это и есть «объективность по-новому», критерии которой по-прежнему известны только иерархам Гостелерадио и тем, кто руководит ими. Видимо, от них же зависит и судьба российского телерадио?

— В Указе вскользь брошена фраза о строительстве для него в Москве аппаратно-студийного комплекса. Но при нашей любви к долголетию оно может затянуться на десятилетия. Вопрос о передаче России второго общесоюзного телеканала, как мы поняли во время визита М. С. Горбачева в Останкино, уже отпал: руководство Гостелерадио убедило Президента, что для ЦТ необходимы два канала. Не думаю, что Президент против российского вещания в принципе. Но и отдать его в руки нынешнему руководству РСФСР тоже не хочется.

— Как вы думаете, почему один из первых Указов Президента посвящен именно ТВ и РВ?

— Во-первых, и это лестно для меня как журналиста, наверху осознали, какую силу имеет телерадиовещание. Если средством массовой информации называют теперь «четвертой властью», то телевидение и радио, несомненно, наиболее влиятельная ее часть. И второй мотив — стремление сохранить за ними негласный статус «приводного ремня» от партии к народу.

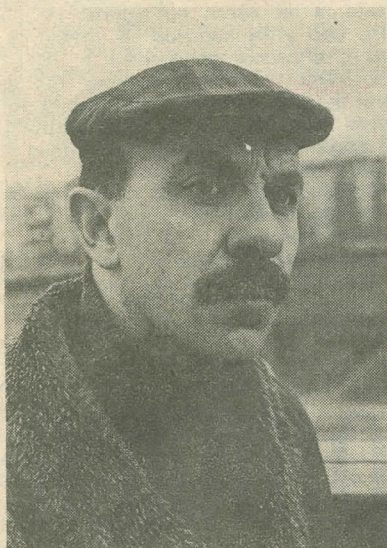
— Вы и ваши коллеги уже ощутили на себе действие Указа?

— Пока нет. Но ведь Указ еще только-только вышел в свет...

Интервью вела Галина ЧЕРМЕНСКАЯ

Анатолий МАКАРОВ

фото Виктора АХЛОМОВА

Москва — что это было?

До пятнадцати лет я не видел иных городов, кроме моей родной Москвы, и потому был убежден, что живу в прекраснейшей из столиц мира. Этому убеждению способствовала пропаганда, которая с утра до вечера и в газетах, и по радио настырно и ненавязчиво, прямолинейно и исподволь приучала нас к мысли, что «нигде нет краше столицы нашей». Все прочие пропагандистские догмы ко времени отрочества вызвали уже обратную реакцию, то есть вместо пламенного энтузиазма выражали скептицизм и насмешливость, этим же юная, жаждущая независимости душа поддавалась с неожиданной уступчивостью. Должно быть, оттого, что они затрагивали естественное патриотическое чувство, которое поразительным образом глухо к фактам реальной действительности. Да, живем в перенаселенных коммуналках, на чердаках и в подвалах, занимаем очередь в уборную, умываемся на кухне, но зато город наш самый лучший на земле.

После окончания школы я впервые попал в Ленинград и вернулся оттуда со смущенной душой, справедливо требуя признать, что он много красивее Москвы. Ну и что, изворотливое, уязвленное сознание находило дополнительные доводы в пользу московской теплоты и домашности, сердечности и уюта. Потом мне случилось порядочно ездить по свету, и эффект первого ревнивого соприкосновения с другой городской средой действовал безотказно. Я возвращался из городов не только архитектурно более цельных, нежели мой родной, но и более пластичных, живых, изящных, мало того, я научился любить чужие города, проникаясь киевским, одесским, таллинским патриотизмом, но всякий раз ступив на родимую мостовую, ощущал себя еще более москвичом, чем прежде.

«Ах, Арбат мой Арбат, ты мое отечество...» Лучше не скажешь, хотя мое отечество — Пушкинская улица со всеми выходящими на нее переулками. Но вот что интересно и что надрыгает сердце, в последнее время возвращение в Москву все меньше доставляет мне радости. Да

чего там кривить душой, вовсе не вызывает. Скажу откровеннее и злее, иной раз и вовсе противно возвращаться, как только представишь себе разбитое корявое шоссе в колдобинах и выбоинах, грязь на тротуарах, не метенных с начала перестройки, облупленные стены зданий, некогда считавшихся едва ли не архитектурными шедеврами, ночлежную запущенность парадного в том доме, который судьба и Моссовет определили тебе местом проживания. Глаза бы не глядели... Естественно, что распад родимого быта особенно заметен по сравнению с ухоженностью и возделанностью доступных теперь европейских городов. Но признаюсь, даже не он больше всего ударяет в сердце. Точнее, ударяет не сам по себе, а как высшее проявление еще более глубокого разложения и краха.

Выродилась и распалась московская культура, испарилась московская атмосфера, повывелся, если не исчез совсем, особый, московский, тип людей. Я не говорю, что лучший, претендующий на какие-то блага или привилегии, я говорю московский, именно с Москвой связанный и фактом рождения, и обычаями, и речью, и сотней житейских привычек, которые иной раз не менее дороги, чем высочайшие художественные ценности.

«Москва — какой огромный странно-приимный дом!» — восклицала Цветаева, имея в виду свойство великого города собирать людей со всей России, а то и со всего света, давать им кров и точку приложения сил, переваривать их в котле своего трудового, духовного и культурного бытия. Как теперь назвать Москву? Огромной узловой станцией? Безмерно разросшимся населенным пунктом N? Жестоко, но справедливо. Ибо утрачена душа, духа, атмосферы своеобразия и превращает город в населенный пункт, то есть в конгломерат блоков, кварталов и микрорайонов. Местом для жизни, точнее для «проживания», они служат, однако объединять, сплачивать, нравственно воздвигать людей они не способны. А потому и люди эти уже как бы и не сограждане и тем более не народ, они — население. Без корней, без

обычаев, без ориентации на традиции и неписанные правила, без осознанных культурных потребностей... Злословлю, конечно, как говорится, сгущая краски, может быть, даже в некоторой степени очерняя действительность и, тем не менее, свидетельствуя на правах старожила.

Причем, избегая типичной для них абстракции, вовсе не желаю изображать прошлое в умильных тонах.

Наоборот, сразу заявляю, что никакой ностальгической нежности к коммунальным квартирам не испытываю, «места общего пользования» вспоминаю как страшный сон, а подвалы без окон, в которых, не слишком сегодя на судьбу, ютились некоторые из моих дворовых товарищей, существуют в моем сознании наравне с казематами, в которых томился любимый герой детства граф Монте-Кристо.

Жизнь в той почти забытой послевоенной Москве, «которой нет почти», была, по правде говоря, ужасающе бедна и откровенна, но при всем при том она была более... человеческой. Да, да, в том смысле, что более уютной и городской. Конечно, не сталинская жесточайшая регламентация, с ее будничными арестами и топтунами в подъездах, с вечерними визитами участкового и с обязательными проголосовать к семи утра, была тому причиной, а традиция веками сложившейся московской обыденности, к тому времени еще не превращавшаяся окончательно, еще пульсировавшая, еще дававшая о себе знать в приметах быта.

Одной из характернейших этих примет были дворники. Где они теперь, существуют ли вообще? Не знаю. Тогда они с утра до вечера были на виду. День начинался со скрежета дворничьего скребка в морозной полутьме — это, понятно, зимой, и с шелеста воды из дворничьего шланга, само собою летом. Поливать улицу и двор полагалось три раза в день — утром, днем и вечером, сквозила в этом неизменном ритуале какая-то особая праздничность городской цивилизованности. С каких пор Москву перестали поливать, замкнули навсегда краны-гидранты, сволокли в подвалы сгнившие за неупотреблением шланги, кто вспомнит?

Цивилизованность сказывалась и в том, что буквально на каждом бойком месте, на перекрестках, в местах скопления народа стояли кокетливые, под полосатыми тентами сатураторные тележки с разноцветными цилиндрами сиропов, с холодной в любую жару, покальвающей небо газированной водой, не было для лихой послевоенной пацанвы более желанного и доступного лакомства.

А в подворотнях летом и осенью бойко торговали овощами — картошкой, капустой, морковью, свеклой, яблоками и арбузами, прекрасно это помню, поскольку, помогая продавцам таскать овощные корзины, подрабатывал тем самым на мороженое. Или на горячую французскую булку. Ах, этот неотрывный от Москвы запах горячих французских булок (во время борьбы с космополитизмом переименованных в «городские»), как он украсил мос, прямо скажем, не слишком лучезарное детство. Булки пекли и в Столешникове, и на Петровке, и у Кировских ворот (упоминанию, естественно, свои собственные маршруты), и уж само собою на улице

Горького, в бывшей Филипповской булочной, не утратившей еще в те годы своей пекарни. Филипповская, Елисеевский, Дедушкин — московский язык хранил эти почтенные купеческие имена в знак негласной признательности тароватому умению торговать и в противовес мертвящей казенщине, стремившейся без лишних фантазий пронумеровать всю живую жизнь. Вопреки бюрократическому рвению упорядочить ее и загнать в жесткие рамки, жизнь все еще как-то трепыхалась, сопротивляясь мертвящему единообразию. Со всех плакатов взирал на мир передовой советский человек, но рядовые советские мужчины без проблем на каждом углу, во всяком случае, на каждой улице, могли выпить прекрасного бочкового пива, закусив его красной рыбой, солеными сушками и сухарями. Несмотря на опасность доносов и на перманентную борьбу за безупречную коммунистическую мораль, интеллигенция собиралась в облюбованных кафе — в «Артистическом», «Национале», «Красном маке», в многократно охоянном «Коктейль-холле»... Между прочим, закрывались эти заведения отнюдь не в девять часов вечера. То ли общественное ханжество не достигло еще необходимого градуса, то ли автоматически продолжала действовать уже упомянутая традиция, во всяком случае, поужинать после спектакля в кафе или в ресторане было делом вполне нормальным. И гулянье по вечерним улицам было в порядке вещей. Иногда задумываюсь, а может, самая обычная тоска по ушедшим годам всему виной? Может, и не было никогда этого самого старомосковского уюта в эпоху возведения высотных зданий и борьбы с тлетворным влиянием Запада? То-то и оно, что был, загадочным образом сощещая остатки прежней роскоши с коммунистическим идеализмом, патристическую восторженную верноподданность с непочтительной духовной самостоятельностью.

Московская небогатая обыденность соответствовала, как теперь говорят, человеческому измерению. И в чисто физическом смысле куда угодно можно было дойти пешком (не от того ли так любили мы в юности шляться без видимой цели по весеннему и осеннему городу), и в плане, так сказать, возвышенном — истинная культура проникала в быт без средостения массовой. Знаменитых мхатовских стариков на улице знали в лицо, с ними иной раз здоровались вовсе не знакомые прохожие, и они отвечали им с особой московской почтительной приветливостью, за тенорами Большого театра носились по пятам компании неистовых поклонников — «сыров», во время дворовых вечерних посиделок военные рассказы и футбольная мифология перемешались вдруг репликами из классических пьес, «Театр у микрофона» был у всех на слуху.

Подобно многим своим сверстникам и землякам, автор этих строк воспитан, честно говоря, московской улицей. По традиции к воспитанию такого рода принято относиться с подозрением и критически. Чему, разумеется, есть основания. Как известно, манеры и привычки, приобретенные в подворотнях и на «плешихах», долго дают о себе знать. Позволю себе заметить, однако, что влияние мо-

сковской улицы на душевный склад ее обитателя нельзя соотносить лишь с правилами хорошего тона. Могу засвидетельствовать, что презрение к предательству, к доносу, к показухе и карьеризму западали в сознание как бы сами собой в соответствии с негласными заповедями дворовой морали. Но речь даже не об этом, а о том, какое разнообразие человеческих типов являла собой московская толпа. Тут были театралы, болельщики, книжники, игроки, собиратели антиквариата, знатоки джаза, фанатики поэзии, коллекционеры живописи, среди них на футбольных «трепаловках», в толкучках возле букинистических лавок, в очередях за билетами на премьеру только что рожденного «Современника» можно было прикоснуться к таким пластам знаний и культуры, о которых в те времена не сообщил бы с высокой кафедры ни один университетский профессор. Вот еще что интересно, культура, постигаемая, так сказать, официально, представляла то под одним, то под другим углом постоянно меняющихся казенных же концепций — то Достоевский — мракобес, то — великий писатель, то джаз — «музыка толстых», то — самовыражение угнетенных негритянских тружеников, улица в своих вкусах всегда была стихийно неортодоксальна и противоположна всякому конформизму. Полузапретность Есенина увеличивала к нему любовь, книга, на переиздание которой не было надежды, возрастала не

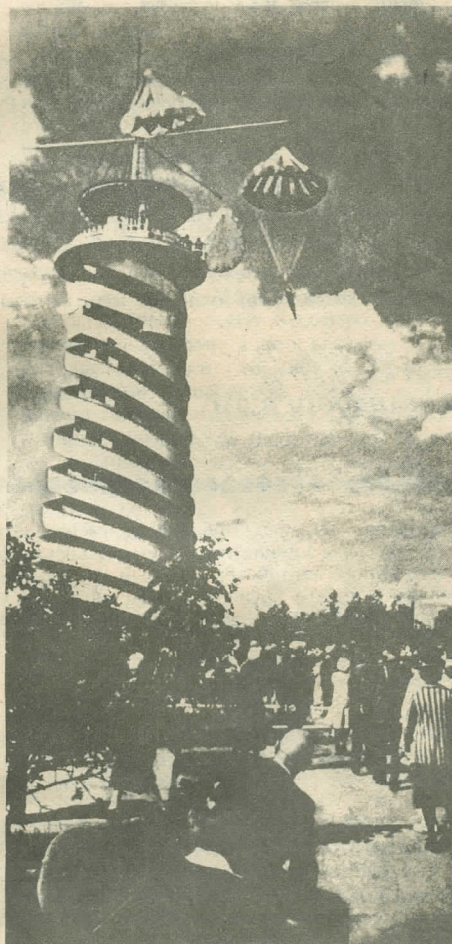
только в денежной, но и в моральной цене, артистов и спортсменов, вернувшихся «оттуда», зрители приветствовали особыми аплодисментами... Короче, улица всегда знала что почем и давала в этом смысле безошибочные рекомендации.

...И вдруг все это куда-то исчезло, провалилось, выветрилось? Что за причина, за наваждение, или мне по причине возраста все это просто кажется? Какое там! Есть ли в нынешней московской жизни что-либо более реальное, нежели опустение и одичание московского центра? После семи вечера особенно заметно — здесь никто не живет. Здесь нет теплого, беспорядочного, рутинного, созидательного человеческого бытия, на котором восходят и цивилизация, и культура. Скопище полуразвалившихся или кое-как подновленных, в пятый раз поменявших свое предназначение строений... Жилье не жилье, контора не контора. Обшарпанность, грязь, безлюдье. Настоящий конец большой войны. Той долгой войны, какую вела с великим, безалаберным, ни на что не похожим гордом... не знаю даже как сказать, условимся, что административная система. Создается впечатление, что она в лице отдельных влиятельных своих представителей все время уличала Москву во всевозможных грехах. Главный грех — обилие православных уникальных храмов — к тому времени, о котором идет речь, был уже успешно преодолен. На очереди тогдашний вопрос о величии эпохи, что требовалось запечатлеть в помпезной, изукрашенной статуями и цацками архитектуре. Затем в живой плоти города, словно в глухой тайге, началось прорубание широченных просеков. Потом в самых исконных, заповедных московских местах как грибы поползли вверх номенклатурные башни. И не то беда, что номенклатурные, а то, что не имеющие никакого отношения к московскому стилю и колориту, более того, высокомерно пренебрегающие этим колоритом, образом жизни, памятью рельефа, камня, культурного слоя.

В начале шестидесятых главной деталью столичной жизни сделалась чугунная «баба», огромный бестрепетный шар, подвешенный к стреле экскаватора. Добро бы унылые бараки да подслеповатые мещанские домишки рушились под ее ударами, но нет — от пожарных особняков, подобных которым нет нигде в мире, тоже оставались тлен и труха. Доставалось и многоэтажным доходным домам, если по несчастью оказывались они на вдохновенном пути облетенного верховной властью планировщика.

Помню, как накануне тотальной гибели Собачьей площадки, прелестного московского района, на месте которого ныне проложен заурядный в своем несостоявшемся урбанизме Калининский проспект, мы с приятелем обошли обреченные на слом дома, в которых некогда приходилось бывать. Апокалиптическая картина гибнущей, беззащитной культуры до сих пор стоит перед глазами — колонны, мансарды, эркеры, витражи, ступени, ограды, липы, заглядывающие в окно...

Совершенно искренне не могу уразуметь, по какой причине весь этот прекрасный элгийский мир вызывал та-

Парашютная вышка в Парке культуры — примета былой Москвы

кую презрительную озлобленность в умах московского начальства. Почему требовалось разрушить его до основания? Ведь никаким насилием в нем и не пахло, наоборот, покоем, уютом, каким-то настоящим в веках добросердечием.

А может, все дело в том, что памятные вожди родились не в Москве и, царствуя в ней безраздельно, безотчетно ощущали себя в ней завоевателями, наместниками, прокураторами? Вот почему все чаще склоняюсь к мысли, что на решающие должности в больших городах надо выбирать и назначать лишь местных уроженцев, тех, для кого данный город не абстрактное поприще для реализации благих честолюбивых идей, но единственное на земле пространство, с которым связано что-то сугубо личное, пронзительное, по сию пору припекающее: любовь, дружба, разлука, смерть...

Великий Ле Корбюзье запальчиво предлагал когда-то новым хозяевам страны снести всю Москву, кроме разве что Кремля, архитектурных шедевров он в ней не видел, а шедевров памяти, истории, человеческой привязанности не понимал и не признавал. Надо заметить, что, не обладая ни гением, ни фантазией

великого маэстро, московские градоначальники во многом прониклись его самоуверенным наплевизмом. Лучезарного города будущего не возвели, но живой и теплый город срыли с лица земли.

Конечно, понастроили пять, десять, может быть, двадцать таких городов, как старая Москва, в смысле объема жилплощади, понятно, дали людям вздохнуть, расселили клоповники и трущобы, каждому горожанину явили перспективу какого-никакого, но отдельного, оснащенного удобствами жилья. Было бы страшной несправедливостью забыть об этом в обличительном запале. Но нерасчетливо упустить из виду, что именно в этом безудержном, экстенсивном, никаких пределов не имеющем росте, в этом расползании, расселении, в этой бесформенной экспансии, в этом неоглядном просторе выветрился московский дух, растворился московский народ.

Повторяю, это уже не город, четко и разумно ограниченный в своей идее, со своей продуманной концепцией развития и роста. Это конгломерат подобных доминошным фишкам кубов и параллелепипедов, которые можно тянуть во все

стороны, хоть до Ленинграда, хоть до Владивостока.

Проживать можно, существовать в неясном ожидании лучшего, бороться за есть сил за это существование, жить свободно, удобно, созидательно, просто жить — трудно.

...А я все хожу по Москве по делам и без цели, во всякую свободную минуту, как ходил в молодости и в юности, смутно догадываясь, что это, должно быть, и есть моя судьба и мое предназначение. Московским пешеходом я появился на свет, им и останусь до последних дней. Такая странная карьера.

В чем, однако, смысл этих ставших судьбой прогулок? Чего я ищущу? Ушедшее время? Себя самого в этом времени? Или Москву, «знакомую до слез», былую, миновавшую, будущую, реальную и нереальную, ту, которой не было и не будет? Одна совершенно конкретная практическая мысль назойливо одолевает меня в последнее время, я знаю, как новому составу Моссовета простейшим путем завоевать сердца горожан.

Необходимо что-нибудь такое придумать, чтобы улицы вновь стали подметать.

**РЕКЛАМА
«ЭСКАРТА»**

ЭСКАРТ

**— ЭТО ВАША
РЕКЛАМА!**

«ЭСКАРТ» — предприятие советско-американского фонда «Культурная инициатива»

хорошо известно в редакциях газеты «Советская культура», ее приложений «Экран и сцена» и «Архитектура», газет «Советская торговля» и «Гудок», еженедельников «Московские новости», «Мегаполис-экспресс», «Русский курьер», на телевидении, в других органах массовой информации.

«ЭСКАРТ» — ЭТО РЕКЛАМА!

«ЭСКАРТ» — ЭТО КОММЕРЧЕСКИЙ УСПЕХ!

«ЭСКАРТ» — ВЕРНЫЙ ЛОЦМАН В ОКЕАНЕ БИЗНЕСА!

«ЭСКАРТ» — ЭТО МНОГОМИЛЛИОННАЯ АУДИТОРИЯ!

«ЭСКАРТ» — это шоу-бизнес: организация концертов, конкурсов, фестивалей, эстрадных и цирковых программ...

«ЭСКАРТ» — коллектив журналистов, художников, дизайнеров, имеющих многолетний опыт, объединенных целью делать профессиональную отечественную рекламу.

Наш адрес: 101484, ГСП-4, Москва, Новослободская улица, 73.

«Советская культура», ТО «Эскарт». 285-77-09 или 285-47-98.

МЫ НЕ СКРЫВАЕМ СВОЕЙ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ В ВАС.

МОСКОВСКИЕ «ЖЕЛТЫЕ ЛИСТЫ», к созданию которых приступили издательство «ИНТЕРПРАКС» ТО «ЭСКАРТ» — предприятия советско-американского фонда «Культурная инициатива» и американская фирма «ПЕРЕСТРОЙКА ИНКОРПОРЕЙТИД» — это шаг на пути к рынку. Книга выходит на английском языке и распространяется на Западе.

«Желтые листы» можно встретить практически в любом крупном городе мира. Вы увидите его в отеле и в офисе, в банке и в аэропорту, в магазине и просто в телефонной будке. Это — всеобъемлющая справочная энциклопедия, деловой путеводитель по городу.

Исследование, проведенное фирмой «Нейшнл йеллоу пейджис сервис», установило: к моменту введения «желтых листов», двадцать лет назад, каждый из 100 американцев пользовался информацией этих гидов на любой случай жизни 44 раза в год, причем за поиском в 93 процентах случаев следует звонок, визит, письменное обращение.

«ЙЕЛЛОУ ПЕЙДЖИС» — ЭФФЕКТИВНЕЙШЕЕ РЕКЛАМНОЕ СРЕДСТВО!

«ЖЕЛТЫЕ ЛИСТЫ» — ЭТО ЕЩЕ НЕ ЗЕЛЕНЫЙ ДОЛЛАР, НО УЖЕ НЕ РУБЛЬ!

«ЖЕЛТЫЕ ЛИСТЫ» — ЭТО НАШ ВКЛАД В ПЕРЕСТРОЙКУ...

И ВАШ ШАНС!

ТЕЛЕФОН, АДРЕС И ПРОФИЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВАШЕЙ ФИРМЫ, ОРГАНИЗАЦИИ, КООПЕРАТИВА ЗА 1000 РУБЛЕЙ В «ЖЕЛТЫХ ЛИСТАХ» — НЕ ТОТАЛИЗАТОР, А ВЕРНОЕ ВЛОЖЕНИЕ КАПИТАЛА ДЛЯ ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ, РЕАЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫХОДА НА ОРБИТУ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЛЮБОЙ СФЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. «ЖЕЛТЫЕ ЛИСТЫ»: ВЫ МОЖЕТЕ РАЗМЕСТИТЬ ЗДЕСЬ И СВОЮ РЕКЛАМУ.

Гарантийные письма на указанную сумму Вы можете отправить по адресу: 109542, Москва, абонентский ящик № 97. Справки о «Йеллоу пейджис» по тел.: 374-11-49 и 371-78-52 с 10 до 14 часов.

Анатолий РУБИНОВ

ШИКАРНЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Занимательную историю проституции одного человеческого поколения современнику не обозреть: слишком короток мужской век, а женский еще коротче, хотя женщины и живут больше. Даже самой осведомленной в этом деле бандерше, которая, перестав быть игроком, перешла на тренерскую или административную работу, не под силу рассказать историю родного промысла своего поколения, рассказать объективно, без но-стальгии, когда кажется, что все лучшее было в прошлом.

Объективный анализ этого ремесла, рассмотренный в историческом разрезе, показывает, что проституция никогда не достигала таких высот, которых достигла в последнее время. Покуда жив человек и покуда существуют денежные отношения, покуда существует человеческая страсть, проститутки не переведутся. При коммунизме денег, говорят, не будет, но куда денется любовь, бешеная страсть к разнообразию, бесовская сила, рождающаяся из ничего и бросающая человека в омут безумия, делающего жизнь вдруг такой прекрасной? При коммунизме проституции не будет, потому что тогда продаваться ничего не будет. Впрочем, и при социализме проституции до сих пор не было, хотя с первого дня имелись деньги и существовали товарно-денежные отношения. В Уголовном кодексе только вчера появилась статья, карающая проституцию. Но проститутки были и до обновления Уголовного кодекса — чем же они занимались до вчерашнего дня, как называлось их ремесло, основанное на кратковременной продаже своего тела? Может быть, это была вовсе не продажа тела — аренда, кратковременная аренда тела: хочу — сдам арендатору, не захочу — не сдам?

Когда проституции не было, боролись с проститутками. С ними боролись всегда. Например, накануне массового приезда молодых и здоровых участников фестиваля молодежи и студентов в 1957 году.

Тогда еще пахло беззаконием долго предшествующего периода и формы борьбы были грубоватыми, отдавали произволом. Девушку, заподозрен-

ную в дурных намерениях, которые опережают наступление безденежного общественного строя и позволяют обладательнице здорового тела отдать его на короткое время совсем бесплатно, милиция и тогдашние дружинники, которые назывались «бригадмилльцами», вправе были остричь наголо и этим на несколько месяцев подвергнуть ее совершенно добровольному домашнему аресту: после такой не предусмотренной никаким законом легкой акции надо было терпеливо ждать, когда волосы подрастут, потому что никакой порядочный мужчина не заинтересуется женщиной, обритой наголо и поэтому похожей на новобранца в юбке.

Борясь за чужую честь и заодно за честь страны, милиция и бригадмилльцы были особенно нетерпимы к тем страстным натурам, которые не имели расовых предрассудков и просто в силу обыкновенного женского любопытства страстно ждали возможности изучить анатомию и физиологию здоровых мужчин с необычным цветом кожи и странным разрезом глаз. До лета 1957 года в Москве было два-три негра, которые были известны всему городу по именам, а что касается коренных китайцев, то они благодаря стандартной московской одежде выглядели вполне союзными казаками, которых тогда тоже было не так много, но интереса уже не представляли.

И тогда проституции не было, поскольку не было статьи закона. Но проститутки были. Странно, чем сильнее велась борьба с проститутками в условиях, когда нет проституции, тем больше обнаруживалось девиц и женщин чрезвычайно легкого поведения. Говорят, что проститутки были даже во время войны. Бедные женщины! Они работали в две смены, потому что не было тогда в Москве человека, который бы не трудился ради Победы. Отработав свою законную смену, обессиленные от обычной работы проститутки выходили вечером на панель. Удивительно, но в те трудные годы спрос на них был чрезвычайный: забредшие в Москву по своим стремительным военным делам офицеры, измученные не только сражениями, но и унылым мужским фронтовым однооб-

разием, легко находили тех, кто мог скрасить оставшийся час и отдать ласку за полбуханки хлеба, за пшенинный концентрат и даже за американскую тушенку. Говорят, и тогда были королевы панели. Тогдашняя панель проходила возле Большого театра. Рассказывают, что время от времени там показывалась дама в довоенном манто, одетом на абсолютно голое тело. Оpozнав по глазам страждущего, она быстренько распахивалась перед ним и объявляла:

— Пятсот со столом.

Тогда это были не очень большие деньги. Брикет мороженого стоил семьдесят рублей. Семь брикетов и еще десять рублей.

Труднее было опознать проститутку в валенках и телогрейке. От других женщин ее можно было отличить только по ищущим глазам. Ах, эти женские глазки! Они говорят о человеке больше, чем паспорт.

Фестивальная борьба с проститутками вызвала реакцию, которую никто не мог предвидеть: о проституции, которой нет, узнали все, и многие полные жизни существа открыли в себе загнанную бурю страстей, которая рвалась наружу. Милиция еще боролась с проститутками около Большого театра, куда ни одна порядочная проститутка не ходила, и возле кинотеатра «Метрополь», самого неприличного места, которого родители настоятельно требовали от своих детей избегать любыми способами — проехать одну остановку троллейбусом, не жалеть полтинника на единственный пролет метро, а проститутки давно уже овладели Комсомольской площадью.

Не надо думать, что то были проститутки только комсомольского возраста. Оказалось, что в Москве достаточно женщин перезрелых, которые ведут себя предосудительно, и трудно было предположить, что они новобранцы и освоили свою горизонтальную профессию лишь недавно.

Сейчас, когда развернулась борьба против алкоголизма и пьянства, несомненно, что тогдашняя проституция на Комсомольской площади была гораздо менее порочна, чем это можно себе вообразить. Неряшливо одетые немолодые женщины были совершен-

но равнодушны к счастью, которое может дать мужчина. В большинстве своем это были алкоголички — бессребреницы. Они уже тогда были готовы вступить в эпоху, где нет товарно-денежных отношений. Назначая себе цену, они ставили условия нанимаемому любовнику: пол-литра на двоих, а если тот не захочет, то четвертинку. Для подруги.

Длинными летними вечерами подступы к каждому из трех вокзалов кишмя кишели немывтыми, нечесаными, кое-как одетыми женщинами, которые глумились над любовниками. Выше всего они ценили психологическую разрядку. Встретив своих подруг, которых они не видели со вчерашней ночи, они первым делом бросались рассказывать им свои последние новости, и огрызались, когда нетерпеливые охотники делали им нескромные предложения. Застенчивые, презирующие себя за слабость мужчины, которых привело сюда неукротимое желание любви, не понимали, почему их отвергают, почему женщины, которые могут так легко заработать, не пользуются счастливым случаем, и мужчины робели еще больше оттого, что с ними не хотят знаться даже падшие существа. Но и тогда были великие знатоки женской души. Привокзальные женские души могли устоять даже перед роскошным грузином с усами, но они слабели и выходили вперед, как сомнамбулы, когда замечали прозрачную бутылку, отрывались от подруг, раскрывали объятия даже старому татарину, как будто он был их старый знакомый. Но если бы старый татарин был бы нетверд и дал бы себя уговорить опорожнить бутылку из горлышка, не приступая к основному объединившему их делу, ему бы понадобилось покупать новую бутылку.

Опытные здешние кавалеры медлили с откупориванием бутылки, заставляя дам, трепеща, спешить к моменту расплаты натурой.

Но так себя вели только торопливые мужчины. Те же кавалеры, которые искали общества женщины, уходили в подьезды, забирались на чердаки. Там они не спеша ломали принесенную закуску, укладывали ее на расстеленную газету. Доставали стакан или два — много имущества может вместиться в мужские карманы! И только потом получали оплаченное.

Любой промысел вызывает сопутствующий. Продажная любовь на Комсомольской площади породила по меньшей мере еще три промысла.

Предвкушая свою окончательную победу, милиционеры прикидывались одураченными. Не трогали кучки сквернословящих немывтых дам, которые говорили о своих делах так открыто, что проходящие мимо матери вздрагивали. Милиционеры не замечали и задумчивых кавалеров, карманы которых подозрительно топорщились от полных бутылок и пустых стаканов. Люди в форме не глядели, когда

мужчины приближались к заносчивым падшим ангелам, не слышали, как те грубили им, и отворачивались вовсе, когда образовывались пары.

Пары уходили сразу, как еще любящие друг друга муж с женой, под руку, прижимаясь боками, уверенные, что ни один человек на свете не догадается, что свершится между ними скоро, очень скоро, когда найдут укромное местечко. Милиционеры же наперед знали все их тайные гнездышки. Они появлялись там не раньше нужного, чтобы не вспугнуть, и не позже, когда на месте останутся только смятые газеты. Озорные молодые милиционеры любили появляться в самый знойный миг, чтобы сказать этак простенько, обыкновенным голосом:

— Что это вы здесь делаете?

По голосу нельзя было догадаться, что милиционеры знают, что делается у них под ногами. Пугался только кавалер. И еще очень жалел напрасно понесенных расходов. Дама же спокойно, удивляясь милиционерской простоте, называла то дело, которым она занималась.

Тогда в Москве были еще неграмотные. Проститутки же были юридически образованны — они знали, что проституции в законе нет, и, гордо хвастаясь, заявляли, что занимаются они любовью, потому что все живые люди этим занимаются и никто не может никому запретить любить. Не на глазах же у людей, а в укромном уголке, и только тот, кто подкрадывается, чтобы подглядывать, любить не может или ему не дано. Проститутки думали, что они ведут очень умные речи и назавтра будут пересказывать их подругам, собираясь кучками, когда кавалеры не дают рассказать все подробно.

Ищущих и находящих милиционеров порок и проститутки интересовали меньше всего. Все свое внимание они обращали на обескураженного любовника, застигнутого с голым задом. Не давая ему запахнуться, они суровым голосом требовали документы, давая понять, что они сомневаются в личности поднявшегося с пола человека. И тот робел. Не зная юриспруденции — того, что для соучастника в таком

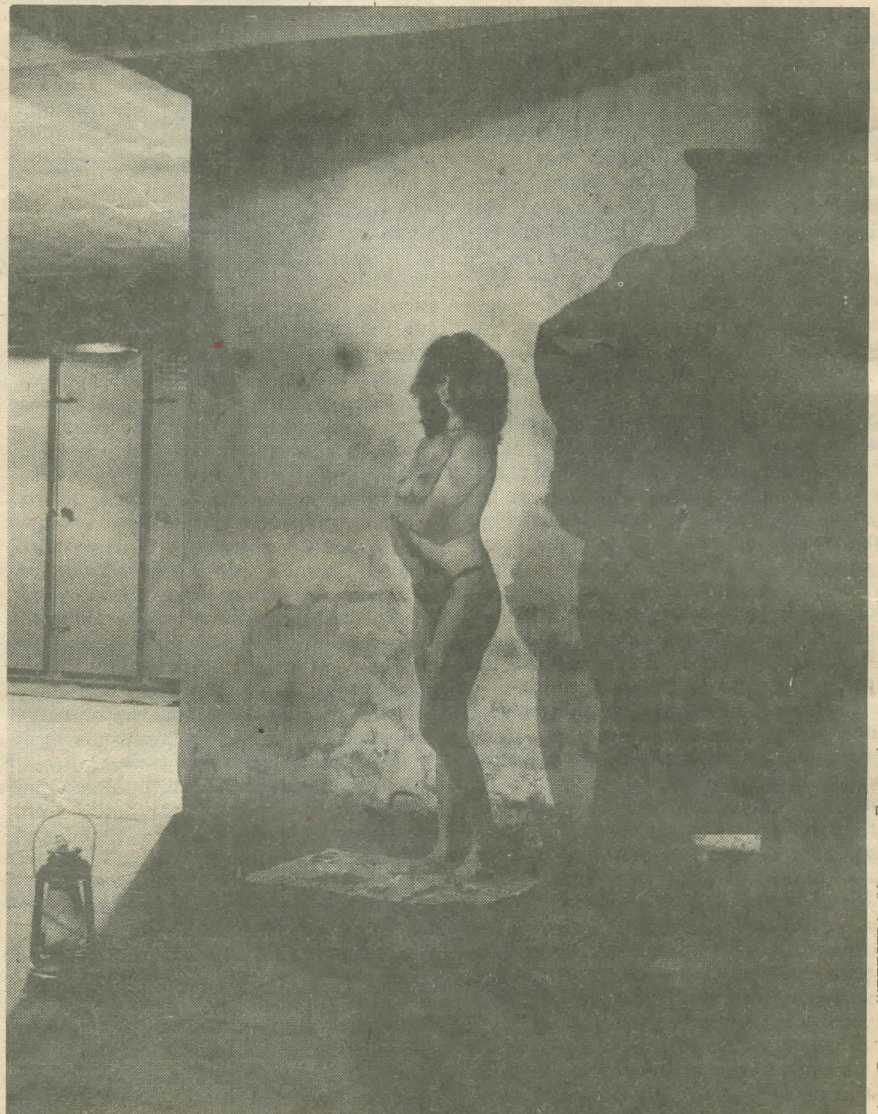

фото Дмитрия ШЕПЕЛЕВА (Из серии «Подвал»)

деле нет даже названия, не то что статья, — они пугались того, что их отведут в милицию, сообщат на работу или жене (как ни странно, большинство оказавшихся в таком положении были людьми женатыми), кавалеры обмякали, готовые на любой компромисс. Милиционеры были немногословны, как сам закон. Страх нагоняли молчанием. Долго рассматривали паспорт или служебное удостоверение. И никогда не упускали случая провести маленькую воспитательную лекцию. Хорошо одетые и образованные мужчины оказывались самыми беспомощными. Инженеры и доценты, сдававшие в свое время экзамены и даже принимавшие их, не могли ответить на тот роковой вопрос, который так некстати прервал их тайную любовь.

— Так что же вы здесь делаете?

Ответа, естественно, не было. Тем временем падший ангел давно уже оделся. Это было его свойство — мгновенно раздеваться и мгновенно одеваться и, пользуясь суматохой, стремительно бежать подальше от брачной постели с простынями из газет.

В чисто мужском обществе диалог развивался медленно, в тяжелых фразах:

— Придется пройти. Вы нарушили.

Имелось в виду нарушение общественного порядка, хотя, чтобы найти это нарушение, милиционерам потребовалось усердие, которое совсем не было бы лишним, если бы его применили по отношению к вокзальным вора или бушующим алкоголикам.

Ни один нормальный человек в милицию идти не хочет. И сделает все зависящее от него, чтобы ни жена, ни сослуживцы не узнали о происшествии. Прекращая беседу, один из милиционеров лез в походную сумку за книжкой с квитанциями, и каждому нормальному человеку становилось ясно, что спорить не следует: проще всего заплатить и сделать это поспешно, чтобы милиционер не успел оторвать листок, за который он должен в милиции отдать десять рублей. Тогда любой штраф, который милиционер мог взыскать со встречного человека, равнялся десяти рублям, по-нынешнему — рублю.

На этом половой акт завершался. Мужчины быстро становились друзьями. Милиционер похлопывал неудачника по плечу и успокаивал: дескать, с кем этого не случается! Дружба кончалась немедленно — ни одной из сторон не выгодно было продолжать ее. Уверенные в себе милиционеры шли в одну сторону, откупившийся от позора мужчина — бежал в другую. Милиционеры необязательно шли на площадь трех вокзалов. В погожий летний вечер от них требовалась оперативность: они шли искать уже действительный порок, который прятался в местах, им заранее известных. Мужская краткость объяснялась еще и деловитостью охранителей нравственности. Их ждали скромные гнездышки.

Суровой походкой они обходили дальние дворы, ступая, как кошки, неловко, взбирались на чердаки и появлялись всегда вовремя, в чужой знойный момент. Останавливались и простенко, обыкновенным голосом спрашивали другую незнакомую пару:

— Что это вы здесь делаете?..

Второй промысел, который сопутствовал запретной любви, сродни первому, но только он совершался не в милицейской форме и поэтому был труден вдвойне. Обыкновенные граждане с хорошим зрением и плохими намерениями следили за обеими парами — за влюбившимися и за озабоченными милиционерами, которые любят в служебное время ходить вдвоем. Люди без формы оказывались чрезвычайно оборотистыми. Убедившись, что ревнители порядка пошли иным путем, они сами ловили знойный миг и, прикидываясь чрезвычайно заинтересованными в соблюдении высшей нравственности, появлялись в любовных гнездышках еще более внезапно, но вели себя гораздо увереннее.

— Мы бригадмилыцы, — объявляли они громко и очень этим пугали кавалеров. Дамы были привычнее и, не боясь милиционеров, еще менее страшились нештатных охранителей высокой морали. Кавалеры вздрагивали, а дамы начинали визжать:

— Все обчистили — украсть больше нечего?

Дамы хорошо знали жизнь. Крикливые бригадмилыцы объявлялись только тогда, когда уже успели пошарить в карманах чужих спущенных брюк или уже проверили содержимое оставленных на миг любви без присмотра портфелей и сумок.

Тогда было время Больших Портфелей. Каждый интеллигентный человек ходил на работу обязательно с большим портфелем. Мало кто думал, что там книги или документы, — в больших портфелях удобно было перевозить бутылки с кефиром, которые появлялись в магазинах далеко не всегда, или пакеты с картошкой — тогдашней новинкой, — в каждом пакете было непременно три килограмма. Считалось, что каждому покупателю нужно ровно три килограмма — предварительно взвешенная и разложенная по пакетам картошка стоила на двадцать копеек дороже (по нынешнему — на две), и продавцы стали очень охотно раскладывать картошку по пакетам, потому что, когда продавали картошку по килограмму или по шесть, никаких дополнительных заработков честным путем получить было нельзя.

Самозванные помощники милиции в картошке или кефире не нуждались и, когда украсть действительно было нечего, становились шумливыми. Авторитету милиции помогает форма, добровольным же поборникам чистоты любовных отношений помогает голос. В остальном же они вели себя совсем как милиционеры.

Глядя себе под ноги, сурово спраши-

вали, что лежащие здесь люди делают, поторапливали мужчину, чтобы он быстрее застегивал ширинку, чтобы идти в милицию. Несмотря на вопли разоблачающей их дамы, продолжали вести себя грозно. И по большей части добивались успеха. Не желающая бесплатно тратить время, дама убегала, а ее возлюбленный, окончательно одевшись, сам лез в петлю:

— Да ладно, ребята, возьмите с меня штраф, и будет...

Ребята, конечно, брали, но командовать не переставали: этого требовали правила игры. Если бы внезапно появилась милиция, которую вполне могла напустить на них сбывающая проститутка, они бы объяснили, что нечаянно наткнулись на лестнице черного хода, где никто не бывает. Или на чердаке наткнулись на людей, которые, как им показалось, нарушают общественный порядок. В этом случае нарушитель бежал впереди, опасаясь того же самого, что и пойманный милицией, — подозревая самозванство, он все-таки больше всего не хотел внимания милиции...

Третий промысел — самый романтический. Им занимались только возвышенные натуры, которые ценили любовь превыше всего. Чужую любовь. У них было зрение и чутье еще более тонкое, чем у милиционеров и самозванных бригадмилыцев, а также поистине ангельское терпение. Они не кричали и не шантажировали. Они заранее забивались в углы, которые выследили, и молчали в ожидании чужого предстоящего наслаждения, которое давало наслаждение им самим.

Людей третьего, нематериального, промысла презирали все — проститутки, их временные возлюбленные, милиционеры, шантажисты-грабители, хотя не было людей более бескорыстных, чем они. Некоторые из них не ждали от своего опасного приключения многого. Долгим терпением вынавав любимое гнездышко какой-нибудь проститутки, он вертелся возле него целый вечер. Иногда, затаив дыхание, забивался в какую-нибудь щель и мучительно ждал приближающегося шороха. Иногда ждал напрасно. Хозяйка обиталища, вероятно, получила более лестное предложение на другом чердаке. А когда романтик попадался, его норовила ударить первой проститутка, пригрозить милиционером, потому что определенно знала, что тот не опасен.

Милиционеры тоже презирали болельщиков чужой любви и норовили отправить в отделение. Снисходительнее всех были самозванцы. Прозирая романтиков, они готовы были объединиться с ними в едином ремесле: наслаждение — поровну, добыча — только себе. Такое объединение с порядочными даже с виду людьми было на руку — могло отвести подозрение в грабеже.

(Продолжение в следующем номере)

Как мы брали дворец Амина

Версия одного политического переворота

В Советском Союзе о кабульских событиях конца 1979 года, после которых началась «необъявленная» афганская война, узнавали из «Правды». В предновогодних номерах газеты можно было прочесть маленькие заметки, в которых со ссылкой на кабульское радио сообщалось, что правительство ДРА обратилось к СССР с просьбой о предоставлении военной помощи, какую от СССР и получило, что Х. Амин — агент ЦРУ и по приговору революционного суда казнен и что все это сделали патристические силы, возглавляемые новым партийным лидером и главой правительства Бабраком Кармалем.

В собственном комментарии «Правды», написанном неким безымянным А. Петровым, с гневом опровергались вымыслы о причастности «советского воинского персонала» к событиям в Афганистане.

Другой информации о происшедшем в Кабуле в канун Нового года советские люди не имели и по порядку тех лет все больше «поддерживали» и «одобряли». Появившиеся спустя полгода слухи о том, что все было не совсем так, как писала «Правда»,

распространения не получили.

Сегодня мы публикуем два рассказа участников событий в Кабуле в декабре 1979 года, услышанных нашим корреспондентом весной 1980 года и воспроизведенных им по памяти с теми деталями и подробностями, которые запомнил человек, убежденный, что услышанное им никогда не станет достоянием гласности. По понятным причинам подлинные фамилии рассказчиков и автора не указываются.

Из рассказов М. К. — на момент описываемых событий — майора КГБ.

«В Афганистан мы прилетели недели за две до событий. В нашей группе было 22 человека, возглавлял ее полковник КГБ. Нас поселили на вилле под Кабулом. Выходить из помещения и пить что-либо, кроме спиртного, было запрещено.

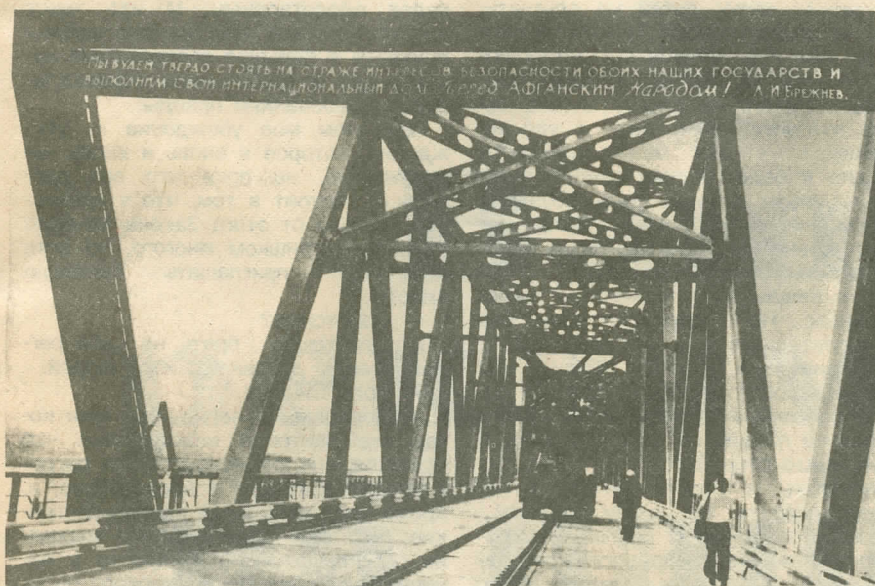
О нашем задании мы знали только, что при наступлении времени «Ч» нам будет зачитан приказ, в соответствии с которым мы и будем действовать. Хотя в принципе то, что нас послали в Афганистан, никого не удивляло. Еще когда по просьбе Та-

раки в эту страну были направлены военные советники, под их видом туда ехали наши сотрудники.

Наконец время «Ч» наступило, и нам был зачитан приказ, составленный вполне в духе последующих статей в «Правде»: Амин — агент ЦРУ, пособник империализма, враг афганского народа. Мы должны были очистить дворец Амина, подавив сопротивление.

К дворцу Амина выдвинулись на десяти боевых десантных машинах с опознавательными знаками афганской армии. Сотрудники КГБ приняли командование экипажем и десантом. Все были одеты в форму афганской армии, а чтобы в темноте не перепутать своих с солдатами охраны, каждый на рукав и на фуражку нацепил белую ленту.

Дорога к дворцу Амина — горная и устроена так, чтобы на открытую площадку перед дворцом могла выехать только одна машина. Если ее подбить, то она не даст пройти колонне. Что и произошло. Едва мы подошли к дворцу на машинах, охрана открыла огонь, первая машина встала. По нас били из дворца из крупно-

«Мост Дружбы» — куда же вела эта дорога?

калиберных пулеметов. Мы залегли. Руководитель операции полковник КГБ Бояринов кричал и ругался.

На штурм шли только сотрудники КГБ. Орали мы со страху ужасно, все больше матом, что, в сущности, помогло нам не только психологически. Пока перебегали под огнем пулеметов дворцовую площадь, убили двоих, в том числе полковника Бояринова. Когда ворвались во дворец, поведение афганцев изменилось. Многие выходили с поднятыми руками и приветствовали нас по-русски. Солдаты из охраны Амина приняли нас поначалу за мятежную часть афганской армии. Многие из них, как потом выяснилось, обучались в десантной школе в Рязани. И услышав, что наступающие ругаются по-русски, сдались как высшей и справедливой силе. Иначе наши потери были бы больше.

Действия свои внутри дворца я помню смутно. Все было, как в кошмаре, двигался я механически. Если из комнат не выходили с поднятыми руками, открывал дверь, бросал гранату и бил, не глядя, очередями по комнате и бежал дальше. Помню, какой-то человек метнулся к лифту. Пока закрывались двери, я успел бросить туда гранату.

Когда штурм был окончен, стали искать Амина. Его тело обнаружили в подвале. Голову ему оторвало разрывом гранаты. Он был в халате. В момент нападения, судя по всему, Амин после ванны пил коктейль. Мы так и не смогли выяснить, кто именно убил Амина. Скорее всего, все шло по той же схеме — кинули в дверь гранату, пустили очередь из автомата и убежали.

Все участвовавшие в штурме получили боевые награды. Ну, кое-что сумели прихватить из вещей во дворце — оружие, кинжалы и сабли, магни-

тофоны. Руководители наши тоже не стеснялись — на транспортных военных самолетах умудрились переправить в Союз даже легковые автомобили.»

«Правда» от 30 декабря 1979 года. Кабул, 29 декабря. (ТАСС). «Как здесь объявлено, новое правительство Демократической Республики Афганистан освободило из тюрем многих афганских граждан, членов НДПА...»

Из рассказа И. В., офицера КГБ, незадолго до описываемых событий работавшего на Дальнем Востоке.

«К тюремной стене мы подошли на двух боевых десантных машинах с эмблемами афганской армии. У нас была задача освободить членов семьи Тараки. Тюремная охрана стала стрелять из крупнокалиберного пулемета. Механик-водитель испугался, дал газ и, даже не развернув башню, въехал в тюремную стену так, что солдаты не успели вытащить автоматы из бойниц. Пушку и дула автоматов при ударе о стену погнуло.

Все мы от удара потеряли сознание. Когда очнулся, увидел, что водитель в каком-то стопоре и управлять машиной не может, а мы стоим в тюремном дворе. Стал стрелять из пулемета и поджег какое-то строение. Потом оказалось, это был деревянный сортир.

Наконец, механик сдвинул машину с места, закружил по двору, и мы тут же провалились в выгребную яму. Чуть не задохнулись там. Высунувшись из люка, я увидел какие-то тени. Выстрелил из пистолета, и меня тут же обматерили. Оказалось, наши. Услышав русскую речь, охранники разбежались, тюремщики открыли камеры.

Вообще все это было как-то бесстыдно. Наши были одеты в афган-

скую форму, техника и у афганцев, и у нас была советская, и в темноте разобрать, кто бежит и в кого стрелять, было трудно. А тут еще стали прибывать самолеты с нашими солдатами и тоже в афганской форме. Из-за путаницы и страха часто стреляли в своих. Это, в общем, понятно — руководил всей операцией замминистра внутренних дел, а исполнителями были КГБ и Минобороны.

Накануне событий Бабрак Кармаль был из Праги переброшен в Ташкент, где ждал всю ночь, а на утро уже был в Кабуле. Он выступил по кабульскому радио и поселился во дворце Амина. Я служил у него еще около года. Из дворца Бабрак в город старался не выходить.»

Вениамин МАЛЫШЕВ,
майор КГБ в отставке

Вместо комментария:

Истории, рассказанные автору «Столицы» и записанные им по памяти, представляются нам странными, местами даже неправдоподобными. Ну, например, то, что сотрудникам КГБ было запрещено на конспиративной вилле пить что-либо, кроме спиртного, — это уж слишком. Зато общий бардак, царивший во время операции, до боли узнаваем, и, если описанные события имели место, они вполне могли происходить именно так, как рассказывали те двое, что выдавали себя за участников: один — штурм дворца Амина, другой — Кабульской тюрьмы.

Мы надеемся, что в министерствах и ведомствах, которые могли бы помочь читателю отделить в этих рассказах правду от вымысла, понимают, что гласность нужна не только для реабилитации расстрелянных пятьдесят лет назад или для обнародования числа ракет, танков и самолетов или размеров военного бюджета, и так доступных всем гражданам мира, кроме граждан СССР.

«Столица» будет рада любой твердой и вполне официальной позиции по кабульским событиям, даже если она слово в слово совпадет со статьей в номере «Правды» от 30 декабря 1979 года: «В результате поднявшейся волны народного гнева Амин вместе со своими приспешниками предстал перед справедливым революционным судом народа и был казнен». Все-таки приятно, когда в нашем зыбком мире хоть какие-то оценки остаются неизменно точными и правдивыми.

Мы также готовы предоставить слово любым свидетелям событий в Кабуле в декабре 1979 года, как желающим подтвердить, так и стремящимся опровергнуть приведенные данные, как способным выступить под собственной фамилией, так и не рискующим это сделать.

АВЕРИНЦЕВ

(Окончание со с. 40)

вестно, что верующие не являются для государства людьми второго сорта, ни в Москве, ни на Сахалине, — тогда есть некоторая естественность в том, чтобы принадлежность человека к тому или иному религиозному сообществу была фиксированной даже документально, чтобы человек и там имел справку о том, что он крещен, — справку, которой у подавляющего большинства из нас нет, и мы верим друг другу на слово, что мы единомышленники...

И здесь я коснулся бы другого вопроса. Вопросы исповедания веры. Долгое время даже те, кто не скрывал своих убеждений, все-таки не могли их совсем ясно исповедовать от первого лица — скажем, в книгах или статьях, если это литераторы, в научных работах — если это ученые, и так далее...

— Искали случая поставить точку — и начать предложение словом «Бог», написав его, таким образом, с прописной буквы...

— Да, мы все, увы, слишком хорошо эту практику знаем...

И вот теперь едва ли не самый болезненный вопрос религиозно-общественной жизни, вопрос, не совсем разумно представленный с обеих сторон, слишком бурно с одной и слишком вяло с другой, — о роли мирян в церкви. Церковь подчинена основаниям священноначалия, но Церковь — это не иерархия, не клир, это — Народ Божий в своей полноте. Полнота Народа Божия есть жизнь Церкви.

Вопрос стоит крайне остро — вплоть до пугающей возможности раскола. Разумеется, миряне, если они желают быть мирянами, в церкви должны, даже и поступаясь чем-то, помнить, что есть какие-то интонации, которые при выяснении отношений в церкви невозможны. Ну, как невозможны какие-то интонации в разговоре с матерью. А Церковь для верующего и есть мать. И с другой

стороны, Церковь может своим детям отвечать как угодно строго — но она не может своих детей не слышать: это не по-матерински. И многолетняя и до сих пор популярная установка на то, что: «У нас нет никаких проблем... Ничего не слышу — что вы там говорите? Нет, нет, я вас не слышу!..» — это может привести только к беде. Всякая самостоятельность мирян должна быть обуздана послушанием, тем более, что при нашем уровне культуры ничем не обуздываемая самостоятельность приведет к вещам ни для кого не желательным... Но, с другой стороны, без самостоятельности — что остается?

Вы знаете, я не хотел бы ни с кем полемизировать особо, но когда в обозре событий в Суздале — ни одного слова не говорю об этих событиях, о конфликте отца Валентина с его оппонентами, я просто ничего и не имею сказать по этому вопросу... но когда в одной из статей я встречаю выражение «неправославные неформалы» (имеются в виду люди, поддерживающие героя этой приключенческой истории), то у меня естественно возникает вопрос: а откуда известно, что они — неправославные? Это ведь вопрос, который в обе стороны может оборачиваться чем-то опасным: у мирянина нет фиксированного статуса. С одной стороны — я сталкиваюсь с тем, как в нашей интеллигентской среде люди, никогда не бывшие известны как церковные, принимают сейчас стилизованно православный тон, а с другой стороны — каждому из верующих можно сказать: «А откуда ты пришел? Кто ты такой? Почему мы знаем, что ты член церкви?..»

Так что вопрос, поставленный восемнадцать лет назад Александром Исаевичем, несомненно должен был тогда быть поставлен именно так, но я не уверен (это не значит, что я уверен в противоположном), что спустя двадцать лет этот вопрос возможно ставить изолированно. Он есть только часть вопроса о самоощущении верующего человека в нашем обществе.

И просто человека в этом нашем

обществе.

Я надеюсь, что обсуждение Закона будет плодотворным. И что текст удастся за эти три летних месяца привести в большее соответствие нуждам дня и требованиям справедливости, требованиям правды.

При этом мое убеждение — убеждение, которое я вновь и вновь передумываю, но пока что его держусь, — состоит в том, что в некотором смысле от этого Закона не надо требовать слишком многого, то есть не надо приглашать светскую власть...

— Советскую?

— ...светскую... брать на себя регламентацию духовной жизни людей.

— Роль Синода.

— Совершенно верно. Все-таки когда эта светская власть пока что остается атеистической, такая регламентация выглядит и несообразно, и, кроме того, есть вещи настолько тонкие, что они полицейскими мерами не регулируются. Да и просто в национальном характере русского человека, который привык гнушаться всего казенного, лучше, чтобы была некоторая дистанция, чтобы некоторые вопросы разрешались путем послушания духовным авторитетам и совести самого человека, — это, конечно, с некоторым риском, что человек может поступить против совести... но, прошу прощения, таков риск в мире, как его Бог устроил. Бог мог бы лишить нас свободы — и мы бы не грешили, но мы не были бы тогда свободными духовными существами.

Прошу у вас прощения за то, что я вдруг взял такой высокий тон, но, когда я говорил о реализме, я не имел в виду прилаживание к отвратительным сторонам нашей действительности, а предостережение от того, что принятие Закона может сразу решить все проблемы нашей религиозно-общественной жизни.

Главное — чтобы Закон как можно меньше заложил на будущее возможностей для его перетолкования. Об этом нам просто надо сейчас подумать — всем миром, как по-русски говорится...

АЛИЕВ

(Окончание со с. 28)

- Дом охраняемый?
- Что вы, обычный дом, квартала у меня — четыре комнаты на шесть человек.
- Пенсия большая?
- Ну... маленькая.
- Пайки, заказы?
- Нет, дочь ходит в обыкновенный магазин, никаких заказов.
- Медобслуживание?
- Поликлиника есть, на Сивцевом

Примечание. За Г. Алиевым закреплена машина, дача. Дом, где он живет, имеет специальную проходную.

Вражке...

— Совета Министров?

— Да. Никаких благ нет. Когда я был в республике первым лицом, и то никакими возможностями не располагал, а здесь — тем более.

— Ваше имя, как и несколько других, стало символом произвола и коррупции и часто употребляется в такой «обойме»: рашидовы, кунаевы, романовы, алиевы...

— Я думаю, это все конъюнктура. Нельзя так делать. Я считаю это совершенно неправильным и несправедливым. А когда мою фамилию называют какие-то проходимцы, которые моего ногтя не стоят, которые еще ничего для народа, для

жизни не сделали, — это вызывает возмущение и протест.

Я всю жизнь прожил честно. Боролся за честное имя партийца. И вот я страдаю сейчас. И физически, и морально страдаю от того, что боролся... Но я не жалею. Я ни у кого ни копейки не взял. Ничего себе не присвоил. Ничего не имею. Машины не имею. Богатства не имею.

И сейчас моя дочь бежит, чтобы мне, больному человеку, которому нужна диета, найти кусок мяса или какой-то другой продукт... Ну что поделаешь.

И если бы начать еще раз — я бы опять выбрал этот путь.

Александр ТЕРЕХОВ

**Ваша
реклама —
на наших
страницах**

Телефоны:

202-42-45

и 928-23-49

«СТОЛИЦА»

Фото Виктора АХЛОМОВА

Юрий НАГИБИН

Поступь богатыря*

— Слушай, Исайка, я получил наказ от сионских мудрецов спойть богатыря, — значительным и тягучим, как патока, голосом сказал своему племяннику и подручному шинкарю Залман.

Исайка пил из кринки топленое молоко. Он не прервал своего занятия, только отнял от горла сосуда левую руку и стал дирижировать ею, отсчитывая оставшиеся глотки и одновременно призывая дядю к терпению. Странный человек был Исайка: толковый, исполнительный, честный — лучшего подручного не найти, но лишенный всякой почтительности к старшим, не говоря уже о благоговении, которое он обязан был испытывать перед стариком дядей, вытащившим его из грязи, давшим место при себе, кров, пищу, талес котен и лапсердак, надежду быть упомянутым в завещании. А по праздникам ему перепало и несколько медяков, хотя зачем нужны деньги трезвому, скромному юноше, живущему на всем готовом? Тут Залман несколько лицемерил. Он знал про себя, что юноша вовсе не трезвенник, хотя и не пьянчуга, но нельзя всю жизнь тереться возле бочек и не узнать вкуса вина. Равно не был он образцом скромности — шлялся к девкам из кожевенной мастерской и так провонял дубильным экстрактом, что от него шарахались злые слободские собаки. И, наконец, можно ли считать Исайку юношей? Было ему за сорок, он весь облез, даже пейсы повывлезли. Со своей круглой голой головой, сломанным носом и выцветшими бледно-голубыми глазами, он даже на еврея не был похож, а бог весть на кого, на гою, тьфу, плюнуть и растереть.

* В суперфильме Н. Бурляева то ли Лермонтов устами Бурляева, то ли Бурляев устами Лермонтова, то ли Бурляев устами Бурляева говорит, что жид-шинкарь спойл богатыря. Мы даем свою версию. — Автор.

Последнее обстоятельство благоприятствовало планам шинкаря, он намеревался послать племянника к кацапам. Нельзя сказать, что в этом была крайняя нужда. Дело Залмана и без того процветало. Он начал с одного шинка, полученного от отца, в настоящее время их стало пять, разбросанных по широкой земле Белой России. Сам он хозяйничал в самом прибыльном по удобству расположения предприятии. Дело не только в том, что этот шинок находился на скрещении дорог, ведущих в торговый Комель, тучный Юделев, зажиточный Шмуц, тароватый Злобин и самый преуспевающий из всех — Холуйск, есть и другие выгодные перекрестки, но Залман нашел такое место, где в одну сторону начинался подъезд, в другую крутой спад, в третью накатистая дорога шла тенистыми рощами, в четвертую — голой равниной, где летом пекло солнце, а зимой вьюжило и пуржило. Шинок был желанен путнику, уставшему подпирать свой воз на вздыме, и путнику, которому предстояло придерживать телегу на уклоне, чтобы та не повалила лошадь. Сюда стремились и тот, кому хотелось согреть нутро перед стылым голым пространством, и желающий очуметь добровольно, не дожидаясь, когда оголтелое солнце выжжет мозги, и тот, кто мог спокойно вздремнуть в прохладе роц. Словом, всё было рассчитано с той тонкостью, что от века отличает сынов Израиля, народа, славного не числом, а умением.

Шинок хорошо кормил Залмана и его немалую семью, но, когда подросли сыновья, а милостивый бог наградил его только мужским потомством, он каждому по достижении совершеннолетия выделил собственное дело. Правда, ни один из созданных им филиалов не приближался по доходности к основному предприятию. Народ в белых землях был не больно пьющий, да и при невеликой замощности скуповатый на баловство. К тому же не

найти другого такого хитрого места, чтоб в одну сторону в гору, в другую под гору, в третью в тени, в четвертую в распах пространства. Но жили его дети не тужили, ели и кнейдлах, и струдель, и цимес, и клецки, и кисло-сладкое мясо, и фаршированную куриную шейку. Было у них на пасху вволю седера, мацы, домашнего вина и горьких трав к рыбе. Но так устроен человек — ему всегда мало того, что он имеет. А кроме того, закон частного предпринимательства — всемерно стремиться к расширению. Так же непроизвольно расширяется наша вселенная, хотя, возможно, это устаревшие сведения, а по новым правилам она непроизвольно сужается. И, наконец, самое важное, если верить Залману, коммерческие расчеты тут ни при чем: он получил указание от коварных сионских мудрецов, желающих установить свое господство над миром. Послушаем, что скажет по этому поводу циничный и пронизательный Исайка. Вот он сейчас допьет смуглое и, тепловатое топленое молоко и скажет.

Исайка допил молоко, запрокинул кринку над широко отверстым ртом с гнилушками зубов, слил последние капли, отодрал коричневую пенку, приклеившуюся к губам, высморкался в два пальца и сказал тоном глубокого неуважения:

— Не надо забивать мне уши грязью, дядя Залман. Вы не хуже меня знаете, что никаких сионских мудрецов нет. Их придумают через сто-двести-триста лет в царской охранке. Я бы сказал точнее, если бы знал, когда мы живем, но я сроду не заглядывал в календарь.

— Как ты можешь знать, что будет через столько лет? — опешил дядя Залман.

— Память о будущем, — небрежно бросил Исайка.

— А почему я о них заговорил? Тоже память о будущем?

— Нет, вы их придумали. Как при-

думает в свой час жидоед Нилус и притит в ход жандармский полковник Рачковский. Для этого много ума не надо — дешева выдумка.

Залману было очень стыдно. Он и сам не мог понять, зачем он придумал каких-то сионских мудрецов, предвосхитив идею грядущего жандарма. Видать, когда у человека всего в достатке, ему хочется чувствовать себя важной персоной, которой доверяют тайные поручения всемирного исторического смысла. И ведь сколько раз попадал он впросак с этим Исайкой, и всякий раз какой-то бес тянет его за язык. Ни перед кем так не хочется ему погордиться, как перед непочтительным племянником.

— Ладно, Исайка, я вижу, тебя не проведешь. Не положено тебе знать, кто дал мне поручение, вот память о будущем и подсунула мне этих дурацких сионских мудрецов. Я мог бы тебе ничего не говорить, просто послать, как обыкновенного приказчика, но ты сын моей двоюродной сестры, и я доверяю тебе по-родному. Кабала поручила мне...

— Ой-эй-эй! — застонал Исайка, схватившись за щеку, будто у него заболел коренной зуб. — Не надо, дядя! Кабала — это английские штучки, никакой еврейской кабалы нет и не было в помине. Есть еврейская колбаса, с чесночком. Давайте без сказок. Я вышел из этого возраста. Что вам от меня нужно?

— Если ты такой босьяк, что ни во что не веришь, то катись в Россию и не возвращайся, пока всю ее не споешь.

— Ну, всю ее споешь трудно, — ухмыльнулся Исайка. — Но вообще, вас понял. Нужно приглядеть места для новых шинков.

— Такие, как ты, — с дрожью в голосе сказал Залман, — всё принижают до себя. До своей жалкой и пошлой личности.

— Но ставят шинки, — закончил племянник.

— Что шинки, — печаль Залмана была почти искренней, — если обезглавлена мечта?

— Вам надо писать стихи, — сказал Исайка и пошел собираться.

Последнее оказалось не таким простым делом. Исайка хотел явиться в стан гоев одним из них — простой, бесхитростный русский юноша, песенник и гуслирь.

Косоворотку и порты нашли без труда, но больше русских причиндалов в местечке не оказалось, пришлось посылать гонцов в тароватый Злобин за полукафтanjem, в тучный Юделев за епанчой, в зажиточный Шмуцк за козловыми сапожками с загнутыми носами и в самый преуспевающий из всех Холуйск за гуслиями и паричком соломенного цвета. Когда Исайка напялил парик, облачился в русскую одежду, натянул сапожки и ударил во струну во серебряную, Залман побледнел.

— Ты настоящий гой! Даже в лопатках холодно. Как перед погромом.

Исайка посмотрел на свое отражение в непросыхающей луже у порога шинка.

— Вылитый Сергей Есенин, когда его представляли русскому царю.

— Это что еще такое? — не понял Залман.

— Тоже воспоминание о будущем.

На предмет гигиены и для усвоения русских обычаев Исайка сходил в парную, где неумело, но старательно исхлестался венником, и вышел оттуда розовый и помолодевший на десять лет. Он оделся во всё чистое, расчесал парик волосок к волоску, подпоясался шнурком с кистью и привесил к нему деревянный гребень, без которого ни один русский не выйдет из дома, закинул за спину суму переметную с куском храмцлаха, фаршированной щукой, шкварками, зеленым лучком и солью в тряпице, попрощался с дядей и тронулся в путь бодрым шагом блудного сына, чующего близость родного порога, подыгрывая себе на гуслиях и напевая: «Вдоль да по речке, речке по Казанке сизый селезень плывет».

Залман смотрел ему вслед, пока слезы не затуманили взора.

А потом началось ожидание. Долгое, тревожное, изредка радостное, когда сердце верялось бедной надежде, но чаще печальное, мучительное. Он все больше склонялся к тому, что зоркие и хитрые туземцы разоблачили Исайку. Значит, рухнула его мечта обстроить шинками бескрайнюю землю и перекачать в свою мошну нажиток трудолюбивого и трезвого народа. Сейчас, в отдалении, иначе воспринимался последний образ Исайки. В талес котене или в лапсердаке он выглядел человеком без нации, а в гойском платье, светлом парике и с гуслиями в руке обрел законченно местечковый вид. Конечно, самозванцу это не сошло с рук. Лег Исайка в чужую землю, никем не оплаканный, и не будет памятного камня над его могилой, забытой богом навсегда.

Залман ждал племянника, как старый Будрыс — всех своих сыновей вместе взятых. Но в отличие от закаленного воина, знавшего, что битва и гибель неразделимы, и потому смиренно принимавшего любую судьбу сыновей, шинкарь не мог смириться с мыслью, что по Исайкиной неосмотрительности провалилось такое выгодное дело. Он вскакивал ночью и, царапая грудь, молил грозного Ягве не оставить милостью его питейное заведение.

Когда же Залман, перестав ждать, велел выгрести золы из печки для посыпания главы, чтобы приличным образом оплакать дорогого покойника, Исайка вернулся.

Счастливая весть настигла Залмана в подвале, где он дегустировал сливянку. Залман бросился в дом. Он так свыкся с гойским обликом Исайки, что не узнал его в старом еврее с серым лицом, дрожащей челюстью и полубезумным взглядом. Ни полукафтання, ни нарядных сапожков, ни гус-

лей не было видно, Исайка щеголял в драном лапсердаке и разношенных чоботах.

— Что с тобой? — вскричал Залман.

— Надо тикать! — Исайка странно дергал головой на тощей шее, будто пытаясь уловить что-то невидное и неслышное в пространстве. Он идет сюда. Нам всем конец.

— Успокойся, Исайка. И говори толком.

Залман достал из тумбочки баклажку, налил стакан водки и протянул племяннику. Тот принял стакан обеими руками, зубы его выбили дробь по стеклу. И все-таки водка помогла ему собраться.

— Спойте богатыря решили? Только в вашу ослиную голову могла прийти эта идиотская мысль. Богатырь не просыхал уже тогда, когда первый еврейский пьяница Ной сосал молоко из кормилицы.

— Вот и хорошо! — обрадовался Залман. — Значит, ему понадобится наше зерно...

— Зерно? — взъярился Исайка. — Да плевать он хотел на ваше зерно, на вашу пшеницу, жито, ячмень, овес, гречиху, просо. Он гонит вино из чего хочешь: из свеклы, картофеля, репы, сена, соломы, из досок и старых подков, ржавых серпов и молотов, тряпок, пеньки, дегтя, мха, сапог, лаптей, тютюня, ремня, из куриного помета, утопленников, выкидшей, кладбищенских оград и надгробий. Все, что попадает к нему под руку, он превращает в вино, как ушастый царь Мидас все превращал в золото. Домашних животных и птиц, мышей, пауков, мух, все ягоды и грибы, даже ядовитые, все травы и растения, водоросли, рыб, лягушек, червей, улиток, бабочек. Он уже выпил не счесть лесов, полей, гор, ущелий, кладбищ, изб, мебели, домашней утвари, борон, сох, граблей, кадушек и чугунков. Он ломит на север, юг, восток и запад в поисках собутыльников. Впереди движутся на катках кабаки, трактиры, кружала, чарочные, пивные, полупивные, за ними строем идут целовальники, так называют они шинкарей, боже избави от таких поцелуев. Они уже зацеловали не сказать сколько малых народов, но их продолжает распирать...

Исайка вдруг замолчал и к чему-то прислушался.

— Слышите? — произнес жалким голосом.

Шинкарь напряг слух. Что-то грозное творилось в пространстве. Залман никогда не бывал ни на море, ни в горах и не мог найти образ этого шума в разбушевавшейся морской стихии или в горном обвале. Но тем страшнее казалась не имеющая подобия таинственная угроза.

Шум стремительно нарастал.

— Это Он! — выдохнули бескровные губы Исайки.

И два еврея, подхватив полы лапсердаков, кинулись наутек.

Откроем Сысоева?

Вячеславу Сысоеву 53 года.

Прекрасно, что ранее «широко известному в узких кругах» художнику наконец-то воздается должное, что он все же удержался на ногах, не сгинул под забором или «в зоне», где ему пришлось провести два года в самом конце так называемого застоя по обвинению в так называемой порнографии.

Обидно, что до сих пор у него многое неладно. Что его рисунки с трудом прорываются на страницы отечественных изданий, что братья-художники не торопятся раскрыть ему свои объятия. Мало того, весьма часто подворовывают у него: то сюжет маханут, то тему, а манера его, та линия, которую он открыл, заплатив за это годами унижения и несвободы, похоже, становится модной, и вот уже и в столичных, и в провинциальных изданиях возникают свои маленькие «сысоевы»... иногда рисунки его появляются без подписи — ну, Сысоев, ну и что? Какой такой Сысоев? Он и рисовать-то не умеет. Чего с ним церемониться... Он вообще теперь в Западном Берлине живет и неизвестно когда оттуда возвратится...

Ну, во-первых, как известно, Западного Берлина более не существует, равно как и Восточного, а во-вторых, совесть надо, господа, иметь. Об этом и в Библии написано, и в «моральном кодексе строителя коммунизма».

Я не говорю уже о том подонке-эксперте, который, ведая, что творит, подтвердил в 1983 году, что творчество Сысоева — порнография. Бог ему судия. Тоже небось занимается сейчас полезным для здоровья серфингом на волнах перестройки. Я о том, что знак художнического первородства неизбывен и неизменен. Это — тавро на все времена, это — знак причастности, а все остальное опадет, как воздушный шар, развеется, как мыльный пузырь...

Самые ранние из рисунков Сысоева датируются началом 60-х годов, самые поздние — сегодняшним днем. Оторопь берет, и хочется воскликнуть «чур, меня, чур», когда деятельный безликий кретин из серии «Болваны» дирижирует заходом и восходом бутафорского солнца, смысленный мужичок гонит самогон

из свеклы, что существует лишь на экране телевизора, бедная колбаса бьется, привязанная к железной кровати дурдома, унылая чахлая лошаденка везет громадную межзвездную ракету, а доверчивым «форинам» ловкие ребята «втюхивают» плоские макеты русских церквей, ибо подлинное — разрушено, поломано, смято. «Вялотекущая паранойя» — пусть ненаучен такой мой термин, но именно этот диагноз ставит, как мне кажется, Вячеслав Сысоев тому, что никак не желает исчезнуть из нашей жизни, несмотря на пять с лишним лет перестройки.

И что же такое народ, как бы спрашивает художник. Скотиношка ли несмысленная либо все же человек, который «звучит гордо».

Ответ его однозначен. Человек! Но человек, волею злых обстоятельств и бесовских социальных экспериментов загнанный в бредовое пространство морока и разврата. И корчатся, корчатся на листах Сысоева проститутки, наркоманы, пустоглазая шпана, «наследники Сталина» и мимикрирующие рыла «новой формации».

Думаю, что подробный разговор о нем и его творчестве еще впереди, верю, что патриотические работы его несомненно нужны здесь гораздо больше, чем там. А то ведь стара как мир история: на Западе и альбомы его изданы, и статей о нем — куча, и выставок — масса. Когда его арестовали, в защиту его свободы выступили всемирно известные художники, актеры, писатели. Ну, хотя бы Сэмюэл Беккет, Ив Монтан, Клод Лелюш, Ингмар Бергман, если кого интересуют эти звонкие имена. Я не говорю уже о русских художниках в изгнании, со товарищах В. Сысоева, неустанно требовавших его освобождения... То есть, художественный мир знал ему цену уже тогда, когда на родине сведения о Сысоеве исчерпывались лживым фельетоном в «Литературной газете» (2.05.1984 г.), данными «Голоса Америки» и боязливым бормотанием отдельных его коллег: «Оно, конечно, нехорошо художника обижать... Но все же ОН САМ ВО МНОГОМ ВИНОВАТ. И характер у него скверный, и нельзя же так это, прямо...»

А как нужно? Изгибов «амбива-

лентного сознания» мы за все эти годы навиделись достаточно. И какой, интересно, характер может быть у сатирика? Что, Салтыков-Щедрин бытовым ангелом был? Свифт? Угрюмый Зоценко? И художник вышел из тюрьмы, и художник опять никому не нужен, и художника теперь опять нету по месту прописки. Он временно в Берлине. Старо как мир...

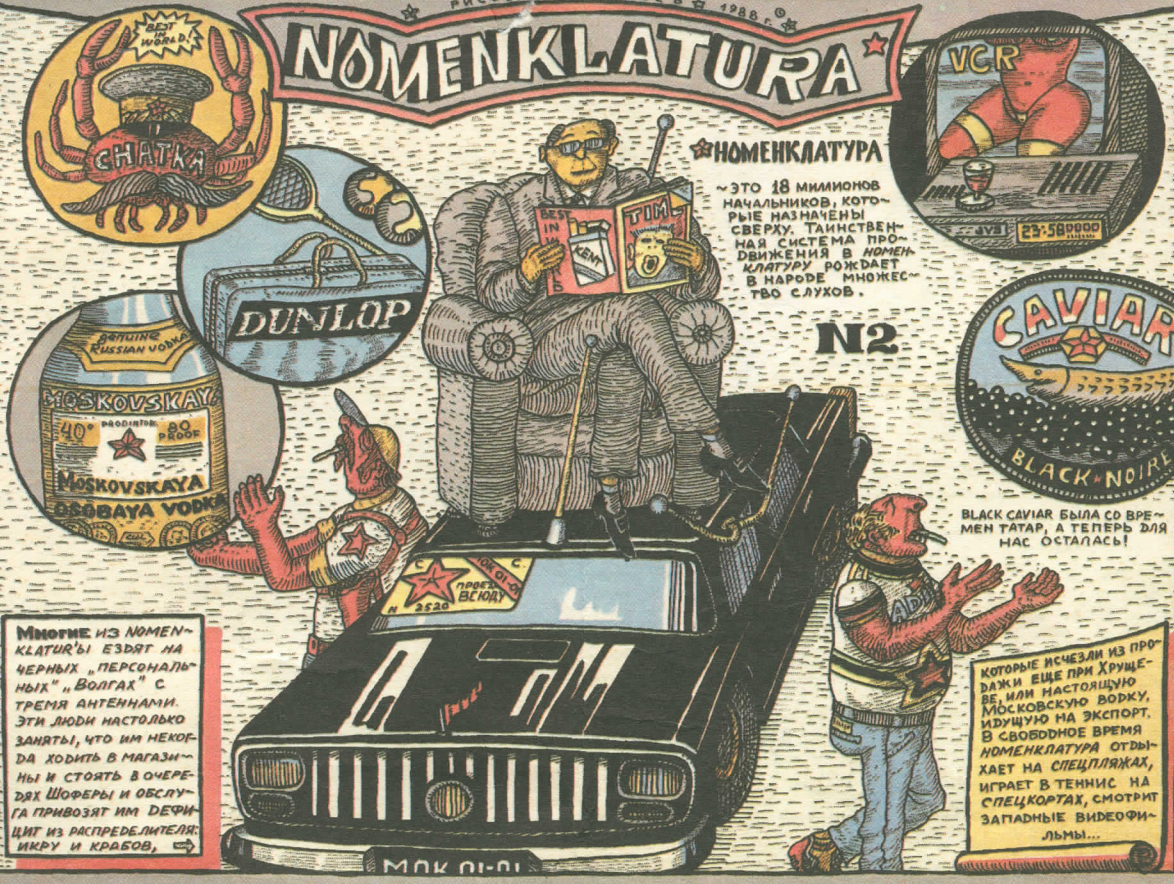
Сысоев рисует мастерски, смешно, цемаясь, свирепо. И не ерничающе его работы, а вопль, рыдание. жажда очищения от скверны. Гуманизм его жесток, беспощаден и связан скорее с народной русской традицией анекдота, частушки, поговорки, чем с книжным идеализмом. Если искать аналогию в литературе, то это — продолжение той традиции, которая явила миру абсурдизм обериутов, фасеточное зрение Леонида Добычина, хриплое пение Галлича и Высоцкого.

Ибо он — сатирик, и сатира его — осинный кол в могилу нечисти, жаждущей старых порядков, когда так вольготно можно было устроиться под красным знаменем на согбенной вые изнасилованного народа, на краю бездны, разверзшейся перед равнодушной, полупьяной страной.

Так откроем же Сысоева. Попытаемся преодолеть пошлость небрежения к живому художнику, пока он в расцвете сил, пока он не затерялся во времени и пространстве.

10 июля 1990 г. Евгений ПОПОВ

НОМЕНКЛАТУРА

НОМЕНКЛАТУРА
 ~ ЭТО 18 МИЛЛИОНОВ НАЧАЛЬНИКОВ, КОТОРЫЕ НАЗНАЧЕНЫ СВЕРХУ. ТАИНСТВЕННАЯ СИСТЕМА ПРОДВИЖЕНИЯ В НОМЕНКЛАТУРУ РОЖДАЕТ В НАРОДЕ МНОЖЕСТВО СЛУХОВ.

N2

Многие из номенклатуры ездят на черных "персональных" "Волгах" с тремя антеннами. Эти люди настолько заняты, что им некогда ходить в магазины и стоять в очередях. Шоферы и обслуживающие привозят им дефицит из распределителя: икру и крабов.

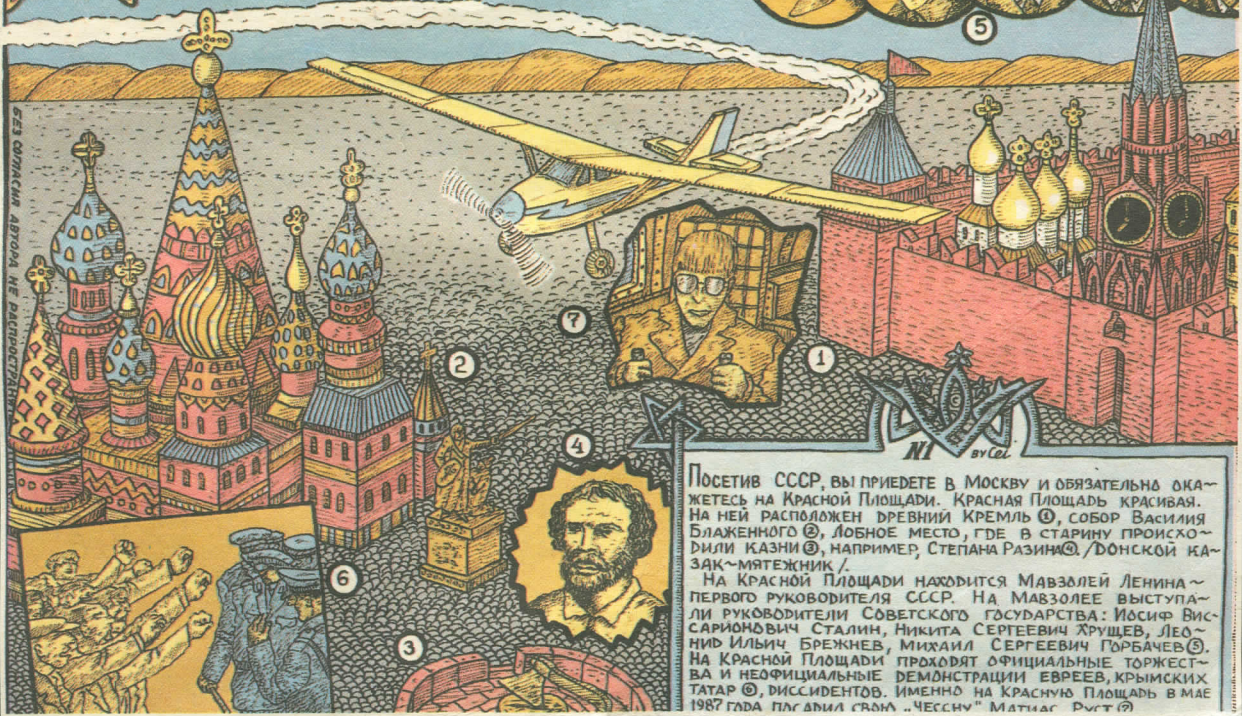
BLACK CAVIAR БЫЛА СО ВРЕМЕН ТАТАР, А ТЕПЕРЬ ДЛЯ НАС ОСТАЛАСЬ!

КОТОРЫЕ ИСЧЕЛИ ИЗ ПРОДАЖИ ЕЩЕ ПРИ ХРУЩЕВЕ, ИЛИ НАСТОЯЩУЮ МОСКОВСКУЮ ВОДКУ, ИДУЩУЮ НА ЭКСПОРТ. В СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ НОМЕНКЛАТУРА ОТДЫХАЕТ НА СПЕЦПЛЯЖАХ, ИГРАЕТ В ТЕННИС НА СПЕЦКОРТАХ, СМОТРИТ ЗАПАДНЫЕ ВИДЕОФИЛЬМЫ...

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В РОССИЮ!

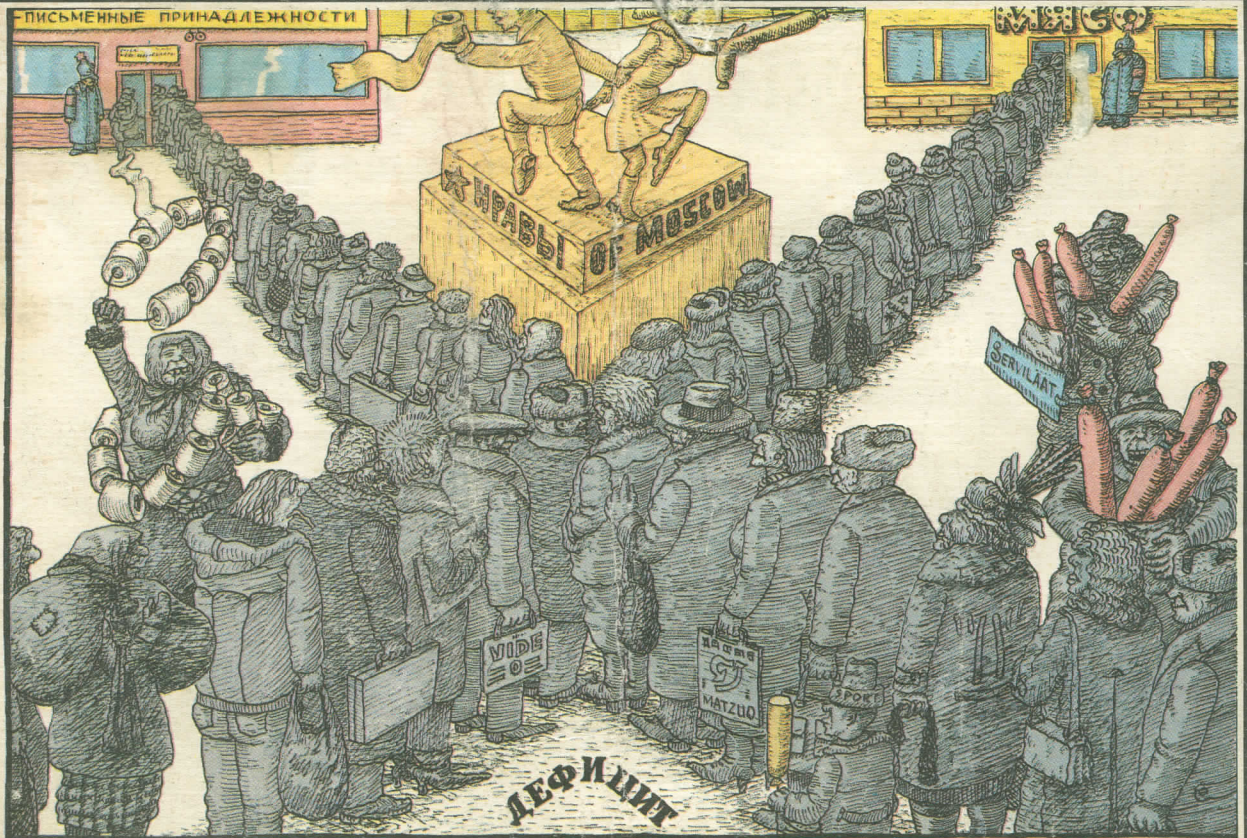
WELCOME TO RUSSIA!

1988 V.SYSSOV

Посетив СССР, вы приедете в Москву и обязательно окажетесь на Красной Площади. Красная Площадь красивая. На ней расположен древний КРЕМЛЬ, собор Василия Блаженного, лобное место, где в старину проходили казни, например, Степана Разина, Донской казак-мятежник.
 На Красной Площади находится Мавзолей Ленина - первого руководителя СССР. На Мавзолее выступали руководители Советского государства: Иосиф Виссарионович Сталин, Никита Сергеевич Хрущев, Леонид Ильич Брежнев, Михаил Сергеевич Горбачев. На Красной Площади проходят официальные торжества и неофициальные демонстрации евреев, крымских татар, диссидентов. Именно на Красную Площадь в мае 1987 года пасадил своим "Чесну" Матигас Рут.

ЕЩЕ СТИХИ. АВТОРА НЕ РАСПРОСЫВАЙТЕ

ДЕФИЦИТ*НЧ* Вы заметили, что почти все люди на улице держат в руках сумки, портфели, авоськи? Это потому, что внезапно где-то могут возникнуть дефицит! Дефицит вызывает в нас жадность и нежелание делиться с другими.

СЯЩА, КАК НА ЭТОМ РИСУНКЕ, ГДЕ В МАГАЗИНЕ «ШКОЛЬНО-ПИСЬМЕННЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ» ДАЮТ ТУАЛЕТНУЮ БУМАГУ, А В МАГАЗИНЕ «МЯСО» — ФИНСКУЮ КОЛБАСУ «СЕРВИЛАТ». ДЕФИЦИТ — ПОСТОЯННЫЙ СЛУЖИТЕЛЬ ЖИЗНИ. НЕ ХВАТАЕТ ПРОДУКТОВ, ГАРЕБЕТЫ НЕУЖЕ АРХИВНЫМИ КНИЖКАМИ ЗАКРЫЛИ ВАРКИ...

N7

NEFORMALS!

В последние годы в России образовалось много неофициальных групп — неформалов, таких, как Афганцы, участники войны в Афганистане, Люберцы, или общество «Память» / объединение русских националистов, выступающих против еврейского «засилья» / Немолодые руководители комсомола пытаются держать неформалов под контролем. **

ТРЕБУЕМ ВСТРЕЧИ С МИХАИЛОМ СЕРГЕЕВИЧЕМ ГОРБАЧЕВЫМ !!!

*) Коммунистический Союз Молодежи.
**) Неформалов держат под контролем также КПСС, МВД и КГБ.

ПРАВДА СУДА НЕ БОИТСЯ ПАМЯТИ

РИСОВАЛ И СДЕЛАЛ